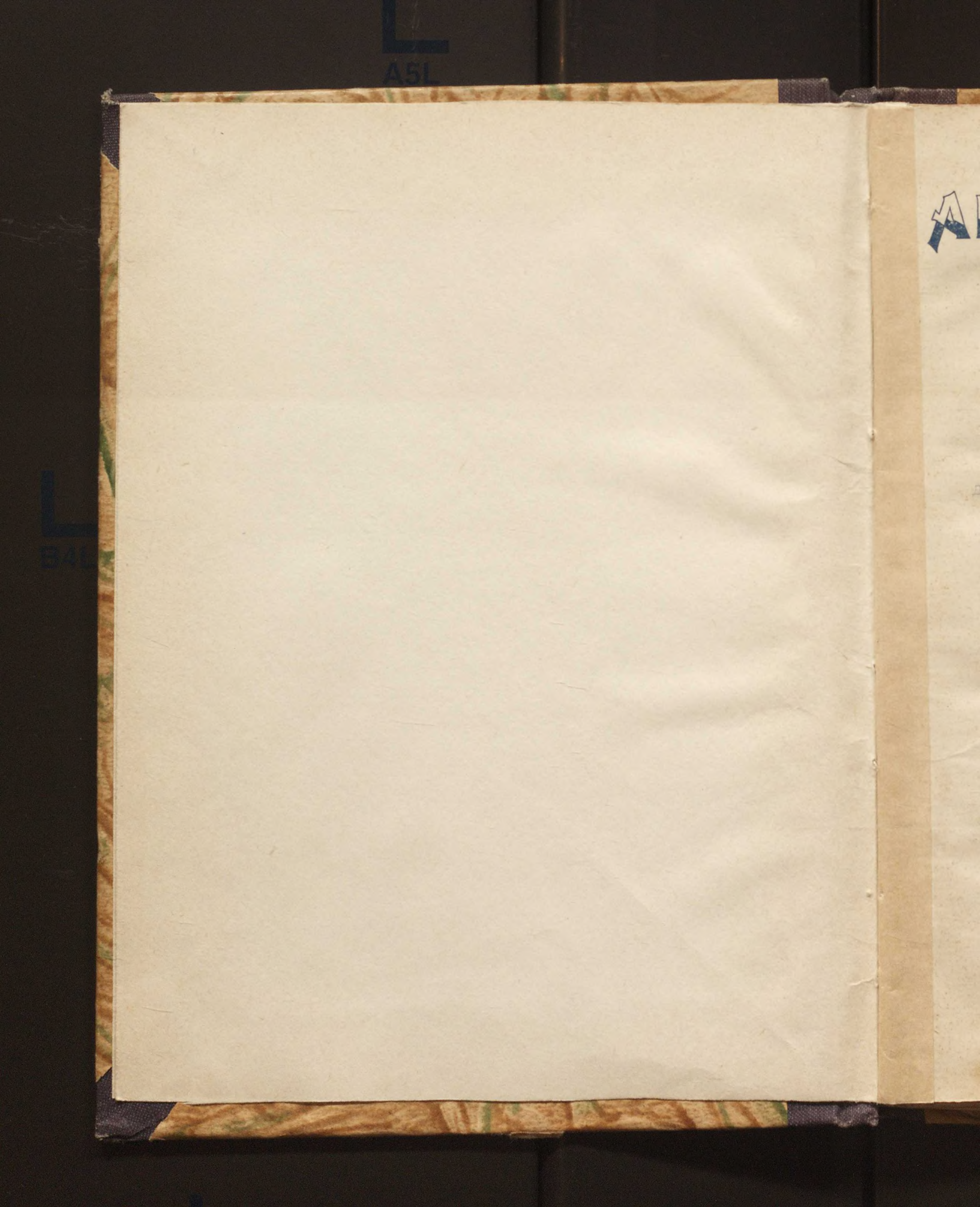

АРАБСКІЯ СКАЗКИ

„ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ“

○○○○○○

НОВЫЙ ПЕРЕСКАЗЪ

ДЛЯ РУССКИХЪ ДѢТЕЙ

Н. А. Митькова.

○○○○○○

РИСУНКИ:

Дж. В. Грея,

П. Н. Соболева,

В. Я. Суреньянца

и другихъ.

○○○○○○

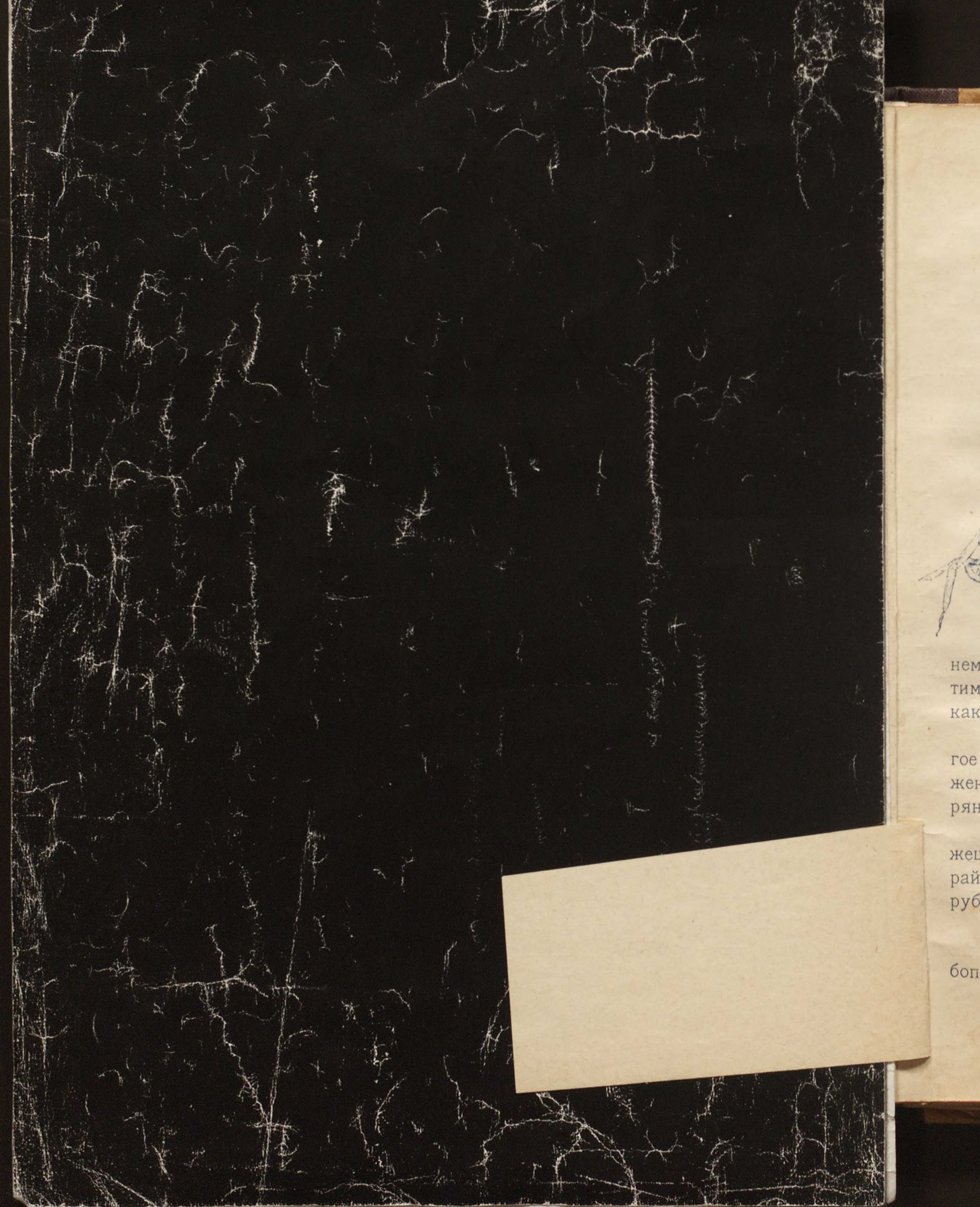
Изданіе І. Кнебель. Москва.
1913.

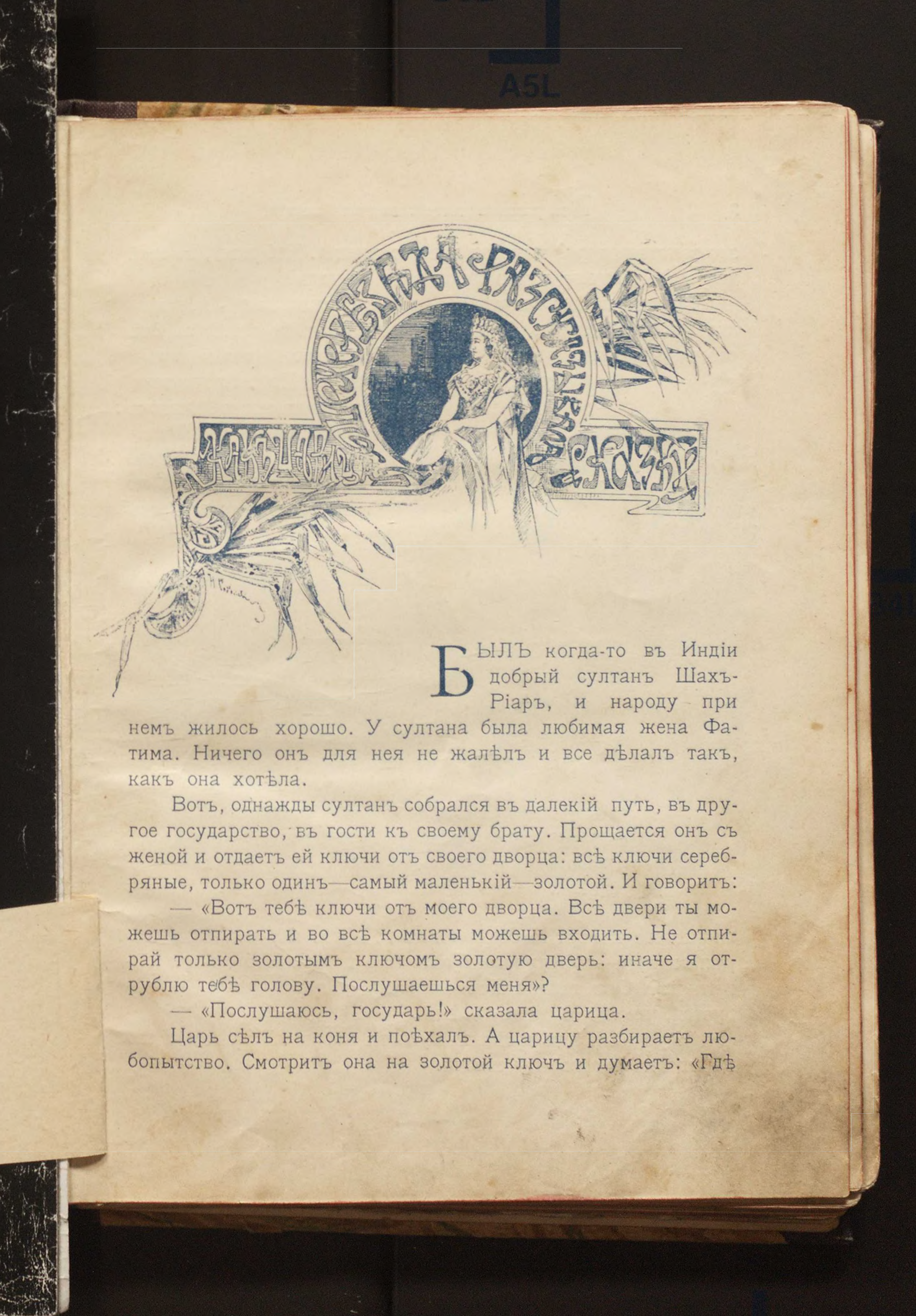
Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ
Москва, Трехпрудный пер.
1913.

Арабскія сказки.

Былъ когда-то въ Индіи добрый султанъ Шахъ-Ріаръ, и народу при немъ жилось хорошо. У султана была любимая жена Фатима. Ничего онъ для нея не жалѣлъ и все дѣлалъ такъ, какъ она хотѣла.

Вотъ, однажды султанъ собрался въ далекій путь, въ другое государство, въ гости къ своему брату. Прощается онъ съ женой и отдаетъ ей ключи отъ своего дворца: всѣ ключи серебряные, только одинъ—самый маленькій—золотой. И говоритъ:

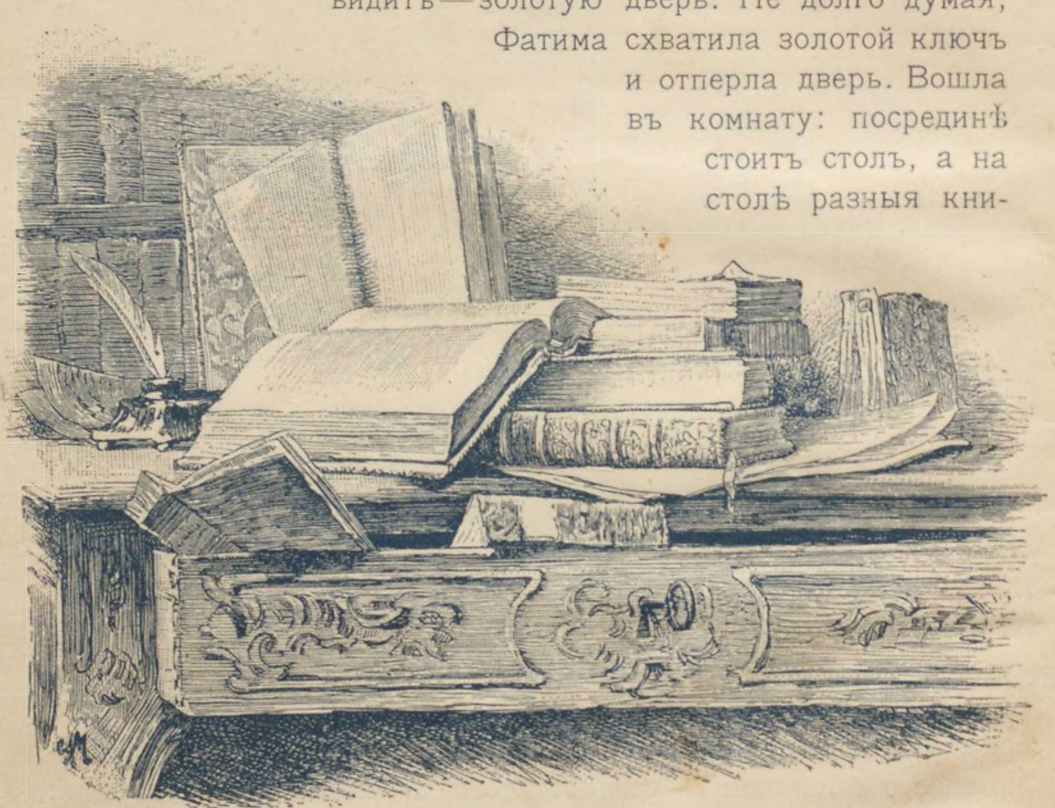
— «Вотъ тебѣ ключи отъ моего дворца. Всѣ двери ты можешь отпирать и во всѣ комнаты можешь входить. Не отпирай только золотымъ ключомъ золотую дверь: иначе я отрублю тебѣ голову. Послушаешься меня»?

— «Послушаюсь, государь!» сказала царица.

Царь сѣлъ на коня и поѣхалъ. А царицу разбираетъ любопытство. Смотритъ она на золотой ключъ и думаетъ: «Гдѣ

это золотая дверь? никогда я ее не видала. Чтó тамъ, за этой дверью? И отчего мнѣ нельзя туда входить?»

Царица пошла осматривать весь дворецъ, нигдѣ не находитъ золотой двери. Пришла она въ спальню султана. Всѣ стѣны увѣшаны дорогими коврами. Отдернула одинъ коверъ и видитъ — золотую дверь. Не долго думая, Фатима схватила золотой ключъ и отперла дверь. Вошла въ комнату: посрединѣ стоитъ столъ, а на столѣ разныя кни-

ги — много книгъ. И больше ничего нѣтъ. Фатима пересмотрѣла книги,—всѣ про войну да про войну. Чтó тутъ любопытнаго? Она вышла изъ комнаты, заперла дверь и радуется, что никто ее не видѣлъ.

Черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ султанъ назадъ. Встрѣчаетъ его царица и отдаетъ ему ключи.

— «Послушалась ли ты меня?» спрашиваетъ султанъ.

— «Послушалась, государь!» отвѣчаетъ царица.

— «Ну, спасибо тебѣ!» сказалъ онъ и поцѣловалъ жену.

Только, вечеромъ, приходитъ къ султану одинъ слуга и говоритъ:—«Великій государь! Твоя жена входила въ золотую комнату и читала твои бумаги. Я стоялъ въ это время за занавѣской и все это видѣлъ».

— «Правду ли ты мнѣ говоришь?» закричалъ Шахъ-Ріаръ.

Тотъ отвѣчалъ:—«Клянусь тебѣ, государь,—я видѣлъ это своими глазами».

Царь призвалъ къ себѣ жену и сказалъ ей:

— «Вотъ, что́ говоритъ про тебя мой вѣрный слуга. Правда ли это?»

Фатима упала на колѣни и заплакала:—«Великій государь! это правда. Но прости меня!»

— «Нѣтъ!» сказалъ царь, «не прощу. Я тебя спрашивалъ давеча: послушалась ты меня или нѣтъ? Ты сказала: да, послушалась! Ты не только не послушалась, ты еще обманула меня. Эй, стражи! отрубите ей голову!»

Подбѣжали стражи и убили царицу. А Шахъ-Ріаръ объявилъ народу такой указъ:

«Прежде я былъ добрый

и справедливый, теперь буду злой и жестокій. Какъ только кто въ чемъ провинится, я его сейчасъ же велю казнить. Каждая дѣвушка, которая выйдетъ замужъ, на другой день послѣ свадьбы будетъ безъ головы!»

Съ этихъ поръ на площади каждое утро казнили много людей: и женщинъ, и мужчинъ. Султанъ сдѣлался злой и сердитый; онъ не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью, все сидѣлъ у открытаго окна и придумывалъ, кого бы еще казнить. Каждый день къ нему приводили на смотрины красивыхъ дѣву-

шекъ; онъ выбиралъ себѣ одну изъ нихъ въ жены, праздновалъ пышную свадьбу, а на утро приказывалъ своему старшему министру:

— «Вели отрубить моей женѣ голову!»

Весь народъ пріунылъ. Люди сидѣли по своимъ домамъ и боялись выходить на улицу...

Старшій министръ говорилъ султану:

— «Великій государь! я добрый человѣкъ. Не могу я убивать людей! не могу видѣть, какъ ты мучишь свой народъ! Лучше прикажи меня убить!»

А султанъ отвѣчалъ:

— «Дѣлай, что́ я тебѣ говорю!»

У министра были двѣ дочки. Одну звали Шехерезада, другую—Динарзада. Министръ души не чаялъ въ своихъ дочеряхъ и очень гордился ими. Особенно любилъ онъ Шехерезаду. Она была красавица и умница, прочитала много книгъ и отлично умѣла разсказывать сказки.

Однажды говоритъ Шехерезада отцу:—«Батюшка! отведи меня къ царю на смотрины: можетъ-быть, царь возьметъ меня замужъ, и я буду царицею».

— «Что ты, дочка, съ ума сошла?» говоритъ министръ. «Вѣдь, на другой же день султанъ мнѣ велитъ тебя казнить!»

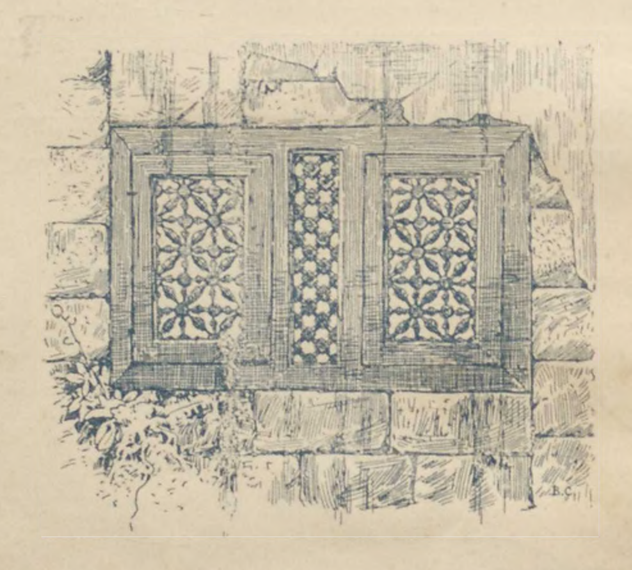

— «Нѣтъ, батюшка: я сдѣлаю такъ, что онъ и меня оставитъ живою, и другихъ казнить перестанетъ».

Отецъ ее отговариваетъ и такъ и этакъ,—она стоитъ на своемъ. Нечего дѣлать, согласился отецъ.

— «Ну», говоритъ, «пойдемъ къ царю на смотрины».

Шехерезада отвела свою сестру Динарзаду въ сторонку, что-то шепнула ей на-ухо и пошла съ отцомъ во дворецъ.

Султанъ сейчасъ же выбралъ Шехерезаду себѣ въ жены и объявилъ свадьбу. На свадьбѣ онъ отдаетъ приказъ министру:

— «Завтра утромъ ты долженъ казнить свою дочь!»

Заплакалъ старый министръ, не посмѣлъ съ царемъ спорить. А молодая царица Шехерезада говоритъ султану:

— «Великій государь! завтра мнѣ уже надо умирать, такъ исполни сегодня мою малую просьбу».

— «Говори, въ чемъ дѣло!» сказалъ царь.

— «Я очень люблю мою младшую сестру Динарзаду. Позволь ей провести эту ночь около меня».

— «Хорошо!» сказалъ Шахъ-Ріаръ.

Вотъ окончился свадебный пиръ, настала ночь. Царь, сердитый и грустный, сѣлъ у своего окна. А Шехерезада и говоритъ:—«Великій государь! Позволь моей сестрѣ спѣть для меня въ послѣдній разъ мою любимою пѣсню».

— «Пусть поетъ!» сказалъ онъ.

Динарзада заиграла на лютнѣ и спѣла пѣсню.

— «Ты хорошо поешь!» сказалъ султанъ.

— «Великій государь!» сказала Динарзада. «Моя пѣсня тебѣ понравилась: такъ исполни за это и мою просьбу. Позволь моей сестрѣ-царицѣ разсказать мнѣ въ послѣдній разъ какую-нибудь сказку».

— «Ты умѣешь разсказывать сказки?» спрашиваетъ султанъ свою молодую жену. «Ну, разсказывай, и я, пожалуй, послушаю».

Шехерезадѣ того только и надо было. Она начала разсказывать чудесную *сказку о рыбакѣ*, нарочно тянула ее и не кончала всю ночь, а царь все слушалъ и не могъ наслушаться.

Настало утро. Приходитъ старшій министръ и, со слезами на глазахъ, объявляетъ султану:

— «Великій государь! на площади все готово для казни».

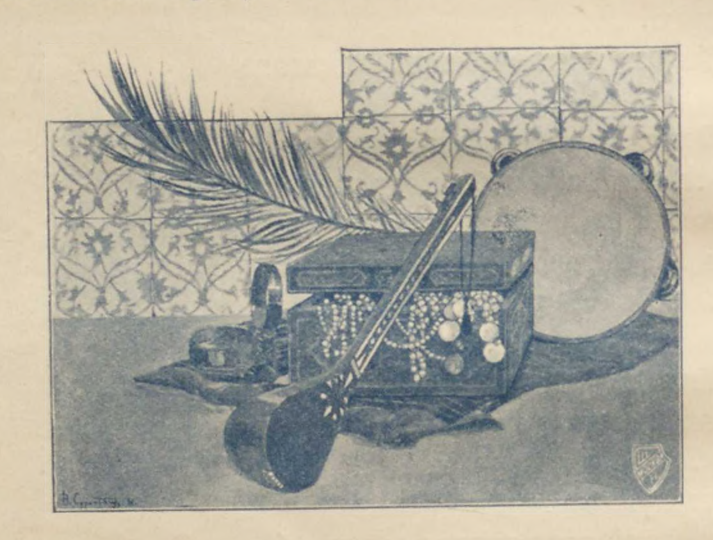
А Шехерезада разсказала еще только половину сказки и нарочно остановилась на самомъ интересномъ мѣстѣ. Султану хочется узнать, чѣмъ окончится сказка, и говоритъ онъ царицѣ:

— «Я откладываю твою казнь до завтра: въ слѣдующую ночь ты разскажешь мнѣ конецъ сказки. А теперь я пойду займусь дѣлами».

Прошелъ день, настала ночь. Царь сѣлъ у окна и сказалъ женѣ:—«Ну, оканчивай свою сказку! Мнѣ она очень понравилась».

Шехерезада стала разсказывать: окончила сказку о рыбакѣ и тутъ же приплела къ ней новую *сказку о разноцвѣтныхъ рыбахъ*. Опять настало утро. Приходитъ министръ и говоритъ:

— «Великій государь! на площади все готово для казни».

А Шехерезада нарочно успѣла разсказать новую сказку только наполовину и опять остановилась на самомъ интересномъ мѣстѣ.

— «Отложить казнь до завтра!» сказалъ царь.

Шехерезада каждую ночь начинала все новыя и новыя сказки,—одна другой лучше, одна другой любопытнѣе,—а султанъ все откладывалъ и откладывалъ казнь. Недѣля шла за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, и такъ она занимала султана ровно тысячу и одну ночь, то-есть почти три года. За это время Шахъ-Ріаръ очень полюбилъ свою умную жену. Когда она разсказала ему тысяча первую *сказку про волшебнаго коня*, онъ обнялъ ее и сказалъ:

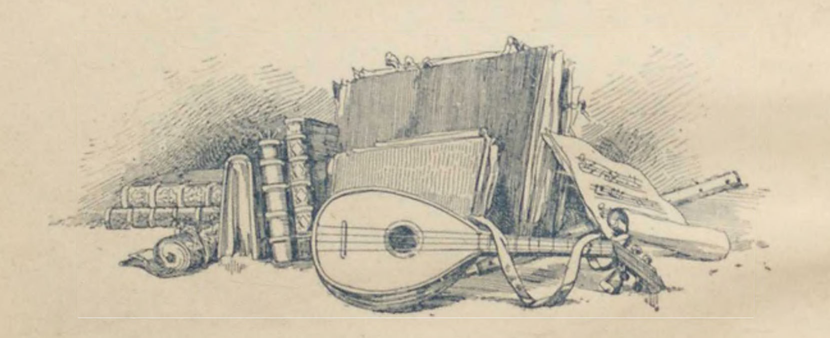
— «Нѣтъ, Шехерезада! не могу я тебя казнить!»

У царя прошла безсонница, онъ опять сталъ веселый, добрый и справедливый, и больше не казнилъ людей. Народъ обрадовался и благословлялъ свою умную царицу.

Султанъ Шахъ-Ріаръ велѣлъ записать всѣ сказки Шехерезады въ золотыя книги и назвалъ ихъ *Тысяча и одна ночь*. Такихъ книгъ набралось ровно сóрокъ. Съ тѣхъ поръ половина изъ нихъ потерялась, а половина сохранилась и до нашихъ временъ.

Хотите,—я разскажу вамъ самыя любопытныя сказки царицы Шехерезады?

Слушайте!

Пришелъ рыбакъ во дворецъ султана.—«Что́ тебѣ нужно?» спрашиваютъ его царскіе слуги,—«Хочу султана видѣть».—«Зачѣмъ?»—«Подарокъ ему принесъ!»

Рыбакъ явился передъ султаномъ и подаетъ ему четырехъ рыбъ,—всѣ рыбы разнаго цвѣта: одна красная, другая бѣлая, третья синяя и четвертая желтая. Султанъ сказалъ:

— «Ахъ, какія красивыя рыбы! Я такихъ никогда и не видывалъ. Посмотримъ, каковы онѣ будутъ на вкусъ».

И приказываетъ своему министру:

— «Отнеси этихъ рыбъ на кухню и вели сейчасъ зажарить. А рыбаку дай за каждую рыбу по сту червонцевъ».

Министръ такъ и сдѣлалъ: далъ рыбаку четыреста червонцевъ, а рыбъ отнесъ на кухню и велѣлъ поварихѣ сейчасъ ихъ зажарить.

Повариха взяла красивыхъ рыбъ, вычистила ихъ, посолила, положила на сковороду и поставила на огонь. Вотъ рыбы поджарились съ одной стороны. Она перевернула ихъ на другую сторону. Вдругъ раскрылась стѣна, и въ кухнѣ явилась волшебница, съ палочкой въ рукѣ. Постучала палочкой въ сковороду и говоритъ:

— «Рыбки, рыбки! скажите мнѣ, чьи вы?»

Тутъ всѣ четыре рыбы подняли со сковороды свои головы и громко сказали:—«Твои! твои! твои!»

Волшебница перевернула своей палочкой сковороду вверхъ дномъ, а сама пропала въ стѣнѣ.

Ахнула повариха, бросилась къ очагу, а рыбы-то всѣ ужъ сгорѣли въ уголь! Бѣдная женщина плачетъ:—«Чтó мнѣ теперь дѣлать? чтó дѣлать? накажетъ меня султанъ!»

Въ это время входитъ въ кухню министръ и спрашиваетъ:

— «Ну, что же, готова рыба?»

Повариха и разсказываетъ ему, чтó случилось .Министръ отвелъ ее къ султану и велѣлъ снова все разсказать.

Султанъ посылаетъ за рыбакомъ и говоритъ ему:

— «Принеси мнѣ еще четырехъ такихъ же рыбъ».

Рыбакъ сходилъ на озеро, закинулъ сѣть, поймалъ четырехъ разноцвѣтныхъ рыбъ и принесъ во дворецъ. Султанъ опять далъ ему четыреста червонцевъ, самъ пошелъ на кухню и сказалъ поварихѣ:

— «Ну-ка, зажарь этихъ рыбъ! я посмотрю, правду ли ты мнѣ разсказала».

Повариха, какъ слѣдуетъ, вычистила рыбъ, посолила, положила на сковороду, поджарила ихъ съ одной стороны и перевернула... Вдругъ стѣна опять разошлась, опять явилась волшебница, постучала о сковороду и спросила:

— «Рыбки, рыбки! чьи вы?»

Рыбы подняли свои головы и сказали:—«Твои! твои! твои!»

Волшебница опрокинула сковороду, сама пропала въ стѣнѣ, а рыбы сгорѣли.

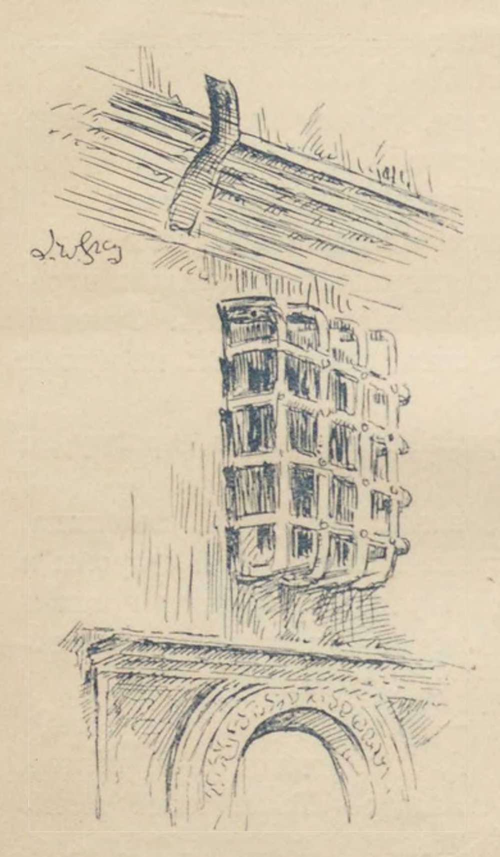
— «Тутъ что-нибудь неладно!» сказалъ султанъ и послалъ за рыбакомъ.

— «Гдѣ ты достаешь этихъ рыбъ?» спрашиваетъ онъ его.

Рыбакъ отвѣчаетъ:—«Въ озерѣ, чтó за городомъ, подъ горой!»

— «Далеко ли озеро отсюда?»

— «Да если итти, такъ надо шесть часовъ, а ѣхать—часа два».

Султанъ спрашиваетъ своего министра:

— «Ты знаешь это озеро?»

— «Нѣтъ, государь, и не слыхивалъ объ немъ никогда».

— «Ну, такъ проводи насъ туда!» сказалъ султанъ рыбаку.

Они сѣли на коней и скоро пріѣхали къ чудесному озеру. Вода въ озерѣ прозрачная, и видно, какъ въ ней плаваютъ разноцвѣтныя рыбы. Султанъ говоритъ:

— «Оставайтесь тутъ, а я пойду по берегу озера: можетъ-быть, что-нибудь и узнаю».

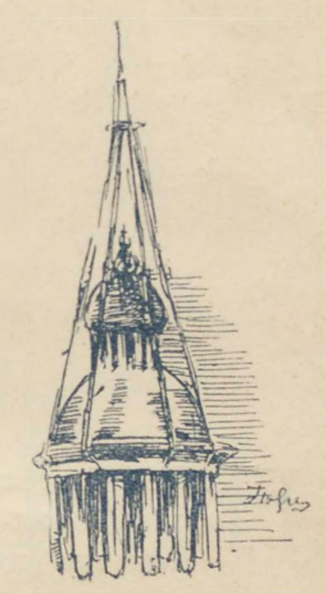
И пошелъ. Черезъ нѣсколько времени увидѣлъ онъ дворецъ изъ чернаго камня. Постучался въ ворота. Никто не подаетъ голоса. Толкнулъ ворота,—они отворились. Султанъ вошелъ во дворъ, поднялся на крыльцо и крикнулъ:

— «Кто здѣсь живетъ? Откликнись!»

Никто не откликается.

Онъ вошелъ во дворецъ. Видитъ, убранство богатое, много ковровъ, много золота и драгоцѣнныхъ камней, а людей нѣтъ. Султанъ остановился и задумался.

Вдругъ слышитъ: въ сосѣдней комнатѣ кто-то жалобно стонетъ. Онъ вошелъ туда. Смотритъ: на высокомъ тронѣ сидитъ богато-одѣтый красавецъ и горько плачетъ. Султанъ поклонился ему и разсказалъ, кто онъ такой и какъ сюда попалъ. Красавецъ наклонилъ голову и говоритъ:

— «Прости меня, благородный гость, что я не всталъ тебѣ навстрѣчу! Я не могу двинуться съ мѣста».

Тутъ онъ распахнулъ свою одежду. И что же султанъ увидѣлъ? Красавецъ былъ живой человѣкъ только на половину: ноги его были изъ чернаго камня.

Султанъ весь задрожалъ отъ ужаса.

— «Кто ты? и какъ съ тобой случилось такое несчастье?» спросилъ онъ.

Красавецъ печально отвѣтилъ:

— «Слушай, — я разскажу тебѣ свою исторію».

Прежде здѣсь было государство Черная Земля, и я былъ король этого государства. На мѣстѣ этого озера была моя столица. Я женился на одной княжнѣ и думалъ, что буду счастливо жить съ ней.

Скоро я узналъ, что отецъ ея—злой колдунъ. Тогда я сказалъ женѣ:

— «Не смѣй принимать своего отца въ моемъ домѣ!»

Разъ, въ жаркій день, моя жена ушла купаться. А я сидѣлъ на диванѣ, у окна, и читалъ книгу. Въ это время по саду, мимо окна, шли двѣ рабыни. Онѣ не видѣли меня и разговаривали между собою. Одна спрашиваетъ:—«Зачѣмъ это наша королева каждую ночь ходитъ въ садъ?» Другая отвѣчаетъ:—«Туда къ ней приходитъ ея отецъ-колдунъ: они сговариваются убить нашего короля и отобрать у него царство» Тутъ рабыни увидѣли меня и замолчали.

Я ушамъ своимъ не вѣрилъ. «Надо узнать, правда ли это!» рѣшилъ я.

Ночью я сталъ караулить. Въ самомъ дѣлѣ: въ полночь жена вышла изъ своей комнаты и—прямо въ садъ. Я сунулъ за поясъ саблю и—на цыпочкахъ за ней. Была темная-темная ночь... Въ саду къ ней подошелъ колдунъ, ея отецъ, и они стали разговаривать. Я спрятался за дерево и слушаю.

Колдунъ говоритъ:—«Милая дочка! мнѣ ужъ надоѣло ждать. Я хочу завтра же быть королемъ Черной Земли». Моя жена отвѣчаетъ:—«Батюшка, я готова сдѣлать для тебя все, что хочешь. Только научи меня!» Колдунъ говоритъ:—«Вотъ тебѣ моя волшебная палочка»...

Послѣ этого онъ сталъ шептать ей что-то на-ухо. Тогда я выхватилъ саблю, выскочилъ изъ-за дерева, ударилъ колдуна

по головѣ и скрылся въ темнотѣ. «Ну», думаю, «отлично: теперь колдуна нѣтъ въ живыхъ!»

Вернулся я во дворецъ и крѣпко уснулъ. На утро встаю, прихожу къ женѣ. Она плачетъ.

— «О чемъ ты?» спрашиваю.

— «Ахъ», говоритъ: «я видѣла страшный сонъ и очень испугалась».

Я ничего не сказалъ и ушелъ.

Прошелъ мѣсяцъ. Опять я сидѣлъ у

окна на диванѣ и опять слышу, какъ въ саду разговариваютъ рабыни. Одна спрашиваетъ:—«Что это наша королева такъ полюбила Зеленую бесѣдку въ саду? И день и ночь она тамъ сидитъ». А другая въ отвѣтъ: «Тамъ лежитъ больной колдунъ, ея отецъ. Мѣсяцъ тому назадъ, его кто-то ударилъ по головѣ саблей. Съ тѣхъ поръ колдунъ еле живъ. Королева ухаживаетъ за нимъ и лѣчитъ его всякими лѣкарствами. А не то бы онъ давно умеръ».

Тогда я созвалъ всѣхъ судей и министровъ, сѣлъ на тронъ и велѣлъ позвать жену. И сказалъ ей строго:—«Я буду тебя судить. Твой отецъ-колдунъ хотѣлъ завладѣть моимъ царствомъ. Я ему разрубилъ голову, а ты объ немъ все-таки заботишься. Значитъ, ты—мой врагъ!»

Жена вскричала:—«А! это ты ранилъ моего отца такъ, что онъ теперь лежитъ ни живъ, ни мертвъ?! Хорошо, что ты мнѣ сказалъ! Теперь я тебя накажу!» Она подняла кверху волшебную палочку и говоритъ:—«Будь же и ты ни живъ, ни мертвъ, будь полу-камень, полу-человѣкъ! Пусть твоя столица превратится въ озеро, а твои люди въ рыбъ!»

Съ тѣхъ поръ я вотъ уже три года сижу на одномъ мѣстѣ. Каждый день жена приходитъ сюда и бьетъ меня по спинѣ плетью до тѣхъ поръ, пока не брызнетъ кровь.

***

Султанъ выслушалъ разсказъ короля Черной Земли и спросилъ:—«Гдѣ же она, эта злая колдунья,—твоя жена?»

— «Должно-быть, въ Зеленой бесѣдкѣ», отвѣчалъ король.

— «Постой же, я ее перехитрю!» сказалъ султанъ и пошелъ въ садъ. Спрятался за дерево и сталъ ждать.

Скоро королева вышла изъ бесѣдки и пошла во дворецъ бить своего мужа плетью. Тогда султанъ побѣжалъ въ бесѣдку.

Въ темномъ углу, на диванѣ, лежалъ больной колдунъ и тяжело дышалъ.—«Умри, злодѣй!» крикнулъ султанъ и закололъ колдуна саблей. Потомъ взвалилъ его себѣ на плечи, вытащилъ вонъ и бросилъ въ глубокій колодецъ. Самъ вернулся въ бесѣдку, легъ на его мѣсто, а саблю спряталъ подъ одѣяло.

Во дворцѣ королева била своего мужа такъ, что изъ саду было слышно; а бѣдный король громко кричалъ и стоналъ. Потомъ шумъ утихъ, и королева пришла въ бесѣдку.

Султанъ сдѣлалъ видъ, что проснулся, и слабымъ голосомъ сказалъ:—«Твой мужъ очень громко кричитъ

и не даетъ мнѣ спать. Ты уже довольно его наказала. Прости его! Пускай онъ опять будетъ настоящимъ человѣкомъ. Тогда я выздоровѣю».

— «Отецъ мой! какое счастье!» сказала королева. «Цѣлый годъ я не слыхала твоего голоса... И вдругъ ты заговорилъ! Сейчасъ я исполню твое желанье». И побѣжала во дворецъ.

Скоро она вернулась назадъ и сказала:—«Я сдѣлала все, что́ ты мнѣ велѣлъ!»

Султанъ быстро поднялся, взмахнулъ саблей и отрубилъ злодѣйкѣ голову. Тогда онъ пошелъ во дворецъ.

Въ саду уже пѣли птицы, цвѣли цвѣты, по дорожкамъ взадъ и впередъ

ходили рабы и рабыни. Самъ король Черной Земли вышелъ къ султану навстрѣчу. Султанъ сказалъ:

— «Радуйся, враги твои погибли!» И разсказалъ все, что было въ бесѣдкѣ.

Король не зналъ, какъ его благодарить. А султанъ сказалъ:—«Ну, теперь мнѣ пора домой! мои люди, вѣрно, давно уже ждутъ меня. Проводи меня въ мою столицу: она, вѣдь совсѣмъ недалеко отсюда!»

Король засмѣялся и спросилъ:

— «Ты думаешь, твоя столица близко?»

Султанъ говоритъ:—«Да если итти—такъ шесть часовъ, а ѣхать—часа два, не больше!»

— «Ты ошибаешься», сказалъ король. «Царство мое было заколдовано, и оттого ты попалъ въ него скоро. А теперь тебѣ придется ѣхать не два часа, а два мѣсяца. Ну, да я всетаки тебя провожу».

Король взялъ 50 верблюдовъ нагрузилъ ихъ дорогими подарками, взялъ съ собою сто слугъ, и они всѣ вмѣстѣ поѣхали въ столицу султана.

На мѣстѣ озера стоялъ теперь большой городъ. Люди ходили по улицамъ, гуляли, продавали и покупали, ѣздили на лошадяхъ и верблюдахъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Черезъ два мѣсяца путники прибыли въ страну султана. Народъ ликовалъ: всѣ ужъ думали, что султанъ погибъ. Теперь онъ вернулся цѣлъ и невредимъ, и объявилъ пиръ на весь міръ. Призвали и рыбака. Султанъ сказалъ ему:

— «Я освободилъ заколдованную страну. А кто меня туда провелъ? Ты! За это будь моимъ главнымъ казначеемъ».

И вотъ бѣдный рыбакъ сдѣлался богатымъ и знатнымъ человѣкомъ.

Ъ былыя времена жилъ въ Персіи царь, по имени Шахъ-Земанъ. Дворецъ его стоялъ на берегу синяго моря.

Разъ пріѣхалъ въ Персію изъ чужой земли купецъ и привезъ съ собой красивую плѣнницу. Плѣнница очень понравилась Шаху. Онъ купилъ ее и сдѣлалъ своей женой.

Звали ее Гульнара. Она была грустна и молчалива; все сидѣла на крыльцѣ и смотрѣла на море.

Царь спросилъ ее:—«Скажи мнѣ, о чемъ ты грустишь? Чего ты хочешь? Я все для тебя готовъ сдѣлать!»

Гульнара сказала:—«Хорошо, царь. Я открою тебѣ свою тайну. Я не простая невольница, а дочь морского князя Селаха. Однажды я сидѣла на берегу моря подъ деревомъ и заснула.

Тутъ увидалъ меня злой человѣкъ, схватилъ и привезъ къ тебѣ. Я очень соскучилась по своимъ роднымъ. Позволь мнѣ повидаться съ ними».

— «Какъ?» спросилъ царь: «ты хочешь ѣхать на свою родину»?

— «Нѣтъ», отвѣчала Гульнара. «Я сейчасъ позову отца и мать къ себѣ. А ты спрячься пока въ занавѣскѣ...»

Царь спрятался, а она раздула огонь въ жаровнѣ, налила въ чашку розоваго масла, всыпала туда какихъ-то зернышковъ, и вылила все это на огонь. Поднялся дымъ; Гульнара что-то проговорила и взмахнула бѣлымъ платочкомъ. Вдругъ море вспѣнилось и разступилось. Изъ воды поднялся

сѣдой старикъ, а за нимъ старуха, и оба вошли на крыльцо Гульнара бросилась къ нимъ на шею.

— «Гдѣ ты была все это время, Гульнара?» спросилъ старикъ.

— «Милый батюшка!» отвѣчала она. «Я попалась въ руки купца, онъ продалъ меня Шаху-Земану, а Шахъ на мнѣ женился. Сейчасъ вы его увидите».

Тутъ она отдернула занавѣсь и сказала:

— «Государь! вотъ мой отецъ и моя мать».

Морской князь Селахъ и его жена погостили у дочери три дня и опять ушли въ свое море.

Скоро у Гульнары родился сынъ. Ему дали имя Бедеръ.

Черезъ 16 лѣтъ Шахъ-Земанъ умеръ, и сынъ его Бедеръ сдѣлался царемъ.

Вотъ, однажды Гульнара сказала Бедеру:

— «Сынъ мой, я хочу показать тебя твоему дѣдушкѣ».

Она вышла на крыльцо и вызвала изъ моря своего отца Селаха.

Морской князь увидѣлъ Бедера и сказалъ:

— «Какой славный у меня внучекъ! Пора ему жениться. У морского царя Самандала есть дочка Джогара. Вотъ бы тебѣ, Бедеръ, посвататься къ ней! Ахъ, какая она красавица и умница! Только страсть-гордая! И, пожалуй, не пойдетъ за тебя».

Бедеръ сказалъ:

— «Дѣдушка! какъ бы мнѣ увидать Джогару?»

Селахъ надѣлъ внуку на палецъ волшебное кольцо, они оба опустились въ море и скоро пришли въ домъ Селаха. Здѣсь морской князь выбралъ самые лучшіе жемчуга и алмазы, пошелъ во дворецъ къ морскому царю Самандалу, сталъ передъ нимъ на колѣни, подалъ подарокъ и говоритъ:

— «Государь, отдай твою дочку Джогару за моего внука Бедера».

Царь Самандалъ громко расхохотался.

— «Съ ума ты сошелъ?» говоритъ: «да какъ ты смѣешь мнѣ это говорить? Развѣ твой внукъ—ровня моей дочери? Пошелъ вонъ! Иначе я велю прогнать тебя палками!»

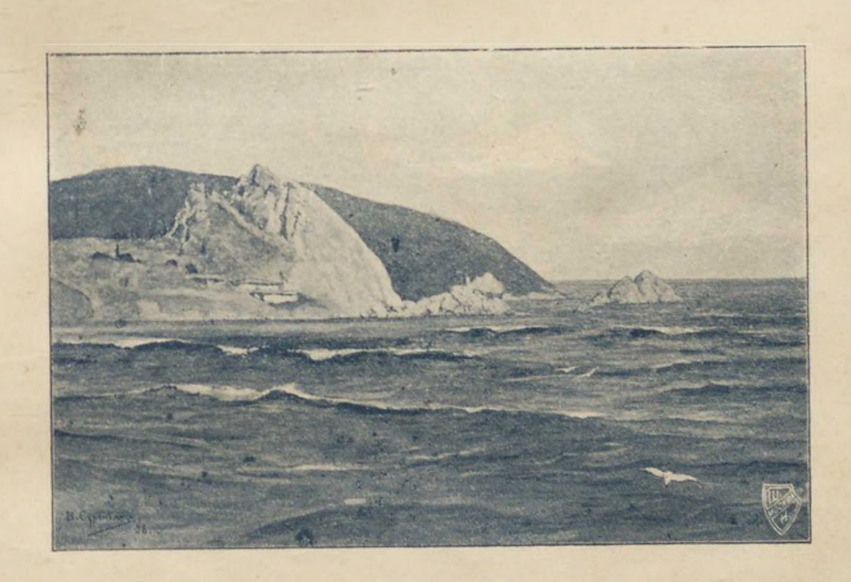
Селахъ обидѣлся, вернулся домой и говоритъ Бедеру:

— «Нѣтъ, внучекъ! царь Самандалъ не отдастъ тебѣ своей дочери».

Бедеръ опечалился, да дѣлать нечего.

— «Ну», говоритъ, «дѣдушка, отпусти меня домой».

Селахъ повернулъ у него на рукѣ кольцо, и Бедеръ вынырнулъ изъ моря. Только онъ попалъ не на то мѣсто, гдѣ былъ его дворецъ, а на какой-то незнакомый островъ.

Грустный сѣлъ онъ подъ деревомъ. Посмотрѣлъ кверху,— на вѣтвяхъ дерева сидитъ молодая дѣвушка неописанной красоты. Бедеръ всталъ и вѣжливо ей поклонился.

— «Кто ты, красавица?» спросилъ онъ.

— «Я царевна Джогара, дочь морского царя Самандала».

— «Милая царевна! А я султанъ Бедеръ. Будь моей женой»

— «Негодный! какъ ты смѣешь мнѣ это говорить?» сказала царевна, сорвала зеленую вѣтку и брызнула на него росой.—«Превратись въ бѣлую птицу».

И въ ту же минуту Бедеръ превратился въ бѣлую птицу. А Джогара нырнула въ море.

Пришелъ къ берегу птицеловъ, увидѣлъ бѣлую птицу и поймалъ ее—«Вотъ», говоритъ, «рѣдкая птица! Снесу-ка я ее въ подарокъ нашему королю». И пошелъ во дворецъ.

Король далъ птицелову сто рублей, взялъ птицу, посадилъ ее въ клѣтку и сталъ кормить зернами. Но птица не ѣла зеренъ и сидѣла нахохлившись.

Въ это время подали королю обѣдать. Вдругъ птица вылетѣла изъ клѣтки, сѣла на столъ и принялась ѣсть королевскія кушанья. Король и всѣ министры такъ и ахнули. Король захотѣлъ напиться и взялъ стаканъ воды. Птица подлетѣла къ

королю и стала пить его воду. Король испугался, выронилъ стаканъ изъ рукъ и облилъ птицу водой. И вдругъ птица превратилась въ человѣка.

— «Спасибо тебѣ, король, что ты спасъ меня отъ бѣды. Я Бедеръ, султанъ персидскій. Дай мнѣ корабль вернуться въ Персію».

Король сейчасъ же далъ Бедеру корабль и отпустилъ его домой. Бедеръ поплылъ по морю. Поднялась буря и разбила корабль. Всѣ люди потонули. Одинъ Бедеръ ухватился за доску и приплылъ къ какому-то берегу.

Тутъ стоялъ большой городъ. Бедеръ подошелъ къ маленькой лавочкѣ, разговорился съ торговцемъ и разсказалъ ему всю свою исторію.

Торговецъ сказалъ:—«Скоро изъ нашей земли пойдетъ караванъ въ Персію. Тогда и ты поѣдешь на родину. А пока оставайся у меня. Я живу одинъ, и мѣста у меня много. Только не попадайся на глаза

нашей королевѣ Лаббѣ. Она—злая волшебница и, чуть кто ее разсердитъ, сейчасъ того обратитъ въ звѣря или въ птицу».

Бедеръ поблагодарилъ его и остался. Вотъ, однажды сидитъ онъ возлѣ лавки. Вдругъ изъ-за угла послышалась музыка,—ѣдетъ сама королева Лабба. Увидала Бедера и велѣла ему прійти во дворецъ.

Бедеръ пришелъ. Королева ему говоритъ:

— «Я знаю, ты не простой человѣкъ, а царь. Я хочу, чтобы ты женился на моей дочери».

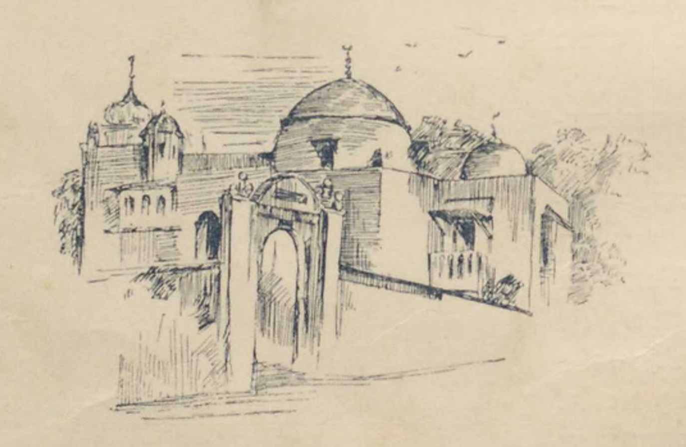
А Бедеръ отвѣчаетъ:—«У меня уже есть невѣста, царевна Джогара, дочь морского царя Самандала».

Королева разсердилась, плюнула на него и сказала:

— «Будь совою!»

Бедеръ превратился въ сову, и королева Лабба заперла его въ клѣтку.

Узналъ про это торговецъ, написалъ письмо къ Гульнарѣ, матери Бедера, и отправилъ письмо съ караваномъ въ Персію.

Гульнара получила письмо и читаетъ: «Съ твоимъ сыномъ случилось несчастье: наша королева превратила его въ сову».

Гульнара вызвала изъ моря своего отца Селаха и разсказала ему про такую бѣду. Селахъ опустился въ море и пришелъ къ царю Самандалу. А царевна Джогара была тутъ же.

— «Великій царь!» говоритъ Селахъ. «Помоги мнѣ освободить моего внука».

— «Что́ съ нимъ случилось?»

— «Королева Лабба превратила его въ сову».

— «За что же?»

— Она сказала ему: «Женись на моей дочери!» А онъ отвѣтилъ: «Нѣтъ, у меня уже есть невѣста, царевна Джогара!»

Услышала это Джогара и говоритъ отцу:

— «Батюшка! Освободи Бедера. Я ему сдѣлала зло, а онъ все-таки меня любитъ. Я пойду за него замужъ».

Морской царь Самандалъ собралъ всѣ свои войска и пошелъ войной на королеву Лаббу.—«Отдай намъ сову!» сказалъ онъ королевѣ: «а не то—мы тебя совсѣмъ завоюемъ».

Королева испугалась и отдала сову. Царевна Джогара взяла сову на руки, погладила ее ласково, и вдругъ сова превратилась въ человѣка.

Бедеръ пріѣхалъ съ Джогарой въ Персію, женился на ней и три дня праздновалъ пышную свадьбу.

Жилъ въ Багдадѣ богатый купецъ, по имени Синдбадъ, по прозванью Мореходъ. У него былъ свой домъ, при домѣ былъ чудесный садъ, много слугъ, много друзей и знакомыхъ. И жилъ еще въ томъ городѣ другой человѣкъ, и его тоже звали Синдбадъ. Только у этого не было ни дома, ни денегъ; онъ былъ бѣдный работникъ, простой носильщикъ.

Вотъ, разъ этотъ самый носильщикъ Синдбадъ взвалилъ себѣ на плечи тяжелую корзину съ хлѣбомъ и понесъ ее на другой конецъ города. День былъ жаркій, и бѣднякъ страшно усталъ. Видитъ, стоитъ большой, красивый домъ, а около дома—высокое дерево. Носильщикъ сбросилъ съ себя ношу, отеръ потъ съ лица и присѣлъ въ тѣни отдохнуть. Окна въ домѣ открыты. Оттуда слышится музыка, пѣсни и веселые разговоры; доносится запахъ жаркого. Слуги бѣгаютъ по сѣнямъ взадъ и впередъ... Досадно стало носильщику, и говоритъ онъ одному слугѣ:

— «Милый человѣкъ! скажи мнѣ, пожалуйста: чей это домъ?»

А тотъ отвѣчаетъ:—«Какъ?! ты живешь въ Багдадѣ и не знаешь, чей это домъ? Тутъ живетъ знаменитый Синдбадъ Мореходъ! Онъ сорокъ лѣтъ плавалъ на корабляхъ по морямъ, побывалъ во всѣхъ чужихъ странахъ и нажилъ себѣ большое богатство!»

— «Вотъ тебѣ разъ!» сказалъ носильщикъ. «Синдбадъ?! это удивительно! Меня тоже зовутъ Синдбадъ. Только между нами большая разница! Онъ—знатный мореходъ, а я — простой носильщикъ. Онъ 40 лѣтъ плавалъ себѣ по морямъ, видѣлъ чужія страны, и теперь ничего не дѣлаетъ, а живетъ хорошо и заботы не знаетъ. А я... я 40 лѣтъ таскалъ на плечахъ тяжелые мѣшки съ утра до ночи, ни одного города не видалъ, кромѣ Багдада, всю жизнь терпѣлъ бѣду, нужду, и теперь ее терплю... Онъ тамъ сидитъ на мягкомъ диванѣ, а я здѣсь—на жесткомъ камнѣ; тамъ у него веселыя пѣсни, а у меня здѣсь — тяжелые вздохи! Э-эхъ! какъ несправедлива судьба!»

Синдбадъ-Мореходъ стоялъ въ это время у окна и слышалъ все, чтó говорилъ носильщикъ. И приказываетъ онъ своему слугѣ:—«Ступай на улицу, приведи ко мнѣ этого бѣдняка!»

Выбѣжалъ слуга и зоветъ носильщика:—«Ступай за мной! Мой господинъ, Синдбадъ-Мореходъ, желаетъ видѣть тебя».

Носильщикъ испугался.—«Что ты? что ты?» говоритъ: «какъ я пойду въ своихъ лохмотьяхъ въ барскія хоромы?!»

— «Пойдемъ, пойдемъ!» торопитъ слуга.

Нечего дѣлать,—поднялся бѣднякъ и пошелъ. Его привели прямо въ столовую. За роскошнымъ столомъ, на ковровыхъ диванахъ, сидѣли богатые люди и обѣдали. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ красивый, важный старикъ. Это былъ самъ хозяинъ дома—Синдбадъ-Мореходъ.

Растерялся носильщикъ: глаза у него разбѣжались, и онъ сталъ какъ вкопанный у порога.

— «Поди сюда поближе!» ласково сказалъ ему хозяинъ. «Будь моимъ гостемъ. Садись со мной рядомъ. Ѣшь и пей съ моего стола и не стѣсняйся!»

Бѣднякъ сѣлъ и началъ обѣдать вмѣстѣ съ другими. Послѣ обѣда хозяинъ ласково спросилъ его:

— «Какъ тебя зовутъ, братъ мой? и чѣмъ ты занимаешься?»

Бѣднякъ отвѣчалъ:

— «Имя мое—Синдбадъ, а ремесломъ я—носильщикъ».

Хозяинъ сказалъ:—«Я радъ, что мы съ тобой встрѣтились. Недавно ты сидѣлъ подъ моимъ окномъ и жаловался на судьбу. Я слышалъ все, и пожалѣлъ тебя. Только ты напрасно мнѣ завидуешь. Правда, я богатъ и знатенъ, но не легко мнѣ это досталось. Я сорокъ лѣтъ плавалъ по морямъ и перенесъ много трудовъ, заботъ, всякихъ опасностей и страховъ. Хотите, милые гости,—я разскажу вамъ мои приключенія?»

— «Разскажи, разскажи!» попросили гости.

И Синдбадъ-Мореходъ началъ разсказывать.

Разсказъ Синдбада-Морехода.

Отецъ мой былъ очень богатый купецъ. Онъ умеръ и оставилъ мнѣ много денегъ. Я былъ тогда еще совсѣмъ молодой человѣкъ; началъ тратить деньги направо и налѣво, и живо растратилъ всѣ,—осталось у меня только 100 рублей. Тутъ я опомнился. «Ну», думаю себѣ: «этакъ я скоро буду совсѣмъ нищій. Надо заняться какимъ-нибудь дѣломъ!»

На 100 рублей я купилъ товаровъ, сѣлъ на корабль и съ другими купцами поплылъ въ Индію. Долго мы не встрѣчали земли. Наконецъ, увидѣли небольшой, совсѣмъ черный и голый островокъ. Я и нѣсколько товарищей попросили капитана корабля:—«Позволь намъ на полчаса сойти на эту землю». Капитанъ позволилъ. Мы пересѣли въ лодки, и высадились на островъ. Одни принялись мыть свое бѣлье, другіе стали ходить по острову, а я взялъ съ корабля нѣсколько старыхъ досокъ и развелъ костеръ, чтобы сварить обѣдъ.

Вдругъ всѣхъ насъ подбросило кверху, потомъ земля заколыхалась и стала опускаться въ море. «Что такое?» думаемъ мы: «землетрясеніе, что ли?» А капитанъ съ корабля кричитъ:

— «Эй, товарищи! вы попали не на островъ, а на спину кита. Китъ лежалъ въ водѣ и спалъ, а вы его потревожили. Скорѣй садитесь въ лодку!»

Въ это время китъ нырнулъ въ глубину, и лодку потащилъ за собой. Мы всѣ очутились въ водѣ. На морѣ поднялись огромныя волны и быстро понесли корабль прочь. Я ухватился за какую-то доску. Волны кидали меня изъ стороны въ сторону, но я все-таки держался на водѣ. Зову товарищей,—никого не слышно и не видно: всѣ потонули.

Ночь наступила и прошла, а я все плылъ на доскѣ. Вѣтеръ гналъ меня куда-то впередъ и впередъ. Но вотъ вдали показалась настоящая земля. Я подплылъ къ высокому берегу, ухватился за кустъ и вскарабкался наверхъ. Тутъ меня увидали люди и отвели къ своему королю.

Король разспросилъ меня, кто я и какъ сюда попалъ, и говоритъ:—«Кѣмъ же ты хочешь у меня быть?»

Я отвѣчалъ:—«Государь! позволь мнѣ жить на берегу. Я буду твоимъ корабельнымъ надзирателемъ».

Король сказалъ: «Хорошо».

Однажды къ берегу приплылъ корабль съ богатымъ грузомъ. Матросы показали мнѣ мѣшки съ товарами, а я записывалъ, чьи это товары и сколько ихъ.—«Это чей мѣшокъ?» спрашиваю.

— «А это ничей. Хозяинъ этихъ товаровъ упалъ въ море и утонулъ».—«Какъ его звали?»—«Звали его Синдбадъ, родомъ онъ изъ Багдада».—«Да это я самъ!» весело вскричалъ я.—«Ну, нѣтъ, неправда!» говорятъ матросы: «мы сами видѣли, какъ Синдбадъ упалъ въ море и утонулъ».

Тогда я пошелъ къ капитану, собралъ всѣхъ матросовъ и разсказалъ попорядку все, что со мной случилось. Капитанъ отдалъ мнѣ мои товары. Я продалъ ихъ въ городѣ, простился съ добрымъ королемъ, сѣлъ на корабль и благополучно прибылъ въ Багдадъ. Здѣсь я выстроилъ лавку и сталъ торговать.

Но черезъ три года мнѣ опять захотѣлось путешествовать.

Я накупилъ товаровъ, сговорился съ капитаномъ одного корабля и пустился въ море.

Долго мы плыли. Только однажды видимъ незнакомый большой островъ,—весь порóсъ травой, деревьями и цвѣтами, а людей на немъ и слѣда нѣтъ.

Капитанъ велѣлъ бросить якорь. Я и нѣсколько товарищей высадились на берегъ. Товарищи пошли бродить по острову, а я сѣлъ въ густую траву, подъ тѣнистымъ деревомъ, и заснулъ. Потомъ проснулся я, вскочилъ на ноги, зову товарищей,—никто не подаетъ голоса. Смотрю на море,—корабля нѣтъ, только далёко-далёко, на краю неба, что-то чернѣется... Корабль уплылъ, обо мнѣ позабыли, и я остался одинъ на островѣ!

Ужасъ напалъ на меня. Я кричалъ во все горло, никто меня не услышалъ. Тутъ я началъ стонать и жаловаться на судьбу:—«Ну зачѣмъ я поѣхалъ въ море? зачѣмъ я былъ такой глупый?» Долго я горевалъ, наконецъ немного успокоился. Взлѣзъ на высокое дерево и осмотрѣлся вокругъ. Людей нигдѣ не видно, а неподалеку, посерединѣ лужайки, блеститъ что-то большое. Подошелъ ближе, смотрю и не понимаю, чтó за диковина: стоитъ какъ-будто большой бѣлый домъ, безъ оконъ и безъ дверей, съ круглой крышей, словно огромное яйцо. Обошелъ его кругомъ, сосчиталъ шаги: оказалось 50 шаговъ. Взлѣзть на него никакъ нельзя.

Вдругъ небо потемнѣло, точно облако закрыло солнце. Я глянулъ къ верху и задрожалъ отъ страха: летитъ громадная птица и спускается прямо на то мѣсто, гдѣ я стою. Я упалъ на землю и притаился въ высокой травѣ.

Птица съ шумомъ опустилась на лужайку, сѣла на бѣлый домъ и покрыла его со всѣхъ сторонъ своими крыльями.

«Эге!» думаю себѣ: «теперь понимаю, въ чемъ дѣло. Это чудовище—птица-Рокъ (мнѣ еще мать про нее разсказывала,

когда я былъ маленькій), а этотъ бѣлый домъ—яйцо этой птицы. Чтó же мнѣ дѣлать? Привяжу себя къ ногѣ птицы Рокъ. Ночь она просидитъ на яйцѣ, а утромъ улетитъ отсюда и перенесетъ меня съ этого пустыннаго острова на какую-нибудь другую землю, гдѣ живутъ люди. Отлично!».

Я размоталъ свой кушакъ и привязалъ себя имъ къ ногѣ огромной птицы. А эта нога была толстая, какъ дерево. Чудовище просидѣло на яйцѣ всю ночь. Настало утро. Птица взмахнула крыльями, поднялась на воздухъ и понесла меня съ собой.

Мы летѣли быстро и очень высоко: вся земля казалась мнѣ съ маленькій шарикъ. Вдругъ птица-Рокъ сложила крылья и, словно камень, опустилась внизъ, на какую-то землю. Я живо отвязался отъ ея ноги, а она схватила въ клювъ громадную змѣю, проглотила ее какъ червяка, потомъ опять поднялась и улетѣла.

Я остался въ долинѣ. Со всѣхъ сторонъ, какъ стѣны, подымаются высокія крутыя горы. «Попробую взобраться наверхъ!» подумалъ я. Подхожу къ скалѣ, а оттуда на меня

кидается змѣя. Я къ другой скалѣ: изъ-за нея другая змѣя шипитъ. И куда ни сунусь, всюду страшныя змѣи.

Иду по долинѣ, смотрю: подъ ногами валяются брильянты, много-много брильянтовъ, и всѣ такіе крупные, такіе красивые. Я сталъ выбирать самые большіе камешки и набилъ ими полные карманы. Потомъ присѣлъ и думаю: «Какъ бы отсюда выбраться?»

Вдругъ: шлепъ! шлепъ! шлепъ!—съ горы падаютъ одинъ за другимъ большіе куски сырого мяса. А орлы такъ и вьются надъ добычей: хватаютъ мясо въ когти и уносятъ съ собою. «Кто же это бросаетъ сюда мясо?» Я сталъ смотрѣть наверхъ и вижу, что тамъ, на краю горы, стоятъ какіе-то люди, о чемъ-то говорятъ и машутъ руками. «Такъ вотъ я гдѣ!» пришло мнѣ въ голову.—«Это знаменитая *Долина Брильянтовъ*. Спуститься въ нее съ горы никакъ нельзя. А купцы хотятъ добыть драгоцѣнныхъ камней. Они обмазываютъ смолой куски мяса и бросаютъ ихъ сверху въ долину. Брильянты прилипаютъ къ смолѣ. Орлы уносятъ мясо вмѣстѣ съ брильянтами наверхъ, въ свои гнѣзда, на высокія скалы. Тамъ купцы шумомъ и крикомъ спугиваютъ орловъ и собираютъ брильянты».

Я выбралъ самый большой кусокъ мяса, привязалъ себя къ нему и жду, что будетъ дальше. Черезъ минуту ко мнѣ подлетѣлъ огромный орелъ, схватилъ кусокъ мяса въ когти и принесъ на вершину горы, въ свое гнѣздо. Прибѣжали купцы, зашумѣли, закричали, прогнали орла, бросились осматривать мясо и увидали меня.—«Кто ты? какъ попалъ сюда? ты вздумалъ воровать наши брильянты?»

— «Успокойтесь!» сказалъ я. «У меня у самого брильянтовъ довольно».

Я вынулъ изъ кармановъ драгоцѣнные камни и подѣлился со всѣми. Купцы обрадовались и привели меня въ свой городъ. Тамъ я сѣлъ на корабль, пріѣхалъ въ Багдадъ бога-

тымъ человѣкомъ и много денегъ раздалъ бѣднымъ.

Дома я жилъ счастливо и спокойно. Но скоро опятьзадумалъпутешествовать. Купилъ себѣ отличный корабль, пригласилъ съ собой нѣсколько знакомыхъ купцовъ и поплылъ съ ними въ Индію. На двадцатый день разыгралась буря. Мой корабль наскочилъ на подводныя скалы и разбился... Хорошо еще, что близко была земля. Мы вплавь добрались до берега, нашли тутъ большую пещеру и улеглись спать.

Вдругъ земля заколыхалась, и къ намъ подошелъ огромный черный великанъ, ростомъ съ самую высокую башню. Ротъ у него былъ какъ печка, большіе острые зубы, какъ бычачьи рогà, а во лбу свѣтился огромный глазъ, какъ фонарь. Онъ вырвалъ изъ земли нѣсколько старыхъ деревьевъ, сложилъ ихъ передъ пещерой и развелъ большой костеръ.

Тутъ онъ замѣтилъ въ пещерѣ насъ. Я лежалъ съ краю. Великанъ поднялъ меня, словно котенка, за шиворотъ и сталъ разсматривать своимъ единственнымъ глазомъ. Я окоченѣлъ отъ страха. Потомъ онъ вдругъ бросилъ меня на землю и сталъ перебирать моихъ товарищей. Нашъ капитанъ былъ

толще и жирнѣе всѣхъ. Великанъ разсмотрѣлъ его, громко расхохотался, откусилъ ему голову, а потомъ проглотилъ и все туловище. Послѣ такого ужина онъ загналъ насъ въ пещеру, а самъ легъ у входа и захрапѣлъ. Видно, злодѣй хотѣлъ съѣсть насъ всѣхъ по-очереди.

Тихонько подползъ я къ нему и замѣтилъ, что между его колѣнъ можно проскользнуть. Мы всѣ осторожно выбрались изъ пещеры и побѣжали къ морскому берегу. На берегу валялось нѣсколько бревенъ. Мы кое-какъ связали ихъ, устроили плотъ, спустили его въ море и уже на версту отплыли отъ берега. Вдругъ великанъ проснулся, увидѣлъ, что насъ нѣтъ, заревѣлъ какъ слонъ, вскочилъ на ноги, побѣжалъ къ берегу, схватилъ толстое бревно и бросилъ его въ насъ. Я, недолго думавши, спрыгнулъ въ воду. И хорошо сдѣлалъ: бревно упало прямо на плотъ и раздавило всѣхъ моихъ товарищей.

Великанъ громко захохоталъ и ушелъ съ берега. Тогда я взобрался на плотъ и поплылъ дальше... Черезъ 3 мѣсяца я былъ уже дома, а черезъ годъ опять пустился, съ новыми товарищами, въ море.

Разъ мы пристали къ какому-то острову. Людей никого нѣтъ. Смотримъ: на пескѣ лежитъ другое яйцо птицы-Рокъ, и изъ этого яйца хочетъ вылупиться молодой птенецъ: онъ только-что пробилъ скорлупу и выставилъ наружу свой острый клювъ. Мои товарищи и говорятъ:—«Разобьемъ скорлупу, достанемъ птенца и зажаримъ его, вмѣсто барана!»—«Не дѣлайте этого!» сказалъ я. «Прилетитъ птица-Рокъ,—будетъ плохо!»

Товарищи не послушались, схватили топоры и давай рубить скорлупу. Убили птенца, изжарили его на кострѣ и стали ѣсть. Вдругъ небо потемнѣло.—«Друзья!» сказалъ я: «бѣда! птица-Рокъ летитъ! Теперь намъ не сдобровать! Скорѣй на корабль!»

Мы сѣли на корабль и поплыли. Птица-Рокъ покружилась надъ островомъ, увидѣла, что ея птенецъ убитъ, схватила

въ лапы огромный камень, поднялась высоко надъ кораблемъ и выпустила камень. Камень упалъ прямо на середину корабля и разбилъ его въ мелкія щепки. Всѣ мои товарищи потонули, а я ухватился за толстую доску и приплылъ къ другому острову.

На островѣ росли прекрасныя деревья со спѣлыми плодами, журчали прохладные ручейки, порхали большія бабочки, цвѣли пахучіе цвѣты. Я поѣлъ плодовъ, напился ключевой воды и пошелъ бродить по острову, искать людей. Смотрю: на берегу ручья сидитъ старикъ, сѣдой и дряхлый. Подхожу къ нему.—«Здравствуй, дѣдушка! какъ ты сюда попалъ?»

Старикъ ничего не отвѣчаетъ, а только показываетъ мнѣ руками, чтобы я перенесъ его черезъ ручей.—«Ну, что жъ», говорю: «съ удовольствіемъ: вѣдь ты, старичокъ, должно-быть, совсѣмъ легкій!»

Посадилъ его къ себѣ на плечи и несу. А старикъ оказался тяжелый-претяжелый, и ноги у него какія-то мохнатыя, какъ у козла. Перенесъ я его черезъ ручей и говорю сердито:

— «Ну, слѣзай скорѣе! Ты мнѣ всѣ плечи отдавилъ!»

А онъ, вмѣсто того, чтобы слѣзть, еще крѣпче сдавилъ мнѣ шею своими ногами и больно ударилъ меня по головѣ.

Я хочу его сбросить, а онъ тузитъ меня палкой. Поневолѣ я понесъ его дальше.

Съ этихъ поръ онъ не слѣзалъ съ моихъ плечъ и ѣздилъ на мнѣ, какъ на лошади. Тяжелый онъ былъ, какъ желѣзо, и не говорилъ ни одного слова. Когда я проходилъ мимо деревьевъ, онъ рвалъ плоды и жадно ихъ ѣлъ. Чуть я остановлюсь, чтобы передохнуть, онъ бьетъ меня по головѣ до полусмерти и толкаетъ впередъ и впередъ. Когда наступала ночь, я, усталый, валился на землю и засыпалъ. Старикъ и тутъ не слѣзалъ съ моей шеи и спалъ рядомъ.

Такъ прошло много дней. Я все думалъ, какъ бы мнѣ избавиться отъ своего злодѣя, и, наконецъ, придумалъ. Разъ вечеромъ я сорвалъ дыню и сѣлъ подъ виноградныиъ кустомъ. Старикъ началъ ѣсть виноградъ, а я скушалъ дыню. Потомъ онъ заснулъ. Тогда я нарвалъ винограду, выжалъ изъ ягодъ сокъ въ корку отъ дыни и спряталъ въ кустахъ. Черезъ 5 дней виноградный сокъ превратился въ вино. Я пришелъ къ тому же мѣсту, досталъ дынную корку и поднесъ къ губамъ. Старикъ увидѣлъ это, выхватилъ питье у меня изъ рукъ и попробовалъ... Вино ему понравилось, и онъ выпилъ его все до капельки. Мнѣ этого только и надо было! Скоро старикъ опьянѣлъ и громко замычалъ. Это была его пѣсня. Тутъ я замѣтилъ, что ноги его ослабѣли и уже не такъ крѣпко сжимаютъ мою шею. Я сбросилъ старика съ себя и убилъ его.

Иду къ морю, и вижу у берега корабль. Нѣсколько матросовъ подъѣхали въ лодкѣ къ острову, чтобы нарвать плодовъ и запастись водой.

Я разсказалъ имъ, кто я такой и какъ избавился отъ злого старикашки. А они говорятъ:—«Ну, счастье твое! знаешь кто сидѣлъ на твоей шеѣ?»—«Кто?»—«Водяной дѣдъ! Еще ни одинъ человѣкъ не уходилъ изъ его рукъ живой. Сколько людей онъ задушилъ до-смерти,—не перечтешь! Ты первый остался въ живыхъ. Садись съ нами на корабль. Мы ѣдемъ на

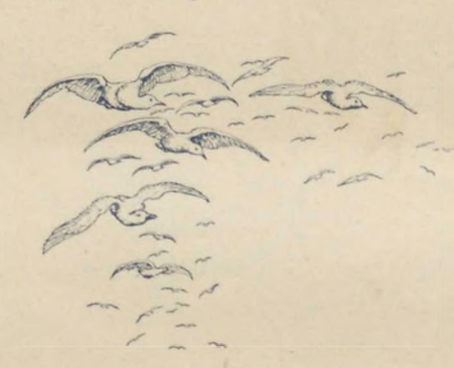
островъ Цейлонъ. У тебя нѣтъ денегъ,— мы довеземъ тебя даромъ».

Я, конечно, согласился и сѣлъ на корабль. Дорóгой я все думалъ, какъ бы мнѣ добыть денегъ, чтобы вернуться домой. Одинъ купецъ и говоритъ мнѣ: —«Не тужи, я тебя научу, какъ денегъ добыть!» И въ самомъ дѣлѣ научилъ...

Пріѣхали мы на Цейлонъ. Я взялъ зонтикъ и большой мѣшокъ и пошелъ въ лѣсъ, гдѣ росли кокосовыя пальмы. На вѣтвяхъ сидѣло многое-множество обезьянъ. Я принялся кидать въ нихъ камнями. Обезьяны разсердились, и давай бросать въ меня кокосовыми орѣхами. Орѣхи сыпались градомъ и непремѣнно убили бы меня, если бъ только я не держалъ надъ головой зонтикъ. Потомъ обезьяны убѣжали. Тогда я подобралъ орѣхи въ мѣшокъ, вернулся въ городъ, продалъ свой товаръ и заплатилъ капитану корабля за свой проѣздъ, а на остальныя деньги купилъ себѣ хо-

рошій лукъ и стрѣлы и пошелъ въ лѣсъ охотиться на слоновъ.

Въ лѣсу, на берегу озера, я взлѣзъ на высокую пальму. Вотъ, идетъ на водопой огромное стадо слоновъ, какъ-разъ

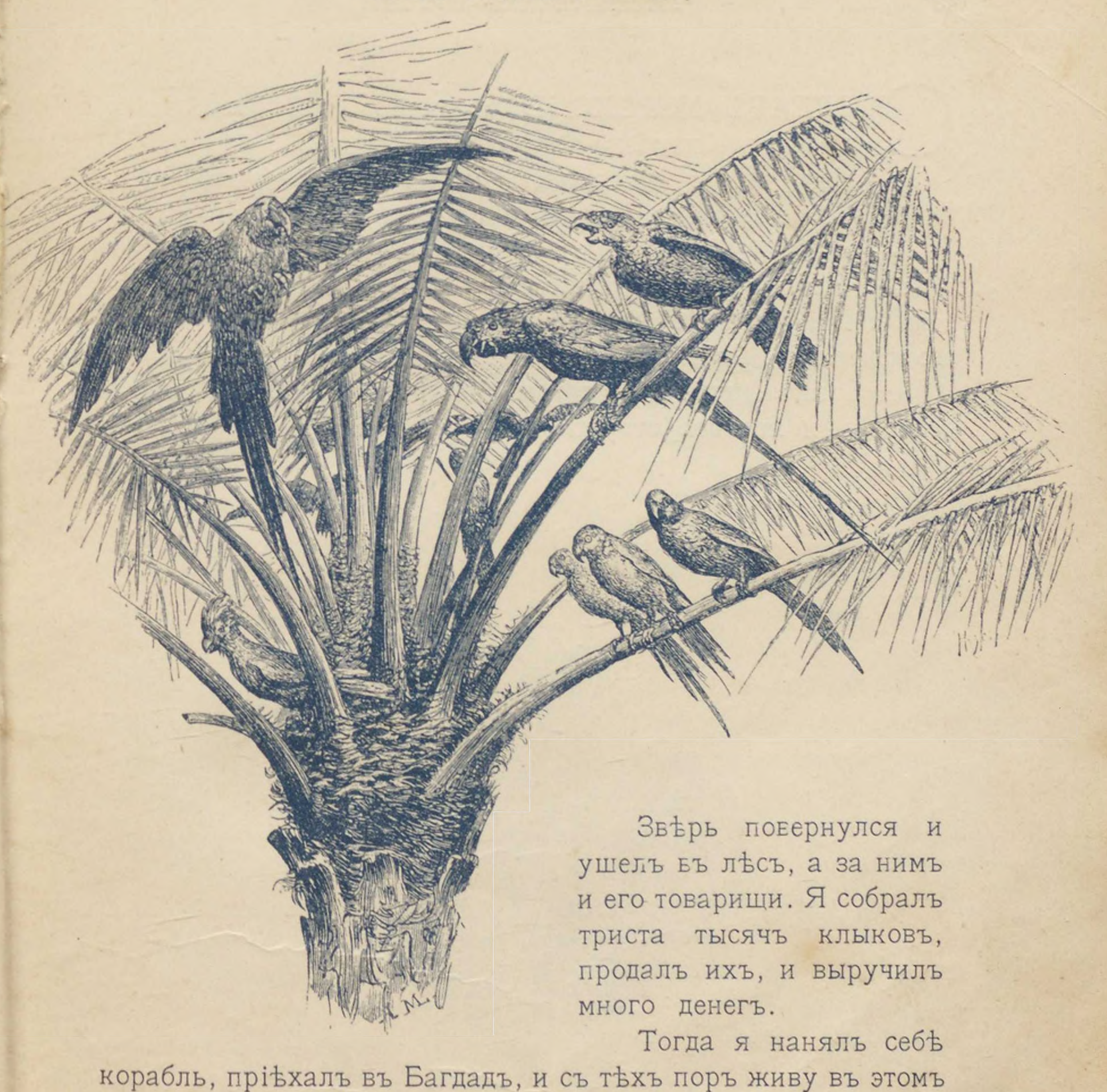

мимо моего дерева. Я натянулъ свой лукъ и пустилъ стрѣлу въ самаго большого звѣря. Онъ упалъ. Тогда всѣ слоны толпой обступили мою пальму, подняли къ верху свои хоботы и громко заревѣли. Я испугался, руки мои задрожали, и лукъ упалъ на землю.

Звѣри стали клыками рыть землю вокругъ дерева. Не успѣлъ я опомниться, какъ дерево зашаталось, и я кубаремъ полетѣлъ внизъ. Одинъ слонъ высоко поднялъ меня хоботомъ на воздухъ и понесъ куда-то. Другіе слоны пошли за нимъ слѣдомъ.

Черезъ нѣсколько времени слонъ принесъ меня на широкую поляну. Кругомъ разбросаны какія-то кости. У меня душа замерла отъ страху. Вдругъ слонъ остановился, поставилъ меня на землю и говоритъ:

— «Вотъ наше кладбище. Сюда мы, слоны, приходимъ умирать. Видишь, сколько костей и клыковъ? Зачѣмъ тебѣ убивать живыхъ слоновъ? Собери эти клыки и продай ихъ въ городѣ! Если же ты еще когда-нибудь вздумаешь на насъ охотиться, мы тебя жестоко накажемъ!»

Звѣрь повернулся и ушелъ въ лѣсъ, а за нимъ и его товарищи. Я собралъ триста тысячъ клыковъ, продалъ ихъ, и выручилъ много денегъ.

Тогда я нанялъ себѣ корабль, пріѣхалъ въ Багдадъ, и съ тѣхъ поръ живу въ этомъ домѣ. Всѣ меня знаютъ, и всѣ завидуютъ мнѣ.

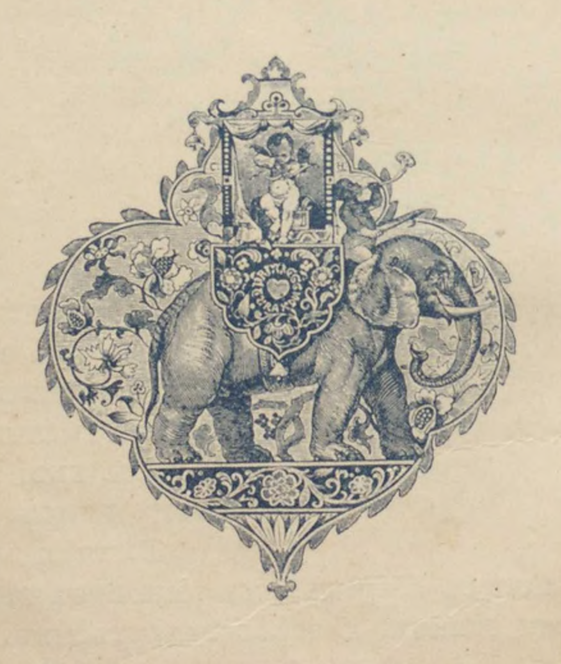
* * *

Синдбадъ-Мореходъ окончилъ свой разсказъ и спросилъ Синдбада-носильщика:

— «Ну, что́, братъ, хотѣлъ бы ты такъ же, какъ и я, плавать по морямъ и скитаться по чужимъ странамъ?»

— «Нѣтъ, нѣтъ!» сказалъ тотъ: «Не надо! Не хочу! Какихъ страховъ ты натерпѣлся! Сколько разъ былъ на волосокъ отъ смерти! Не хочу ѣздить по морямъ, не хочу и твоего богатства! Лучше буду носить мѣшки по городу!»

Добрый Синдбадъ-Мореходъ щедро надѣлилъ бѣдняка деньгами и ласково отпустилъ его отъ себя.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ у моря рыбакъ, бѣдный-пребѣдный. Каждый день, рано утромъ, до восхода солнца, онъ выходилъ на берегъ моря и ловилъ сѣтью рыбу. Вотъ, разъ пошелъ онъ къ морю и закинулъ сѣть. Сталъ ее тянуть на берегъ,—ухъ, какъ тяжело! Обрадовался рыбакъ. «Вотъ, думаетъ, счастье-то! Сколько рыбы попалось!» Смотритъ въ сѣть: тамъ—не рыба, а кости осла.

Покачалъ рыбакъ головой, выбросилъ кости и закинулъ сѣть во второй разъ. Тянетъ сѣть, а она еще тяжелѣе. Что́ же онъ вытащилъ?—камни, гнилые сучья, песокъ и тину; сѣть совсѣмъ грязная и во многихъ мѣстахъ разорвалась.

— «Вотъ, не везетъ мнѣ сегодня!» сказалъ рыбакъ, починилъ сѣть, вымылъ ее и въ третій разъ закинулъ въ воду. Тянетъ ее,—страшно тяжело! «Ну», думаетъ, «наконецъ-то! теперь, кажется, много рыбы!»

Вытащилъ сѣть на берегъ и нашелъ въ ней старый мѣдный сундучокъ. Что за диковина? Взялъ его въ руки, осмо-

трѣлъ. Сундукъ тяжелый, со всѣхъ сторонъ запаянъ, и на крышкѣ печать.

«Чтó тамъ такое внутри?» думаетъ рыбакъ. «Должно-быть, деньги. Надо открыть сундукъ!»

Взялъ ножикъ и открылъ крышку. Смотритъ: въ сундукѣ ничего нѣтъ. Опрокинулъ его, встряхнулъ,—ничего не выпало.

«Почему же сундукъ такой тяжелый?» Рыбакъ поставилъ его передъ собою на землю и задумался. Въ это время изъ сундучка выходитъ дымъ, дѣлается все гуще и гуще, поднимается все выше и выше. Вотъ, онъ застлалъ море и землю и затемнилъ солнце. Смотритъ рыбакъ, и волосы у него становятся дыбомъ. Изъ дыма сдѣлался громадный великанъ: машетъ руками, щелкаетъ зубами; глаза горятъ, какъ фонари.

Хочетъ рыбакъ бѣжать,—ноги не слушаются отъ страха; хочетъ сказать слово,—голоса нѣтъ. И вотъ онъ шепчетъ:

— «Скажи мнѣ, кто ты? и какъ попалъ въ сундучокъ?»

А великанъ говоритъ, какъ громъ гремитъ:

— «Я—духъ огня. Триста лѣтъ тому назадъ, я поспорилъ съ духомъ земли, и стали мы съ нимъ бороться. Онъ побѣдилъ меня, посадилъ въ этотъ мѣдный сундучокъ, закупорилъ, приложилъ къ крышкѣ свою печать и бросилъ сундучокъ въ море. Я сидѣлъ въ сундукѣ и думалъ: вотъ, какой-нибудь рыбакъ вытащитъ меня изъ воды и выпуститъ на свободу: тогда я награжу его богатствомъ и счастьемъ!.. Прошло сто лѣтъ, прошло двѣсти, а я все сидѣлъ въ сундукѣ. Зло меня взяло, и я сказалъ: «Хорошо же! Пусть теперь кто-нибудь вытащитъ меня: я убью его безъ пощады! Ты меня вытащилъ. Говори скорѣй, какой смертью хочешь умереть!»

Рыбакъ упалъ на колѣни, взмолился:

— «Ахъ, пощади, помилуй! Если меня не будетъ, кто накормитъ мою жену и дѣтей?»

А великанъ твердитъ свое:—«Нѣтъ, нѣтъ, твоя судьба рѣшена. Говори, какой смерти хочешь?»

Рыбакъ думаетъ: «Дай, пущусь на хитрость».—«Ну», говоритъ: «умирать—такъ умирать! Дѣлать нечего! Только я передъ смертью хочу тебя объ одномъ спросить».

— «Спрашивай!» отвѣчаетъ великанъ: «только живѣе!»

— «Скажи, пожалуйста», говоритъ рыбакъ: «неужели ты взаправду сидѣлъ въ этомъ маленькомъ сундучкѣ?»

— «Ну да, сидѣлъ».

— «Честное слово?»

— «Честное слово!»

— «Не вѣрю, хоть ты что хочешь. И одна нога твоя въ него не влѣзетъ: какъ же могъ ты весь туда упрятаться?»

— «Да вотъ какъ!» сказалъ великанъ.

Въ ту же минуту онъ превратился въ дымъ, мало-по-малу сталъ входить въ сундучокъ и, наконецъ, вошелъ весь. И спрашиваетъ изъ сундучка:— «Ну, что? теперь ты мнѣ вѣришь?»

Рыбакъ, не говоря ни слова, схватился за крышку, захлопнулъ сундучокъ и крѣпко-на-крѣпко завязалъ его веревкой. Завязалъ и говоритъ:—«Вотъ такъ! Теперь я брошу тебя назадъ въ море, на берегу поставлю столбъ, къ столбу прибью доску, а на доскѣ напишу: Рыбаки! не закидывайте въ этомъ мѣстѣ ваши сѣти! иначе вамъ грозитъ смерть!»

И рыбакъ хотѣлъ уже столкнуть сундучокъ ногой въ воду.

А духъ кричитъ изъ него:—«Милый человѣкъ! Не бросай меня въ воду! Вѣдь, я только хотѣлъ съ тобой пошутить!»

— «Нѣтъ», говоритъ рыбакъ. «Не вѣрю я тебѣ! Я просилъ у тебя пощады, ты не хотѣлъ меня помиловать. Ну, такъ я отплачу тебѣ тѣмъ же».

— «Не будь такой жестокій!» жалобно проситъ духъ. «Отплати мнѣ добромъ за зло. Выпусти меня, и я сдѣлаю тебя богатымъ и счастливымъ».

Рыбакъ думаетъ: «Что же, можетъ-быть, онъ меня не обманетъ...»—«Ну», говоритъ, «поклянись мнѣ».

— «Клянусь», сказалъ духъ.

Рыбакъ снялъ крышку. Изъ сундучка опять повалилъ густой дымъ и скоро превратился въ великана. Великанъ первымъ дѣломъ столкнулъ ногой сундучокъ въ море.

Рыбакъ испугался, спросилъ:

— «Что́ ты дѣлаешь? Неужели хочешь нарушить клятву?»

— «Не бойся!» сказалъ великанъ. «Бери сѣть и иди за мной!»

Долго шли они и, наконецъ, пришли къ высокой горѣ, а подъ горой было большое озеро. Великанъ сказалъ:

— «Закидывай сѣть!»

Рыбакъ закинулъ сѣть и вытащилъ четыре красивыхъ рыбы. И всѣ рыбы были разнаго цвѣта: одна красная, другая бѣлая, третья синяя и четвертая желтая.

Рыбакъ удивился.—«Вотъ такъ рыбы! Я такихъ и не видывалъ. Экая красота!»

— «Отнеси ихъ во дворецъ», сказалъ великанъ. «Султанъ дастъ тебѣ за нихъ много денегъ. А тамъ приходи сюда хоть каждый день и лови такихъ же рыбъ».

Тутъ великанъ топнулъ ногой. Земля раскрылась, великанъ спустился въ пропасть и исчезъ. А рыбакъ отнесъ рыбъ во дворецъ къ султану и получилъ за нихъ много денегъ.

У АРАБСКАГО царя родился сынъ. Его назвали Габибъ. Одинъ мудрецъ предсказалъ царю:— «Твой сынъ будетъ знаменитъ и счастливъ, но прежде онъ узнаетъ много бѣдъ и опасностей».

Царь сказалъ мудрецу:—«Будь же воспитателемъ моего сына. Укрѣпи его душу и тѣло, чтобы онъ могъ легко перенести всякую бѣду».

Семи лѣтъ Габибъ уже отлично ѣздилъ на дикихъ коняхъ, умѣлъ сочинять стихи, игралъ на лютнѣ и зналъ всѣ науки.

Когда Габибъ выросъ, мудрецъ сказалъ ему:

— «Есть на свѣтѣ прекрасная царица Доро́та. Страшный колдунъ Абаракъ воюетъ съ нею: онъ хочетъ отнять у нея всю землю и взять царицу въ плѣнъ».

— «Гдѣ же эта царица?» спросилъ Габибъ.

— «Подожди, ты скоро это узнаешь».

Разъ Габибъ сидѣлъ передъ своей палаткой. Вдругъ онъ услышалъ въ воздухѣ страшный шумъ. Смотритъ,—по небу летитъ огромная сѣрая птица-Рокъ и несетъ въ своихъ лапахъ

бесѣдку. Птица опустила бесѣдку на землю, а сама поднялась высоко-высоко.

Изъ бесѣдки вышла прекрасная дѣвушка съ двумя служанками. Габибъ всталъ со своего мѣста и поклонился ей.

— «Кто ты?» спросила она.

— «Я Габибъ, арабскій витязь. А ты кто?»

— «Я—царица Доро́та. Защити меня отъ моихъ враговъ!..»

Въ это время птица-Рокъ быстро спустилась на землю и сказала:—«Царица! я смотрѣла сверху, что́ дѣлается въ твоемъ государствѣ. Злодѣй Абаракъ напалъ на твой послѣднiй островъ. Возвращайся скорѣй назадъ! Иначе—врагъ побѣдитъ и отъ твоего государства не останется ничего!»

— «Прощай, милый витязь», сказала царица Доро́та: «ты видишь,—я должна спѣшить домой».

— «Подожди одну минуту», отвѣчалъ Габибъ: «скажи только, гдѣ ты живешь».

— «Живу я далеко отсюда, на Кавказѣ», промолвила она и вошла въ свою бесѣдку. .

Птица-Рокъ подхватила бесѣдку и унеслась съ ней въ облака, а Габибъ пошелъ къ своему отцу.

— «Прощай, батюшка, я ѣду на Кавказъ», сказалъ онъ.

— «Зачѣмъ на Кавказъ?» спрашиваетъ отецъ.

— «Тамъ живетъ царица Доро́та. Я поѣду спасать ее отъ колдуна Абарака».

Отецъ попробовалъ его отговаривать,—все было напрасно. Тогда онъ далъ сыну двѣнадцать храбрыхъ воиновъ и со слезами отпустилъ его въ далекiй путь.

Долго ѣхалъ царевичъ со своими воинами по пустынѣ. Терпѣли они и голодъ, и жажду, и всякiя невзгоды. Воинамъ надоѣло это, и они сговорились покинуть Габиба.

Разъ ночью, когда царевичъ спалъ, они тихонько встали, сѣли на коней и поскакали назадъ. Вернулись къ царю и говорятъ:

— «Ядовитая змѣя укусила царевича, и онъ умеръ».

Царь повѣрилъ и долго плакалъ по своемъ сынѣ.

Между тѣмъ, царевичъ Габибъ проснулся въ пустынѣ и увидалъ, что слуги ему измѣнили. Досадно ему было, но онъ и на минуту не задумался, а сказалъ: «Все-таки я добьюсь своего!»—и одинъ поѣхалъ дальше.

Пустыня становилась все страшнѣе. Жарко было отъ солнца, какъ въ печкѣ, а воды нигдѣ не было: кругомъ одинъ песокъ и песокъ. Конь царевича отъ жажды палъ. Тогда Габибъ пошелъ пѣшкомъ. Наконецъ, онъ совсѣмъ измучился, сѣлъ на землю и воскликнулъ:

— «Неужели мнѣ придется умереть въ этой пустынѣ?»

Вдругъ сверху спускается къ нему громадная птица-Рокъ и говоритъ:

— «Царевичъ! меня прислала къ тебѣ царица Доро́та. Я отнесу тебя на Кавказъ».

Габибъ привязалъ къ ногамъ птицы веревку и сѣлъ на эту веревку, какъ на качели. Птица сейчасъ же поднялась, быстро понесла его по воздуху и спустилась на Кавказскихъ горахъ, передъ темной пещерой. Тутъ она сказала витязю:

— «Дорога въ государство царицы Доро́ты идетъ чрезъ эту пещеру. Тебѣ придется пройти со́рокъ мѣдныхъ дверей. Ихъ стерегутъ страшныя чудовища. На полу передъ первой дверью ты увидишь золотой ключъ. Подними его и отопри дверь. Потомъ плотно затвори ее за собою, только осторожно, чтобы не надѣлать шуму. Тутъ увидишь огромнаго чернаго арапа. Онъ подниметъ надъ твоей головой волшебный мечъ, на мечѣ написаны три сло́ва. Ты скорѣй прочти эти слова,

скажи ихъ вслухъ и тогда возьми мечъ у арапа. Въ другой рукѣ онъ держитъ ключи. Ты ихъ тоже возьми, не забудь. Арапъ сдѣлаетъ страшную рожу, но ты его не бойся. Этими ключами ты отопрешь всѣ остальныя двери. Пройдешь сороковую дверь,—увидишь передъ собою море. Переплыви чрезъ него, и ты будешь у Доро́ты. Не забудь ничего, что́ я тебѣ говорила. А самое главное—тихонько затворяй за собою каждую дверь».

Габибъ поблагодарилъ птицу-Рокъ, вошелъ въ пещеру, спустился въ подземелье, наткнулся на дверь, нашелъ золотой ключъ, отомкнулъ дверь, прошелъ черезъ нее, потомъ тихонько ее затворилъ, подошелъ къ черному арапу, громко прочиталъ на мечѣ три слова, взялъ изъ рукъ у арапа мечъ и ключи, и сталъ отпирать всѣ остальныя двери одну за другой.

Передъ каждой дверью сидѣли страшныя чудовища. Они съ яростью нападали на царевича, но у него былъ въ рукахъ волшебный мечъ, и онъ никого не боялся.

Наконецъ, онъ прошелъ черезъ сороковую дверь, увидѣлъ передъ собою море, обрадовался и съ шумомъ захлопнулъ дверь.

Въ ту же минуту на морѣ поднялась страшная буря, и всѣ чудовища напали на него. Хорошо еще, что Габибъ вспомнилъ про свой волшебный мечъ; онъ сталъ размахивать имъ направо и налѣво, и перебилъ всѣхъ чудовищъ. Но тутъ у него закружилась голова, онъ упалъ на землю и заснулъ.

Проснулся, и видитъ трехъ дѣвушекъ.

— «Кто вы такія?» спрашиваетъ онъ.

— «Мы морскія царевны», отвѣчала одна. «Мы знаемъ, ты разыскиваешь Дороту и хочешь ее спасти. Мы ея сестры. Она въ плѣну у колдуна Абарака. Ахъ, какой онъ страшный! Голова у него крокодила и все тѣло покрыто чешуей. Онъ ѣздитъ верхомъ на морскомъ конѣ и вмѣсто меча держитъ въ рукѣ китовое ребро. Живетъ онъ на Зеленомъ островѣ. Тебѣ надо убить колдуна, иначе ты никогда не увидишь Дороты».

— «А какъ же я переплыву черезъ море»? спрашиваетъ Габибъ.

— «Мы устроили тебѣ плотъ изъ морскихъ раковинъ. Его повезутъ четыре дельфина».

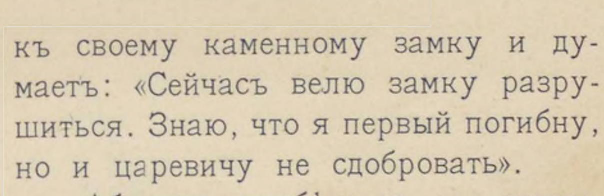
Габибъ сѣлъ на плотъ, царевны съ нимъ вмѣстѣ, и дельфины повезли ихъ по морю.

Колдунъ издалека увидѣлъ Габиба и раскинулъ вокругъ

своего острова крѣпкія сѣти. Дельфины подплыли къ сѣтямъ и запутались въ нихъ. Чтó дѣлать? Габибъ соскочилъ съ плота на спину одного дельфина, взмахнулъ волшебнымъ мечомъ и разрубилъ сѣть.

Скоро онъ вышелъ на берегъ. Тутъ прискакалъ на морскомъ конѣ колдунъ Абаракъ и набросился на царевича со своимъ китовымъ ребромъ. Габибъ взмахнулъ мечомъ. Конь Абарака сразу упалъ мертвый, а китовое ребро разлетѣлось въ мелкіе кусочки. Самъ колдунъ, ни живъ, ни мертвъ, бѣжитъ

къ своему каменному замку и думаетъ: «Сейчасъ велю замку разрушиться. Знаю, что я первый погибну, но и царевичу не сдобровать».

Абаракъ подбѣжалъ къ замку, дотронулся до него волшебной палочкой и сказалъ:

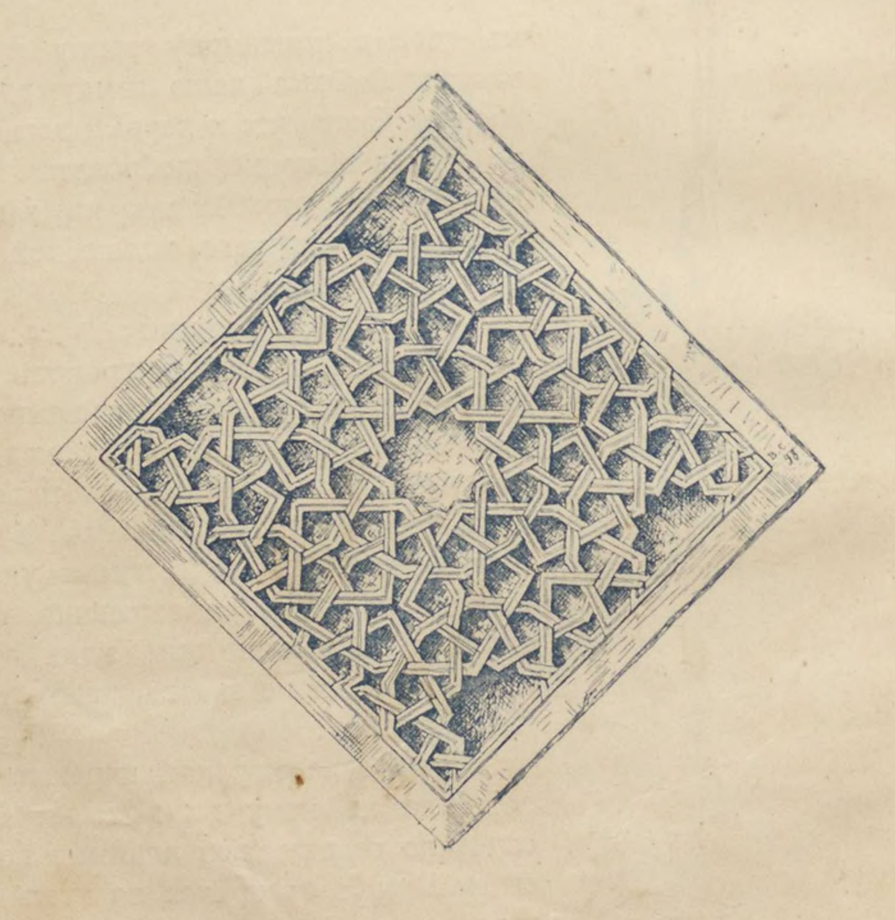
— «Замокъ! разсыпься!»

Раздался страшный грохотъ, замокъ разсыпался на тысячу камней и раздавилъ колдуна. Бухъ! Громадный обломокъ упалъ рядомъ съ царевичемъ и чуть-чуть его не убилъ. Бухъ! бухъ! бухъ!—другіе обломки упали рядомъ съ нимъ, и царевичъ очутился между камнями, какъ-будто въ колодцѣ, и не знаетъ, какъ отсюда выбраться.

Тутъ одна морская царевна поспѣшила къ нему на помощь. Она спустила сверху свои длинные волосы, и Габибъ взобрался по нимъ наверхъ, словно по канату. Потомъ онъ разыскалъ желѣзную башню, гдѣ си-

дѣла Дорóта, вывелъ ее изъ заключенія и отправился съ нею къ своему отцу.

Царь увидалъ сына и очень обрадовался. Послѣ этого сыграли свадьбу, а послѣ свадьбы молодые вернулись въ царство Дорóты и жили тамъ счастливо много лѣтъ.

ДАВНО-ДАВНО жилъ въ Персiи царь, очень любопытный. Часто онъ переодѣвался въ простую одежду, гулялъ по городу и смотрѣлъ, какъ живутъ простые люди.

Разъ вечеромъ идетъ онъ переодѣтый мимо бѣдной избушки и слышитъ звонкiе голоса. Дверь въ избушкѣ была неплотно заперта. Царь заглянулъ въ комнату: сидятъ за ужиномъ три молодыя дѣвушки и громко разговариваютъ между собою.

Старшая говоритъ:—«Я бы хотѣла выйти замужъ за царскаго пекаря. Ахъ, какой вкусный хлѣбъ я бы ѣла тогда каждый день!»

Средняя говоритъ:—«Ну, я поумнѣй тебя! Я бы вышла за царскаго повара. Тогда бы я каждый день ѣла вкусный обѣдъ, а къ обѣду, конечно, подавался бы и вкусный хлѣбъ».

А младшая, самая красивая сестра сказала смѣясь:—«Ну, ужъ если желать, такъ чего-нибудь получше. Я бы вышла замужъ за своего царя. Тогда бы у меня былъ и вкусный обѣдъ, и вкусный хлѣбъ, и еще много всякаго добра. И родились бы у меня двое сынковъ-красавцевъ и одна красавица-дочка».

Царь вернулся къ себѣ, а на другой день послалъ за тремя сестрами. И спрашиваетъ ихъ:

— «Вы о чемъ вчера говорили за ужиномъ?»

Сестры смутились и говорятъ:—«Да, вѣдь, это мы шутили».

Тогда царь ласково сказалъ:

— «Не бойтесь! Я хочу сдѣлать такъ, какъ вы желали!»

И выдалъ старшую сестру замужъ за своего пекаря, среднюю—за повара, а на младшей самъ женился.

Старшимъ сестрамъ досадно, что младшая стала царицей, и вотъ онѣ думаютъ да гадаютъ, какъ бы ее погубить.

Черезъ годъ у царицы родился хорошенькій мальчикъ. Злыя сестры украли его, положили въ корзину и бросили въ рѣку. А вмѣсто него въ колыбель подкинули лягушонка. Царь увидалъ, что у жены его вмѣсто сына родился лягушонокъ, разсердился, хотѣлъ казнить жену, но потомъ пожалѣлъ ее и простилъ.

А корзина съ ребенкомъ поплыла по рѣкѣ, черезъ царскій садъ. Шелъ по берегу рѣки царскій вельможа, и вдругъ

слышитъ дѣтскій плачъ. Онъ спустился къ водѣ, и увидѣлъ корзину. Подозвалъ садовника, вытащилъ вмѣстѣ съ нимъ корзину и нашелъ въ ней хорошенькаго мальчика.—«Возьму-ка я его себѣ!» сказалъ вельможа. «У меня дѣтей нѣтъ; пусть онъ будетъ моимъ сыномъ!» И принесъ малютку домой.

На другой годъ у царицы опять родился сынокъ. Злыя сестры положили его въ корзину и бросили въ рѣку, а въ колыбель подбросили мышонка. Царь еще больше разсердился на жену, но потомъ успокоился, и простилъ ее. Корзину въ рѣкѣ опять нашелъ царскій вельможа, и второго ребеночка взялъ къ себѣ въ домъ.

Прошелъ еще годъ. У царицы родилась красавица-дочка. Злыя сестры положили ее въ корзинку и бросили въ рѣку, а въ колыбель, вмѣсто дѣвочки, подкинули простую чурку.

Царь увидалъ чурку, страшно разсердился и посадилъ свою жену въ темницу. Злыя сестры были очень рады: добились онѣ своего!

А корзинку съ дѣвочкой нашелъ все тотъ же вельможа, и взялъ дѣвочку къ себѣ. Теперь у него было трое пріемышей. Добрый вельможа сталъ ихъ воспитывать. Дѣти росли не по годамъ, а по мѣсяцамъ, не по днямъ, а по часамъ. Царевичи выросли храбрыми молодцами, а царевна стала красавицей на удивленье. Старый вельможа любилъ ихъ какъ своихъ собственныхъ дѣтей. Онъ выстроилъ для нихъ за-городомъ отличный домъ, а вокругъ дома развелъ красивый садъ. Скоро вельможа умеръ, и дѣти остались жить одни въ своемъ домѣ.

Братья любили охотиться. Разъ они уѣхали въ лѣсъ на охоту, а сестра одна осталась дома. Сидитъ на крыльцѣ и вышиваетъ коверъ. Приходитъ къ ней старая старушка и говоритъ:

— «Красавица! Позволь мнѣ у тебя отдохнуть!»

Дѣвушка усадила ее около себя, накормила, напоила, а потомъ показала ей свой домъ и садъ. И спрашиваетъ:—«Ну, что, бабушка, нравится ли тебѣ здѣсь? и всего ли у насъ довольно?»—«Всего довольно, отвѣчала старушка: «только нѣтъ у васъ трехъ вещей».—«Чего же нѣтъ у насъ? Кажется, у насъ все есть!»—«Да не стóитъ говорить!»—«Бабушка, милая, скажи!»—«Ну, такъ и быть, скажу. Вотъ чего у васъ нѣтъ: птицы-говоруньи, дерева пѣвучаго и живой воды».

Старуха ушла, а царевна загрустила, запечалилась. Пріѣзжаютъ братья съ охоты и спрашиваютъ:—«Что ты, сестрица, такая скучная?» А она отвѣчаетъ:—«Братцы! все у насъ есть, только трехъ вещей нѣтъ».—«Чего же у насъ, сестрица, нѣтъ?»—«Нѣтъ у насъ птицы-говоруньи, дерева пѣвучаго и живой воды».

Старшій братъ говоритъ:—«Прощай, сестрица! я поѣду доставать эти диковинки. Вотъ, возьми мой серебряный ножъ. Смотри на него каждый день. Если онъ будетъ свѣтлый какъ

теперь,—значитъ, я живъ и здоровъ. А если ножъ потускнѣетъ,—тогда знай, что я умеръ!»

Братъ вскочилъ на коня, и ускакалъ. Ѣхалъ онъ долго, и пріѣхалъ въ лѣсъ. И видитъ: сидитъ подъ деревомъ старикъ, сидитъ—не шевелится; и весь онъ обросъ волосами, а борода даже въ землю вросла.—«Здравствуй, дѣдушка! скажи, какъ бы мнѣ достать птицу-говоруныо, дерево пѣвучее и живой воды?» А у старика усищи совсѣмъ закрыли ротъ,—мѣшаютъ ему говорить. И шамкаетъ онъ царевичу такъ, что тотъ едва понять можетъ:—«Достать-то можно, да не легко. Ходятъ туда много, а возвращаются мало. Ну, да если ты хочешь, я тебѣ покажу дорогу. Возьми мою чашку, зачерпни въ ручьѣ водицы, дай мнѣ напиться». Царевичъ принесъ воды. Старикъ ее выпилъ всю, а потомъ говоритъ:—«Возьми эту чашку, брось передъ собою. Куда она покатится, туда и поѣзжай. Доѣдешь до высокой горы, слѣзай съ коня и смѣло взбирайся на гору.

Позади себя ты услышишь голоса. Они будутъ бранить тебя и стращать. Ты не бойся, иди впередъ и не оглядывайся назадъ! А если оглянешься,—окаменѣешь! На вершинѣ горы ты найдешь клѣтку съ говорящей птицей, а ужъ птица тебѣ разскажетъ, какъ найти поющее дерево и живую воду».—«Спасибо, дѣдушка!» сказалъ царевичъ и бросилъ чашку на землю. Чашка быстро покатилась впередъ, а царевичъ за нею. Прикатилась чашка къ высокой крутой горѣ, и пропала куда-то. Царевичъ слѣзъ съ коня и пошелъ въ гору. Вдругъ слышитъ позади себя крики:—«Держи! лови! бей его, негодяя!» Царевичъ разсердился, схватился за свою саблю и обернулся назадъ, и сразу превратился въ черный камень. Серебряный ножъ его до́ма сейчасъ же потускнѣлъ. Сестра посмотрѣла на ножъ и заплакала:—«Ахъ, нашего брата нѣтъ больше въ-живыхъ!»

Тогда младшій братъ сказалъ ей:—«Милая сестрица! не плачь. Я поѣду въ ту сторону, добуду тебѣ говорящую птицу, поющее дерево и живую воду, и, можетъ-быть, спасу нашего брата».—«Ахъ, спаси только брата! больше мнѣ ничего не надо!» Онъ даетъ сестрѣ алмазное ожерелье и говоритъ:—«Перебирай его каждый день. Пока ожерелье будетъ цѣло,—я живъ и здоровъ. Но если оно разорвется,—знай, что меня нѣтъ въ-живыхъ».

Царевичъ сѣлъ на коня и отправился въ путь. Пріѣхалъ въ лѣсъ, увидѣлъ того же самаго старика и спросилъ его:—«Скажи, дѣдушка, какъ бы мнѣ добыть птицу-говорунью, дерево пѣвучее и живой воды?»—«Э, гдѣ тебѣ!» шамкаетъ старикъ. «И похитрѣй тебя ходили,

да всѣ пропали». Царевичъ проситъ:—«Научи, пожалуйста!» Старикъ отвѣчаетъ:—«Возьми мою чашку, принеси мнѣ воды изъ ручья напиться». Царевичъ принесъ. Тогда старикъ говоритъ:—«Сними съ моей руки перстень и брось его передъ собою: куда онъ покатится, туда и поѣзжай». И научилъ, что́ нужно дѣлать дальше.

Царевичъ поскакалъ за перстнемъ, подъѣхалъ къ горѣ, слѣзъ съ коня, пошелъ къ верху, и слышитъ позади себя громкіе крики:

— «Куда лѣзешь?.. Держи его! руби его, бездѣльника!»

Царевичъ не вынесъ такой обиды, вынулъ саблю, обернулся назадъ, чтобы наказать обидчиковъ,—и вдругъ превратился въ черный камень.

До́ма сестра его стала перебирать ожерелье, и вдругъ оно разорвалось. Горько заплакала бѣдняжка, и рѣшила сама ѣхать—спасать братьевъ. Сѣла на борзаго коня и поскакала въ ту же сторону.

Пріѣхала въ лѣсъ, и увидала старика.—«Здравствуй», говоритъ, «дѣдушка!»—«Здравствуй, красавица!» шамкаетъ старикъ. Она сейчасъ подрѣзала ему волосы, усы и брови, потомъ взяла его чашку, зачерпнула воды, принесла ему и сказала:—«Посмотрись, какой ты теперь сталъ хорошій». Онъ посмотрѣлся въ воду:—«И въ самомъ дѣлѣ», говоритъ, «я хорошъ

сталъ. Сижу я здѣсь цѣлыхъ 30 лѣтъ, и никто меня не постригъ— только ты догадалась. Ну, спасибо тебѣ! Куда же ты, красавица, ѣдешь?» Она ему все и разсказала. Старикъ вынулъ изъ-за пазухи маленькій шарикъ и говоритъ:—«Возьми этотъ каточекъ и брось передъ собою. Куда онъ покатится, туда и поѣзжай. Пріѣдешь къ горѣ, слѣзай съ коня и ступай къ верху. Тутъ ты услышишь страшные крики: «Лови, держи, руби!» Но ты не слушай и не оглядывайся, а то сейчасъ окаменѣешь!..»

— «Такъ я, дѣдушка, заткну уши ватой, и тогда никакихъ страховъ не услышу!» сказала царевна.

— «Ай да умница!» отвѣтилъ старикъ: «умнѣй всѣхъ богатырей!»

Царевна заткнула свои уши ватой, сѣла на коня и бросила каточекъ на землю. Каточекъ покатился впередъ, а дѣвушка—за нимъ.

Подъѣхала къ горѣ, слѣзла съ коня. Вдругъ—крики:—«Куда идешь? да мы тебя убьемъ! да мы тебя съѣдимъ!» А она ничего не слышитъ, и, знай-себѣ, идетъ впередъ. Взошла на гору, а тамъ сидитъ на скалѣ птица-говорунья. Дѣвушка взяла птицу въ руки, вынула вату изъ своихъ ушей и спрашиваетъ:—«Скажи мнѣ, птичка, гдѣ растетъ дерево пѣвучее, гдѣ течетъ живая вода?» Птица говоритъ ей человѣческимъ голосомъ:—«Вонъ туда ступай! Слышишь,—пѣвучее дерево поетъ? А подъ нимъ—родникъ съ живой водой».

Пришла царевна къ пѣвучему дереву, а на немъ листья такъ сладко шелестятъ, точно поютъ; подъ деревомъ — живая вода журчитъ, а рядышкомъ—хрустальный кувшинчикъ стоитъ. Дѣвушка отломила отъ дерева зеленую вѣтку, потомъ зачерпнула въ кувшинчикъ живой воды. И спрашиваетъ у птицы:

— «Какъ бы мнѣ спасти моихъ братьевъ? Они оба стоятъ тамъ, подъ горой, черными камнями!» Птица отвѣчаетъ:— «Плесни на нихъ живой водой, они и оживутъ».

Царевна спустилась пóдъ-гору и обрызгала черные камни живой водой. Изъ тѣхъ камней сдѣлались ея братья и много другихъ богатырей.—«Ахъ, сестрица, какъ мы долго спали!» говорятъ братья. А она отвѣчаетъ:—«Да, братцы, если бы не я, вы бы здѣсь вѣкъ спали! Смотрите: вотъ я добыла птицу-

говорунью, дерево пѣвучее и живой воды». Братья обрадовались.

Вотъ, они вернулись домой. Повѣсили клѣтку съ говорящей птицей въ саду среди розъ. Посадили пѣвучую вѣтку около своего дома, и на другой день изъ нея выросло цѣлое дерево: каждый листочекъ его пѣлъ чудную пѣсню. Живую воду вылили въ прудъ; изъ него сейчасъ же началъ бить высокій фонтанъ.

Разъ какъ-то поѣхали братья въ лѣсъ на охоту. А въ это самое время въ лѣсу охотился царь. Встрѣтился съ ними, сталъ разговаривать. Они и разсказали царю, какъ сестра добыла говорящую птицу, поющее дерево и живую воду. Царю стало любопытно.

— «Завтра», говоритъ, «я пріѣду къ вамъ въ гости, посмотрѣть на такія диковинки».

Братья воротились домой и объявляютъ сестрѣ:

— «Завтра самъ царь будетъ къ намъ въ гости!»

Царевна пошла къ говорящей птицѣ и спрашиваетъ ее:

— «Какой царю обѣдъ изготовить?»

Птица отвѣчаетъ:

— «Подай ему огурцовъ, да начини ихъ жемчугомъ».

На другой день царь пріѣхалъ въ гости, и долго смотрѣлъ на птицу-говорунью, на пѣвучее дерево и на живую воду. Царя пригласили къ столу. Говорящую птицу принесли сюда же, въ столовую, чтобы царь могъ на нее любоваться. Подаютъ царю блюдо съ огурцами. Онъ взялъ одинъ огурецъ, разрѣзалъ его,—изъ огурца посыпался жемчугъ.—«Что это за огурцы?» воскликнулъ царь: «развѣ въ огурцѣ можетъ быть жемчугъ? Никогда я этому не повѣрю!»

А птица ему въ отвѣтъ:—«А развѣ у твоей жены, вмѣсто дѣтей, могли родиться лягушонокъ, мышонокъ и чурка? Зачѣмъ ты этому повѣрилъ?»

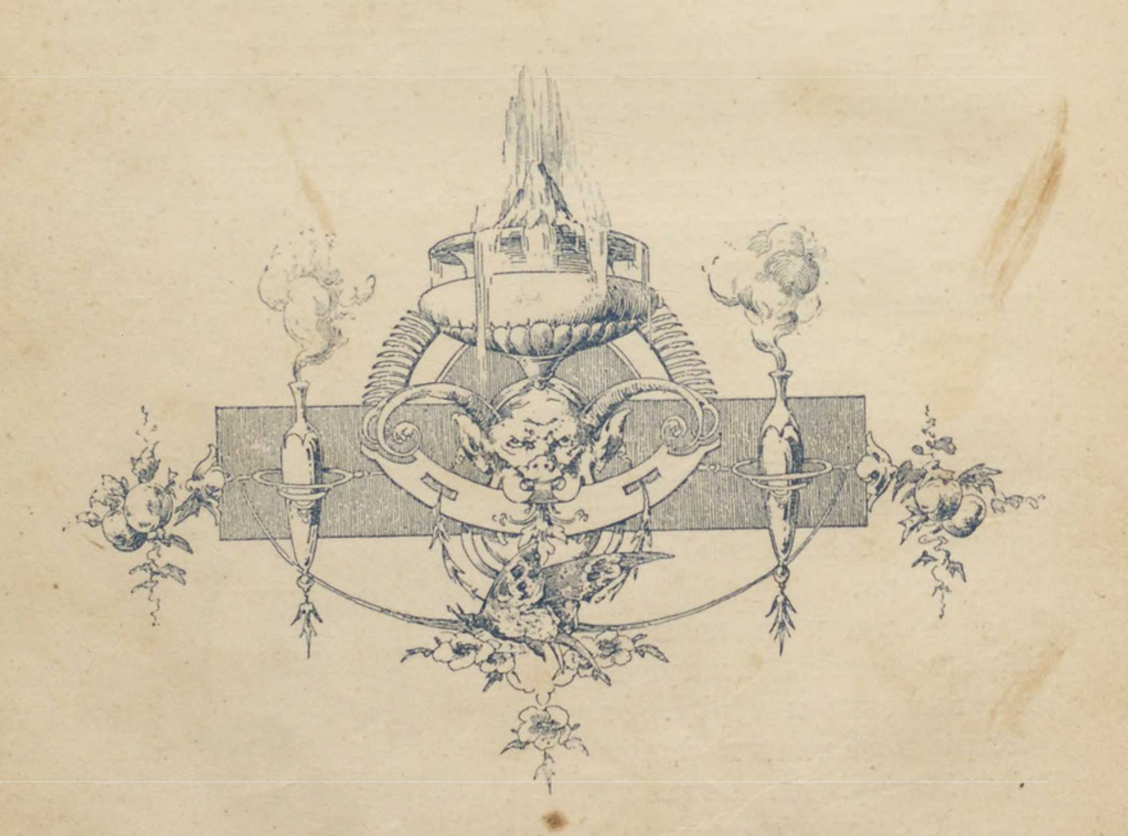
— «Это совсѣмъ другое дѣло», сказалъ царь: «лягушонка, мышонка и чурку я видѣлъ своими глазами въ колыбели!» А птица говоритъ:—«Ты и жемчугъ въ огурцѣ видишь своими глазами, а все-таки не вѣришь!»—«Я думаю, что въ огурецъ нарочно жемчугу положили!» отвѣчаетъ царь.

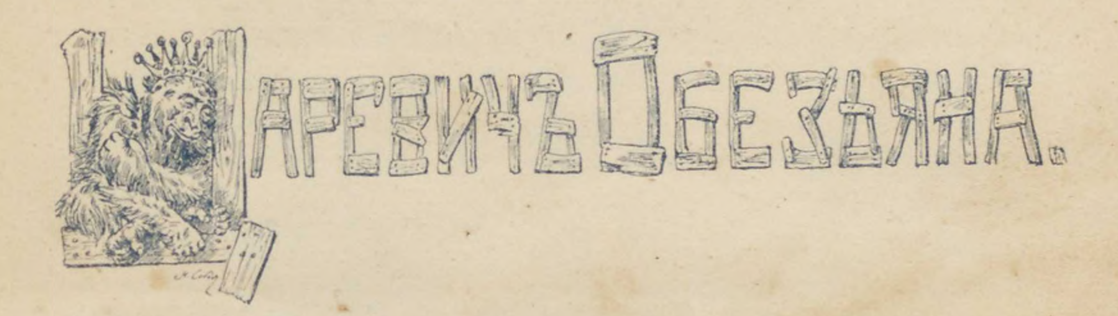
— «Ну, и въ колыбель нарочно положили лягушонка, мышонка и чурку. Это сестры твоей жены тебя обманули. Онѣ украли твоихъ дѣтей и бросили ихъ въ воду, а твой вельможа нашелъ ихъ и воспиталъ. Вотъ твои дѣти—передъ тобой!»

Царь обрадовался, и нѣжно обнялъ своихъ сыновей и дочку.

Потомъ сѣлъ на коня и поѣхалъ допрашивать сестеръ царицы. Тѣ испугались и признались во всемъ. Царь посадилъ ихъ въ темницу, а жену освободилъ, и она увидала своихъ милыхъ дѣтей. Послѣ этого они жили всѣ вмѣстѣ, долго и счастливо.

У ОДНОГО царя былъ очень умный сынъ. Онъ изучилъ всѣ науки и умѣлъ писать красивѣе всѣхъ въ государствѣ. Вотъ, однажды пріѣзжаютъ къ царю послы отъ индѣйскаго султана и говорятъ:—«Великій царь! индѣйскій султанъ прослышалъ о твоемъ умномъ сынѣ и хочетъ съ нимъ познакомиться. Отпусти его съ нами—погостить у нашего султана».

Царь снарядилъ своего сына въ дорогу и отпустилъ его въ индѣйскую землю. Долго ѣхалъ царевичъ съ послами. Однажды въ пустынѣ на нихъ напали разбойники, отняли у нихъ все добро и много людей убили. Царевичъ видитъ, что дѣло плохо, повернулъ своего коня и поскакалъ, куда глаза глядятъ. Конь пробѣжалъ верстъ двадцать и палъ. Царевичъ побрелъ пѣшкомъ.

Шелъ онъ долго-долго, и страшно измучился. Платье его изорвалось, обувь износилась, а лицо и руки загорѣли отъ солнца, и онъ сталъ похожъ на нищаго. Наконецъ, пришелъ онъ въ какой-то большой городъ. На улицѣ сидѣлъ передъ своей лавочкой портной и шилъ халатъ. Царевичъ разговорился съ портнымъ и разсказалъ ему про себя все, что̀ было.

— «Ну», говоритъ портной: «берегись,—никому больше не разсказывай про себя! Нашъ король—заклятый врагъ твоего отца. Если онъ про тебя узнаетъ, не миновать тебѣ смерти».

— «Спасибо за совѣтъ!» сказалъ царевичъ.

Портной накормилъ его и оставилъ у себя ночевать. А на другой день спрашиваетъ царевича:

— «Чѣмъ ты будешь зарабатывать себѣ хлѣбъ? Можетъ-быть, ты знаешь какое-нибудь ремесло?»

— «Я знаю разныя науки и умѣю красиво писать».

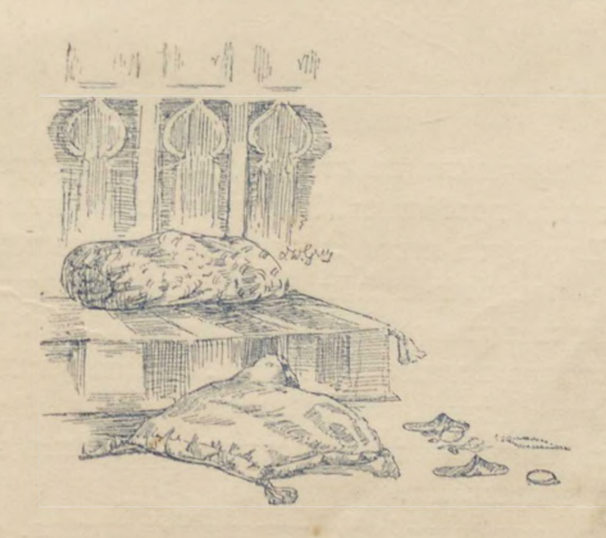
— «Ну, братъ, здѣсь твои знанія ничего не стóятъ, и ты съ ними съ голоду помрешь. Въ нашемъ королевствѣ не любятъ ни читать, ни писать. Лучше не говори никому, что ты знаешь разныя науки, а то догадаются, что ты царскій сынъ и донесутъ королю. По-мóему тебѣ одно остается: руби въ

лѣсу дрова и продавай ихъ на базарѣ. Заработаешь этимъ не много, но сытъ будешь. Я тебѣ дамъ топоръ и веревку».

Нечего дѣлать. Царевичъ послушался портного, взялъ топоръ и веревку и пошелъ въ лѣсъ. Сталъ онъ рубить одно дерево у самаго корня, и вдругъ слышитъ—топоръ его звякнулъ обо что-то. Онъ нагнулся, и нашелъ желѣзное кольцо. Хотѣлъ поднять его,—нельзя: кольцо къ чему-то придѣлано. Царевичъ разгребъ землю, и увидѣлъ подъемную дверь. Онъ взялся за кольцо и поднялъ дверь. Подъ ней оказалась лѣстница. Онъ спустился по ступенькамъ, и увидѣлъ красивый, свѣтлый дворецъ. Вошелъ въ первую комнату: на богатомъ диванѣ сидитъ нарядная дѣвушка.

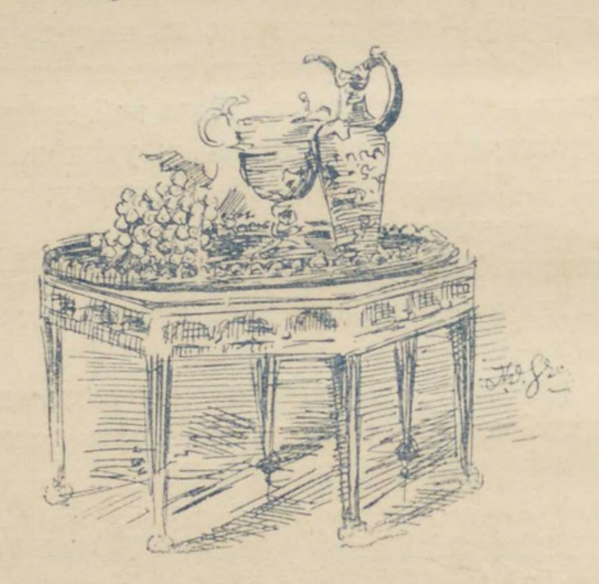
— «Кто ты такой и какъ сюда попалъ?» спрашиваетъ она. «Пятнадцать лѣтъ я здѣсь живу и въ первый разъ вижу человѣка».

Царевичъ разсказалъ про себя и спрашиваетъ красавицу:—«А ты кто? и зачѣмъ сидишь въ этомъ подземельѣ?»

Она отвѣчаетъ:—«Я—дочь короля. Меня укралъ духъ огня, и вотъ съ тѣхъ поръ я живу здѣсь, въ его дворцѣ. Духъ

прилетаетъ сюда черезъ два дня, и сегодня вечеромъ прилетитъ непремѣнно. А вотъ это, на табуреткѣ, стоитъ его волшебная лампа. Если къ ней притронуться, онъ явится сію же минуту. Пока его нѣтъ, тебѣ нечего бояться. Тутъ много богатыхъ одеждъ: возьми себѣ, какую хочешь; на столѣ много всякой ѣды: подкрѣпи свои силы, а потомъ уходи».

Царевичъ положилъ въ сторону топоръ и веревку, сѣлъ за столъ и сытно пообѣдалъ. Королевна говоритъ ему:—«Теперь уходи. Если духъ застанетъ тебя здѣсь, онъ тебя убьетъ».

Царевичъ расхрабрился и сказалъ:—«Пойдемъ со мной отсюда. Не боюсь я твоего духа!» и толкнулъ ногой табуретку, на которой стояла волшебная лампа. Лампа упала на полъ и разбилась вдребезги.

Въ ту же минуту раздался страшный трескъ и громъ, и весь дворецъ задрожалъ.

— «Что̀ ты надѣлалъ!» вскричала королевна. «Бѣги скорѣе отсюда черезъ окно, иначе—ты погибъ!»

Царевичъ выскочилъ въ окно и побѣжалъ къ тому мѣсту

гдѣ была подъемная дверь, а про свой топоръ и веревку впопыхахъ-то и позабылъ. Взбирается онъ по лѣстницѣ и слышитъ, что во дворецъ прилетѣлъ духъ и грозно спрашиваетъ королевну:—«Говори мнѣ, какъ сюда попали топоръ и верезка?»—«Не знаю!» отвѣчаетъ королевна.—«Говори мнѣ правду!» закричалъ духъ: «а не то—я тебя сожгу!»

Царевичъ выскочилъ на бѣлый свѣтъ, захлопнулъ дверь и побѣжалъ въ городъ. Портной на улицѣ увидѣлъ его и очень обрадовался.—«Гдѣ ты пропадалъ?» спрашиваетъ. «Я ужъ думалъ, что тебя разорвали дикіе звѣри!»

Царевичъ ничего не сказалъ и ушелъ въ домъ. Черезъ нѣсколько времени входитъ къ нему портной и говоритъ:

— «Пришелъ какой-то старикъ, принесъ топоръ и веревку и хочетъ самъ тебѣ ихъ отдать!»

Царевичъ вышелъ на улицу и увидѣлъ сѣдого старика. Это былъ переодѣтый духъ огня. Онъ спросилъ царевича:

— «Не твои ли это топоръ и веревка?»

Царевичъ отвѣтилъ:—«Мои!»

Тогда духъ схватилъ царевича за шиворотъ и быстро взлетѣлъ съ нимъ на воздухъ. Долго онъ летѣлъ, наконецъ опустился на высокой горѣ и объявляетъ царевичу:—«За то, что ты безъ спроса забрался въ мой дворецъ, я тебя накажу». Тутъ онъ взялъ горсть земли и бросилъ въ царевича.—«Превратись», говоритъ, «въ обезьяну!» А самъ топнулъ ногой и провалился сквозь землю.

Царевичъ остался на горѣ одинъ; посмотрѣлъ на себя и горько-горько заплакалъ: онъ сдѣлался обезьяной.

Обезьяна спустилась съ горы къ морю и, грустная, сѣла подъ деревомъ. Скоро къ берегу подошелъ корабль. Обезьяна прыгнула на корабль, подползла къ капитану и прижалась къ его ногамъ.—«Пошла прочь!» крикнулъ одинъ матросъ и замахнулся на нее палкой.—«Оставь ее!» сказалъ капитанъ: «смотри, какъ она жалобно глядитъ. Эта обезьяна мнѣ нравится. Я возьму ее себѣ».

Черезъ мѣсяцъ корабль остановился у большого индѣйскаго города. Къ капитану пришли важные вельможи, подали ему листъ бумаги и сказали:

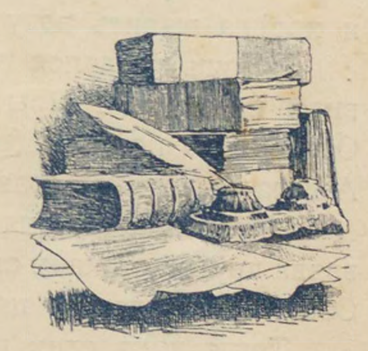
—«Нашъ султанъ велитъ каждому изъ васъ написать здѣсь три-четыре строчки».

— «Зачѣмъ?» спрашиваетъ капитанъ.

— «На-дняхъ у насъ умеръ старшій министръ. Онъ очень красиво писалъ. Султанъ любилъ этого министра и сказалъ, что назначитъ на его мѣсто только того, кто умѣетъ такъ же красиво писать. До сихъ поръ такого человѣка еще не нашлось».

Капитанъ и всѣ матросы на кораблѣ написали по три-четыре строки. И обезьяна тоже потянулась за бумагой. Вельможи испугались и закричали:—«Ай-ай! она изорветъ бумагу!»

— «Не бойтесь», сказалъ капитанъ: «дайте ей бумагу,—она у меня преумная».

Обезьяна схватила перо и написала на бумагѣ красивыми буквами стихи арабскаго поэта:

Осень холодомъ дохнула
И въ природѣ все заснуло;
Но не надо унывать:
Къ намъ весна придетъ опять!

Вельможи взяли бумагу и повезли ее во дворецъ къ султану. Султанъ посмотрѣлъ и сказалъ:—«Ахъ, какъ красиво тутъ написалъ кто-то: *Осень холодомъ дохнула*... Одѣньте этого человѣка въ роскошную одежду, посадите на коня и привезите ко мнѣ: онъ будетъ моимъ старшимъ министромъ!»

Вельможи переглянулись между собой и засмѣялись. Султанъ закричалъ на нихъ сердито:

— «Какъ вы смѣете надо мной смѣяться?»

— «Прости, государь!» сказали они. «Эти стихи написала обезьяна, и намъ смѣшно, какъ это—обезьяна поѣдетъ верхомъ въ богатой одеждѣ и будетъ твоимъ старшимъ министромъ».

— «Какая обезьяна?» сказалъ султанъ: «быть не можетъ! Все равно, привезите ее ко мнѣ скорѣе!»

Обезьяну привезли во дворецъ. Она не говорила ни слова, но все понимала и вела себя совсѣмъ какъ человѣкъ, да еще не простой человѣкъ, а ученый. Султанъ велѣлъ позвать свою дочь. А дочь его была замѣчательная красавица, и ее даже звали *Царица красоты;* кромѣ того, она была искусная волшебница. Она вошла, увидѣла обезьяну и сразу сказала:—«Это не обезьяна, а царскій сынъ. Его заколдовалъ злой духъ».

Султанъ удивился и спросилъ дочь:

— «А можешь ты превратить его опять въ человѣка?»

— «Могу!» Она взяла стаканъ воды, пошептала надъ нимъ и хотѣла вылить воду на обезьяну.

Вдругъ раздался громъ, и появился самъ духъ огня, въ видѣ пламени. Искры отъ него сыпались во всѣ стороны. Одна искра попала обезьянѣ въ правый глазъ и сожгла его. А вода въ стаканѣ сразу вся высохла.

Царевна начертила на полу, вокругъ себя, большой кругъ, взяла другой стаканъ съ водой и выплеснула воду на обезьяну. Обезьяна сдѣлалась царевичемъ,—только безъ одного глаза.

Тогда духъ огня превратился въ огромнаго льва и бросился на царевну. Она мигомъ вырвала у него изъ гривы волосокъ, превратила этотъ волосокъ въ мечъ и отсѣкла льву голову. Духъ обернулся скорпіономъ и хотѣлъ укусить царевну. Она превратилась въ ящерицу и напала на скорпіона. Духъ превратился въ чернаго кота, а царевна сдѣлалась волкомъ и схватила кота въ зубы. Духъ превратился въ спѣлый апельсинъ. Апельсинъ упалъ на землю и разбился на куски, а зерна его разсыпались по землѣ въ разныя стороны. Царевна сейчасъ же превратилась въ пѣтуха и начала клевать зерна; а одно зерно откатилось далеко, на берегъ ручья. Пѣтухъ увидѣлъ это зерно и со всѣхъ ногъ бросился къ нему. Зерно упало въ воду и превратилось въ маленькую рыбку. Царевна изъ пѣтуха превратилась въ щуку и погналась за рыбкой. Но духъ огня скрылся въ глубину и провалился въ землю.

Тутъ царевна вышла на берегъ въ своемъ настоящемъ видѣ, но зашаталась и упала на диванъ. Султанъ и царевичъ подбѣжали къ ней и спрашиваютъ:—«Что съ тобою?»

Она говоритъ:—«Я побѣдила духа огня, но очень устала, и у меня кружится голова».

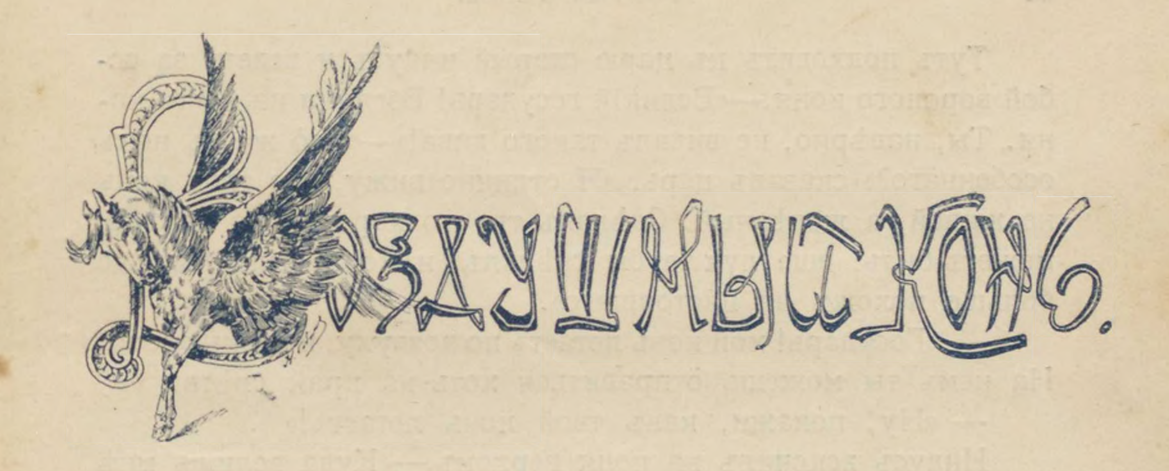

Вдругъ опять послышался громъ, сверху появился огонь, упалъ прямо на царевну и сжегъ ее всю. На диванѣ осталась только горсточка пепла. Такъ духъ огня наказалъ царевну.

Султанъ сказалъ царевичу:—«Ты принесъ мнѣ бѣду. Изъ-за тебя моя дочь погибла. Уѣзжай изъ моей земли. Я не хочу тебя больше видѣть!»

Царевичъ сѣлъ на корабль и черезъ нѣсколько времени приплылъ на родину, къ своему отцу.

Жилъ въ Персіи умный и богатый царь Сабуръ, а у него былъ сынъ, по имени Буря. Царь любилъ всякія науки и искусства. Разъ, въ новый годъ, на царскій дворъ собрались мудрецы и мастера со всего свѣта: они показывали царю свое искусство и свои машины, а царь раздавалъ имъ богатыя награды. Вотъ ужъ онъ со всѣми поговорилъ, всѣхъ одѣлилъ и хотѣлъ уйти во дворецъ. Вдругъ изъ толпы выходятъ еще три человѣка.

Одинъ подаетъ царю павлина изъ чистаго золота; каждый часъ этотъ павлинъ хлопаетъ крыльями, распускаетъ хвостъ и громко кричитъ. Царь спрашиваетъ мастера:—«Какой награды ты хочешь за свою выдумку?»—«Тысячу рублей!» Царь отдалъ мастеру тысячу рублей, а павлина взялъ себѣ.

Подходитъ другой мастеръ, подноситъ царю мѣдную трубу; если положить эту трубу у городскихъ воротъ, такъ не нужно и стражи: какъ только появится вдали непріятель, труба сама трубитъ.—«Хорошая выдумка!» говоритъ царь. «Какой хочешь награды?»—«Десять тысячъ рублей!» Царь отдалъ мастеру деньги, а трубу взялъ себѣ.

Тутъ подходитъ къ царю старый индусъ и ведетъ за собой вороного коня.—«Великій государь! Взгляни на моего коня. Ты, навѣрно, не видалъ такого дива!»—«Что̀ же въ немъ особеннаго?» сказалъ царь. «Я отлично вижу, что твой конь не живой, а желѣзный. Сдѣлалъ ты его хорошо, но другой, можетъ-быть, еще лучше бы сдѣлалъ, и конь былъ бы еще больше похожъ на настоящаго».

— «Государь! мой конь летаетъ по воздуху, и очень скоро. На немъ ты можешь отправиться хоть на край свѣта».

— «Ну, покажи, какъ твой конь летаетъ!»

Индусъ вскочилъ на коня верхомъ.—«Куда велишь мнѣ съѣздить, государь?»

— «Видишь, вонъ стоитъ гора!» сказалъ царь: «а на скалѣ растетъ пальма. Поѣзжай на гору и привези мнѣ съ этой пальмы вѣтку!»

Индусъ нажалъ какую-то пружинку на шеѣ коня. Конь высоко взвился на воздухъ и стрѣлой полетѣлъ къ горѣ. Всѣ только рты разинули. Черезъ минуту индусъ прилетѣлъ назадъ, соскочилъ съ коня у самаго царскаго трона и подалъ царю пальмовую вѣтку.

— «Продай мнѣ своего коня!» сказалъ царь: «сколько ты за него хочешь?»—«Сто тысячъ рублей!»—«Ладно!»

Но тутъ царевичъ Буря проситъ царя:—«Батюшка! подожди покупать коня, позволь мнѣ его раньше испытать!»

— «Ну, испытай!»

Царевичъ Буря подбѣжалъ къ коню, вскочилъ на сѣдло, нажалъ пружинку. Конь взлетѣлъ на воздухъ, и пропалъ изъ глазъ. А индусъ бросился царю въ ноги:

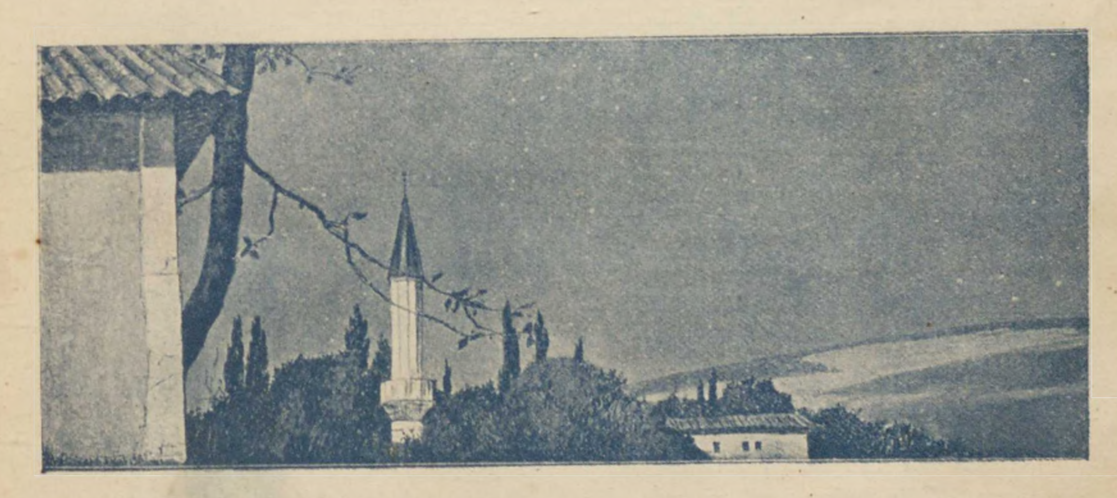
— «Государь! царевичъ поторопился, и я не успѣлъ разсказать ему, какъ управлять конемъ. Не казни меня, если съ твоимъ сыномъ случится бѣда».

Царь разсердился:—«О чемъ же ты думалъ раньше? Отчего не предупредилъ царевича? Зачѣмъ не научилъ его?

Знай же: если сынъ мой не вернется цѣлъ и невредимъ, ты мнѣ отвѣтишь за это своей головой. А пока возьмите и отведите его въ тюрьму!» приказалъ онъ своей стражѣ.

Царевичъ Буря въ полчаса пролетѣлъ въ облакахъ тысячу верстъ. «Ну», думаетъ, «пора вернуться назадъ! Только какъ же это сдѣлать?» Сталъ онъ дергать поводьями,—ничего не помогаетъ. Пересѣлъ задомъ на передъ, лицомъ къ хвосту,—то же самое. Посильнѣй надавилъ пружинку,—конь поднялся еще выше и понесся еще быстрѣе. Царевичъ сталъ осматривать коня: нашелъ у него на шеѣ другую пружинку, и нажалъ ее. Конь сталъ тихо опускаться.

Между тѣмъ, уже настала ночь. Что̀ внизу: земля или море, лѣсъ или чистое поле,—не видно. Но вотъ конь опустился и сталъ на что-то твердое. Царевичъ слѣзъ съ коня, осмотрѣлся. Оказалось, что онъ стоитъ на крышѣ какого-то дворца. Онъ отыскалъ въ темнотѣ лѣстницу, спустился по ней, и вошелъ прямо во дворецъ. Въ первой комнатѣ горитъ лампа; двадцать стражей, съ саблями наголо̀, стоятъ у стѣнъ и спятъ крѣпко-прекрѣпко. Царевичъ подумалъ: «Какъ бы эти стражи не проснулись. Изрубятъ они меня на мелкіе куски!» И про-

шелъ во вторую комнату. Тамъ десять стражей, тоже съ саблями, спятъ прямо на полу, и лампа у нихъ потухла. Царевичъ сталъ пробираться въ слѣдующую комнату, и въ темнотѣ нечаянно наступилъ на одного стража. Тотъ вскочилъ, закричалъ, проснулись другіе стражи, схватили царевича и посадили его за рѣшетку.

На утро приходитъ къ нему офицеръ и спрашиваетъ:

— «Кто ты такой? зачѣмъ попалъ ночью во дворецъ?»

Царевичъ разсказалъ.—«Ну, не бойся!» сказалъ офицеръ. «Былъ у насъ строгій царь, но теперь онъ умеръ. Послѣ него осталась его дочь-царевна. Она добрая! Сейчасъ я ей скажу про тебя». И пошелъ къ царевнѣ съ докладомъ.

Царевна велѣла позвать царевича, познакомилась съ нимъ и сказала: —«Погости у меня недѣлю». Она показала ему свой дворецъ и садъ, и занимала его, какъ умѣла.

Черезъ недѣлю царевичъ сказалъ: — «Царевна! будь моей женой. Сядемъ вмѣстѣ на воздушнаго коня и поѣдемъ въ Персію, къ моему отцу. Онъ будетъ радъ».

— «Хорошо», сказала царевна.

Они взошли на крышу. Царевичъ повернулъ коня на востокъ,—туда, гдѣ была его родина. Они вдвоемъ сѣли на сѣдло, и уже черезъ часъ увидѣли вдалекѣ столицу Персіи. Не доѣзжая до города,

стоялъ лѣтній дворецъ самого царевича. Тутъ онъ опустилъ коня на землю, привелъ царевну въ свой дворецъ и сказалъ ей:

— «Подожди здѣсь. А я поѣду къ моему отцу, скажу ему про тебя». Потомъ онъ снова сѣлъ на коня и отправился въ городъ.

Старый царь думалъ, что сынъ его погибъ, и хотѣлъ уже казнить индуса. Теперь онъ увидѣлъ царевича и едва своимъ глазамъ повѣрилъ. — «Ты ли это, сынъ мой?»

— «Я, батюшка, я, да еще и не одинъ, а съ невѣстой!» — весело отвѣчалъ царевичъ.

— «Гдѣ же твоя невѣста?»

— «Она осталась въ моемъ лѣтнемъ дворцѣ».

— «Поѣдемъ сейчасъ къ ней!» говоритъ царь. И тутъ же приказываетъ своему слугѣ: — «Освободи индуса! Пусть онъ убирается на всѣ четыре стороны, и со своимъ конемъ, и чтоб никогда больше не показывался мнѣ на глаза!»

Слуга пошелъ въ тюрьму и говоритъ индусу: — «Выходи! царевичъ вернулся, привезъ съ собою красавицу-невѣсту, оставилъ ее въ своемъ лѣтнемъ дворцѣ, сейчасъ ѣдетъ туда съ отцомъ. А тебѣ велѣлъ убираться на всѣ четыре стороны вмѣстѣ съ конемъ, и чтобы ты не показывался ему больше на глаза!»

«Ну, хорошо же!» думаетъ себѣ индусъ: «я васъ проучу».

Вышелъ изъ тюрьмы, вскочилъ на своего воздушнаго коня, прилетѣлъ въ загородный дворецъ и говоритъ царевнѣ:

— «Царь и царевичъ велѣли мнѣ привезти тебя на воздушномъ конѣ въ городъ, на большую площадь. Тамъ они ожидаютъ тебя съ музыкой».

Царевна повѣрила, и сѣла на коня. Индусъ нажалъ пружинку,—они быстро поднялись на воздухъ и полетѣли. Видитъ индусъ: навстрѣчу ему, внизу, по землѣ, ѣдутъ на живыхъ коняхъ царь и царевичъ,—ѣдутъ за невѣстой въ загородный дворецъ; и кричитъ онъ имъ сверху во все горло:

— «Поѣзжайте назадъ! Не видать вамъ больше невѣсты, какъ своихъ ушей!»

Увидѣли царь и царевичъ, что индусъ царевну увезъ, и съ досады не знали, что придумать.—«Прощай, батюшка!» сказалъ царевичъ. «Я пойду искать свою невѣсту. И не вернусь домой до тѣхъ поръ, пока не найду ее!» Онъ нарядился нищимъ и пошелъ въ ту сторону, куда полетѣлъ индусъ.

Между тѣмъ, индусъ летѣлъ на конѣ до самаго вечера; потомъ спустился на землю въ густомъ лѣсу и сказалъ царевнѣ: —«Ты—моя плѣнница, и я могу съ тобой дѣлать, что пожелаю. Хочу—продамъ тебя гдѣ-нибудь на базарѣ въ рабство, хочу—убью!»

Царевна заплакала и сказала:

— «Лучше убей меня! И зачѣмъ я только тебѣ повѣрила! Убей меня скорѣй, злой разбойникъ, но не смѣй продавать меня въ рабство!»

Въ то время въ лѣсу охотился султанъ этой земли. Онъ услыхалъ, что кто-то плачетъ, и прискакалъ сюда. Узналъ, въ чемъ дѣло, отрубилъ индусу голову, а царевну привезъ къ себѣ во дворецъ. Царевна понравилась султану, и онъ ей сказалъ:

— «Будь моей женою!»

— «Нѣтъ», отвѣчала царевна: «я невѣста персидскаго царевича, не могу я за тебя замужъ итти!»—«А не пойдешь волей, такъ я неволей тебя возьму!» И онъ приказалъ трубить въ трубы и бить въ барабаны и объявлять народу, что черезъ недѣлю будетъ его свадьба съ царевной.

Тогда царевна притворилась, что она очень больна, и слегла въ постель. Свадьбу пришлось отложить. Султанъ призвалъ своихъ врачей и велѣлъ имъ лѣчить царевну. Они лѣчили, лѣчили, а больная все охаетъ, все не встаетъ съ постели. Тутъ султанъ кликнулъ кличъ по всей землѣ: «Кто вылѣчитъ царевну, того я по-царски награжу!»

Царевичъ Буря долго бродилъ по свѣту, пришелъ и въ эту землю, и услыхалъ, что у султана больна невѣста и къ ней сзываютъ лѣкарей. Онъ сталъ разспрашивать, кто она такая и какъ сюда попала. Ему разсказали. «Да это моя невѣста!» подумалъ царевичъ: «наконецъ-то я ее нашелъ!» Онъ нарядился врачомъ, надѣлъ на голову высокій колпакъ, подвязалъ себѣ длинную бороду, взялъ въ руки шкатулку съ разными травами и старую книгу, пришелъ во дворецъ и говоритъ султану:—«Я врачъ изъ далекой земли, и берусь вылѣчить больную».

Султанъ обрадовался и привелъ его къ царевнѣ. Царевичъ сказалъ:—«Государь! оставь меня одного съ больной. Я дамъ ей такого лѣкарства, отъ котораго ей сразу станетъ лучше».

Султанъ вышелъ изъ комнаты. Тогда царевичъ шепнулъ своей невѣстѣ:

— «Не бойся: я твой женихъ, царевичъ Буря. Я пришелъ спасти тебя!»

Царевна обрадовалась. Тогда онъ позвалъ султана. Султанъ спрашиваетъ:

— «Ну, что̀, царевна, лучше ли тебѣ?»

— «Да, мнѣ теперь гораздо лучше!» отвѣчала она.

Султанъ сказалъ царевичу:—«Вылѣчи мнѣ царевну, и я сдѣлаю тебя первымъ врачомъ при моемъ дворѣ!»

Царевичъ говоритъ:—«Разскажи мнѣ, государь, подробно, какъ захворала твоя невѣста».

Султанъ и разсказалъ, какъ онъ въ лѣсу встрѣтилъ индуса и царевну съ воздушнымъ конемъ, какъ онъ убилъ индуса и освободилъ царевну. Царевичъ сказалъ:

— «Теперь я знаю, отчего больна царевна. Конь заколдованный, ну и въ царевну перешло отъ него колдовство. Надо это колдовство выгнать. Конь еще цѣлъ?»

— «Какъ же, какъ же! цѣлъ! онъ стоитъ у меня въ сараѣ!» отвѣчалъ султанъ.

— «Вели поставить этого коня среди площади и принести туда больную царевну. Я посажу ее на волшебнаго коня, окурю ее травой, и тогда царевна выздоровѣетъ».

Скоро все было готово. Волшебнаго коня поставили на площади передъ дворцомъ. Народъ сбѣжался со всѣхъ сторонъ, чтобы поглазѣть на диковинку. Пріѣхалъ султанъ со своей стражей. Принесли на носилкахъ царевну.

Царевичъ посадилъ царевну на волшебнаго коня, разставилъ вокругъ коня жаровни съ горячими угольями и посыпалъ на нихъ сухой травы.

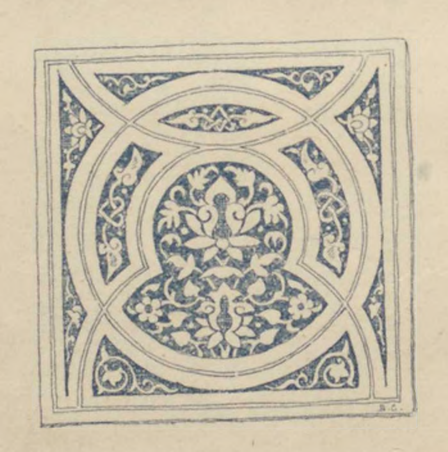
Поднялся густой дымъ и окуталъ коня, царевну и самого царевича. Тутъ царевичъ быстро сбросилъ съ себя длин-

ное платье и привязанную бороду, вскочилъ на коня, позади невѣсты, и нажалъ пружинку. Конь взвился на воздухъ.

— «Прощай, султанъ!» крикнулъ царевичъ. «Это моя невѣста, а не твоя!»

Султанъ со злости принялся рвать на себѣ одежду. А царевичъ и царевна прилетѣла въ столицу Персіи и сыграли веселую свадьбу.

ДАВНО-ДАВНО, въ Пекинѣ, въ китайской столицѣ, жилъ себѣ бѣдный портной, по имени Мустафа́. Была у него жена и былъ сынъ Аладинъ. У Мустафы не было денегъ, чтобы посылать сына въ школу. Аладинъ цѣлые дни бѣгалъ по городу съ уличными мальчишками и ничему не учился. Онъ былъ добрый и умный мальчикъ, только—большой шалунъ и проказникъ. Отецъ старался исправить его и ласками, и угрозами, и розгами: «Сиди дома, не бѣгай, образумься, возьми иглу въ руки, учись хлѣбъ добывать: вѣдь, скоро тебѣ 15 лѣтъ!»—ничего не помогало: чуть свѣтъ,—Аладинъ опять на улицѣ, и домой его не дозваться.

Вотъ, однажды, Мустафá заболѣлъ и умеръ, и осталась жена его вдовою. Съ утра до ночи пряла она пряжу и носила продавать на базаръ, да не всегда ее покупали, и часто у бѣдной женщины не было въ домѣ куска хлѣба. Аладину стыдно стало лѣниться, онъ рѣшилъ самъ зарабатывать хлѣбъ и пошелъ на площадь наниматься въ работники. Долго онъ тамъ стоялъ. Вдругъ кто-то ударилъ его сзади по плечу. Аладинъ быстро обернулся. Видитъ: передъ нимъ незнакомый человѣкъ.

— «Какъ тебя зовутъ? и чей ты сынъ?» ласково спрашиваетъ онъ мальчика.

— «Отецъ мой былъ портной, Мустафá, но теперь его уже нѣтъ на свѣтѣ... А меня зовутъ Аладинъ...».

— «Значитъ, ты сынъ моего брата! ты мой племянникъ, а я твой дядя!» радостно вскричалъ незнакомецъ и бросился обнимать Аладина.

— «Ты мой дядя?» спросилъ мальчикъ.—Я никогда не слыхалъ, чтобы у моего отца былъ братъ...»

— «Сорокъ лѣтъ тому назадъ я уѣхалъ путешествовать и съ тѣхъ поръ не былъ на родинѣ. Можетъ-быть, Мустафá рѣшилъ, что я уже умеръ, и потому не говорилъ обо мнѣ. Чего же ты стоишь здѣсь, на площади?

— «Нанимаюсь въ работники!»

— «Нанимаешься въ работники? Пойдемъ ко мнѣ, милый племянникъ! Я тебя нанимаю!»

И дядя привелъ Аладина къ себѣ въ домъ. Здѣсь онъ надѣлъ на него новое платье и накормилъ его вкуснымъ обѣдомъ. Послѣ обѣда онъ сказалъ мальчику:—«Слушайся меня, мой милый племянникъ, и я сдѣлаю тебя богатымъ и счастливымъ. Пойдемъ сейчасъ, прогуляемся за городъ!»

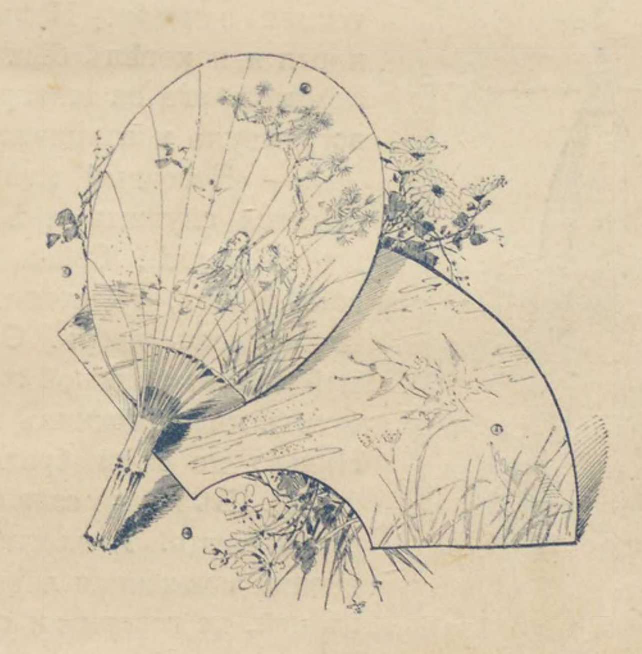
Аладинъ встряхнулъ своей косичкой и смѣло отвѣчалъ:

— «Я готовъ, дядя!..» И они вышли изъ дому.

Долго шли они по узкимъ улицамъ, потомъ вышли изъ города въ поле и, наконецъ, подошли къ двумъ высокимъ горамъ. Въ долинѣ между горъ дядя остановился и говоритъ:

— «Набери мнѣ побольше хворосту: я разведу костеръ».

Аладинъ собралъ сухихъ вѣтокъ, сложилъ ихъ въ кучу и смотритъ, что̀ будетъ дальше. Дядя вынулъ двѣ бутылочки.

Изъ одной бутылочки онъ высыпалъ на костеръ какой-то порошокъ. Сейчасъ же показалось пламя, и сучья загорѣлись. Потомъ онъ высыпалъ порошокъ изъ другой бутылочки и что-то пробормоталъ. Вдругъ появилось цѣлое облако дыма, земля передъ костромъ задрожала, разступилась, и Аладинъ увидѣлъ большой плоскій камень, а къ камню придѣлано сверху мѣдное кольцо.

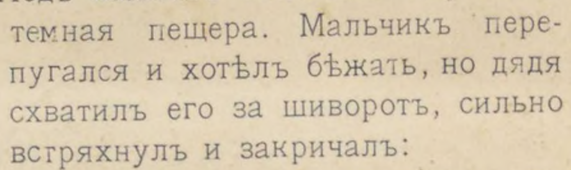
Дядя снялъ съ своей руки золотой перстень, надѣлъ его на палецъ Аладину и говоритъ:

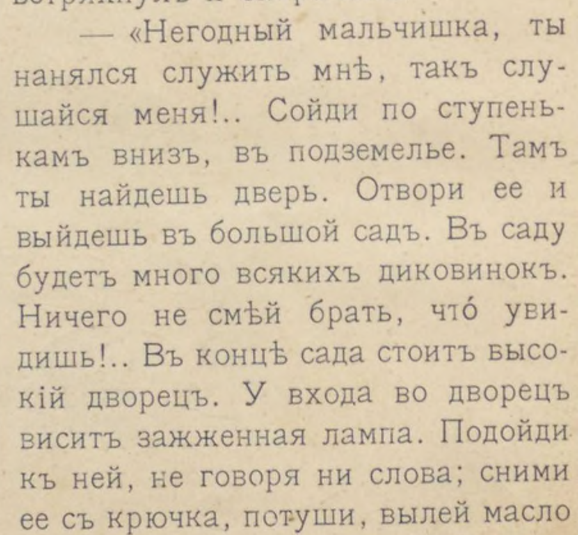
— «Возьмись за мѣдное кольцо и подыми камень!»

— «Да развѣ я могу поднять этакую тяжесть?» спрашиваетъ Аладинъ.

— «Подымешь! Вѣдь, я надѣлъ тебѣ на палецъ волшебный перстень!» говоритъ дядя.

Аладинъ схватился за мѣдное кольцо, и что же?—поднялъ камень, какъ перышко. Подъ камнемъ оказалась глубокая, темная пещера. Мальчикъ перепугался и хотѣлъ бѣжать, но дядя схватилъ его за шиворотъ, сильно встряхнулъ и закричалъ:

— «Негодный мальчишка, ты нанялся служить мнѣ, такъ слушайся меня!.. Сойди по ступенькамъ внизъ, въ подземелье. Тамъ ты найдешь дверь. Отвори ее и выйдешь въ большой садъ. Въ саду будетъ много всякихъ диковинокъ. Ничего не смѣй брать, что́ увидишь!.. Въ концѣ сада стоитъ высокій дворецъ. У входа во дворецъ виситъ зажженная лампа. Подойди къ ней, не говоря ни слова; сними ее съ крючка, потуши, вылей масло на́земь и скорѣй неси лампу сюда, ко мнѣ. Больше намъ ничего не надо. Изъ этой лампы мы съ тобой, дружокъ, добудемъ большое богатство! Иди, не робѣй: у тебя мой волшебный перстень. Съ нимъ ничего не бойся! Ступай!»

Аладинъ—ни живъ, ни мертвъ—спустился по ступенькамъ въ темное подземелье, ощупью добрался до двери, открылъ ее и вышелъ на свѣтлую поляну. Вотъ, красивый садъ, а въ саду высокій дворецъ. Во дворецъ ведетъ лѣстница въ триста ступенекъ. Аладинъ поднялся по лѣстницѣ и подошелъ къ бесѣдкѣ. Передъ входомъ во дворецъ виситъ ма-

ленькая, невзрачная лампа и горитъ ярко-ярко. Онъ снялъ ее съ крючка, потушилъ, вылилъ масло на землю, засунулъ лампу за пазуху и идетъ назадъ.

Идетъ по́ саду, а по сторонамъ лежатъ груды золота и серебра. Помнитъ онъ наказъ дядюшки, ничего не трогаетъ и идетъ мимо. Вдругъ видитъ чудное дерево: на зеленыхъ вѣткахъ пестрѣютъ цвѣты и яблоки: бѣлыя, желтыя, красныя, голубыя, синія...—всякія.

Тутъ мальчикъ не утерпѣлъ, сорвалъ одно яблочко, а оно такъ и сіяетъ, такъ и переливается радугой. Хочетъ его укусить,—не тутъ-то было: оно твердое, какъ камень.

На самомъ дѣлѣ на деревѣ висѣли не яблоки, а настоящіе брильянты, яхонты, рубины, сапфиры, аметисты. Но Аладинъ никогда не видывалъ драгоцѣнныхъ камней и думаетъ: «Вотъ какія красивыя стеклышки! Наберу-ка я ихъ себѣ побольше: потомъ буду забавляться ими...»

Онъ встряхнулъ дерево. Стеклышки такъ и посыпались дождемъ въ траву. Аладинъ набилъ ими всѣ карманы, наложилъ ихъ за пазуху, набралъ въ по́лы своей куртки и въ обѣ руки, и пошелъ назадъ, къ выходу.

Дядя увидѣлъ его, наклонился, протянулъ сверху руку въ подземелье и кричитъ съ нетерпѣніемъ:

— «Гдѣ же лампа? подавай мнѣ ее сюда скорѣе!»

Аладинъ подымается по ступенькамъ кверху и говоритъ:

— «Дядя, дядя! какъ тамъ хорошо! Какой тамъ красивый садъ! какія стеклышки! Пойдемъ туда еще разъ, вмѣстѣ съ тобой!»

— «Сейчасъ подавай мнѣ лампу!» сердито заоралъ дядя.

А мальчикъ твердитъ все свое:—«Да посмотри, дядя, какихъ я тамъ стеклышковъ набралъ!»

— «А! такъ ты не принесъ мнѣ лампу?!» заоралъ дядя. «Ты занялся своими стеклышками?! Постой же, негодный мальчишка,—я тебя проучу!»

Тутъ дядя досталъ изъ кармана еще третью бутылочку и высыпалъ на костеръ синій порошокъ. Земля затряслась, камень съ грохотомъ упалъ на прежнее мѣсто и закрылъ пещеру, а нашъ Аладинъ кубаремъ свалился на дно.

Вокругъ—темно, хоть глазъ выколи. Лежитъ онъ и думаетъ: «Теперь ужъ нѣтъ Аладина въ живыхъ! Убился досмерти! Бѣдный Аладинъ!» Потомъ ощупалъ себя и видитъ, что живъ и цѣлъ.

Тутъ онъ всталъ и принялся кричать благимъ матомъ:

— «Дядя! дядя!»

Никто не откликается.

— «Куда же это дѣвался мой дядя?» подумалъ Аладинъ.

(А этотъ дядя—былъ вовсе не дядя, а злой колдунъ. Онъ жилъ въ Африкѣ и однажды прочиталъ въ своей черной волшебной книгѣ вотъ что́: «около города Пекина, въ долинѣ между двухъ горъ, въ такомъ-то мѣстѣ, есть подземелье, а въ подземельѣ—чудесная лампа; кто овладѣетъ этой лампой, тотъ будетъ сильнѣе всѣхъ царей земныхъ; но злой человѣкъ не можетъ ее потушить и унести; сдѣлать это можетъ только

добрый и смѣлый мальчикъ». Колдунъ сѣлъ на верблюда, примчался въ Пекинъ, сталъ искать по городу добраго мальчика и нашелъ себѣ Аладина. Когда Аладинъ взбирался по ступенькамъ изъ подземелья наверхъ, колдунъ хотѣлъ отобрать у него лампу и перстень, а его самого столкнуть назадъ въ пещеру. Столкнуть-то его— онъ столкнулъ, а лампы не отобралъ, и даже позабылъ со злости про свой волшебный перстень).

Аладинъ пощупалъ въ карманахъ и за пазухой: почти всѣ стеклышки высыпались,—осталось совсѣмъ немного...

Заплакалъ мальчикъ съ горя и досады, сжалъ свои руки и нечаянно повернулъ перстень на пальцѣ. Вдругъ передъ нимъ явилась летучая мышь и сказала человѣческимъ голосомъ:—«Что тебѣ нужно?»

— «Ахъ, если можно, выведи меня отсюда на землю!»

Летучая мышь мигомъ подхватила его къ себѣ на спину, и Аладинъ сразу очутился на землѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ костеръ. Только костеръ уже догорѣлъ, а дяди и слѣдъ простылъ.

Аладинъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ домой. Старушка-мать выбѣжала къ нему навстрѣчу.

— «Сынъ мой, гдѣ ты пропадалъ такъ долго?»

— «Ахъ, матушка, чтó со мной было! чтó со мной было! Только дай мнѣ прежде чего-нибудь поѣсть! а то я умру съ голоду!»

— «Милый сынокъ, у меня во всемъ домѣ нѣтъ ни крошки хлѣба!» отвѣчала мать.

— «Нѣтъ ни крошки?» сказалъ Аладинъ. «Постой, я принесъ мѣдную лампу. Отдадимъ ее булочнику, а онъ намъ дастъ за нее хлѣбца». И Аладинъ вынулъ изъ-за пазухи свою лампу.

— «Ой, какая она старая, да грязная, да ржавая!» сказала мать. «Дай-ка я ее почищу песочкомъ. Авось, тогда за нее больше хлѣба дадутъ!»

Она взяла тряпочку и принялась усердно тереть лампу.

Вдругъ, откуда ни возьмись, явился огромный великанъ и спросилъ:—«Чтó надо? приказывай!»

Старушка со страху упала на полъ, а нашъ Аладинъ смѣло крикнулъ:—«Мы хотимъ ѣсть! принеси намъ чего-нибудь пообѣдать!»

И вотъ на столѣ у нихъ явился большой серебряный подносъ, а на подносѣ самыя отборныя кушанья на серебряныхъ блюдахъ. Аладинъ и его мать сѣли за столъ и вкусно пообѣдали.

На другой день Аладинъ продалъ старьевщику одно серебряное блюдо и получилъ за него цѣлый рубль, черезъ недѣлю—другое блюдо, потомъ—третье, и такъ они съ матерью были сыты ровно полгода. Потомъ опять настала нужда, и они перебивались изо дня въ день.

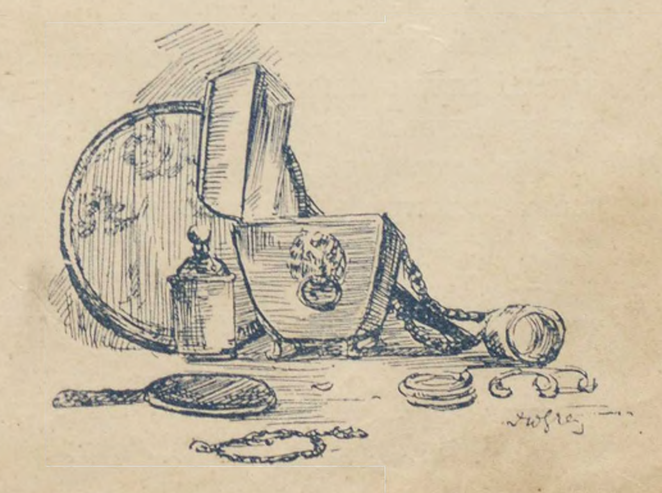
* * *

РАЗЪ Аладинъ стоялъ дома у окна и смотрѣлъ на улицу. Вдругъ видитъ: по улицѣ идетъ царевна Будрульбадура, дочь китайскаго богдыхана.

— «Матушка», сказалъ Аладинъ: «я сейчасъ видѣлъ царевну. Она мнѣ очень понравилась, и я хочу на ней жениться! Иди къ богдыхану, проси его, чтобъ онъ отдалъ свою дочь за меня замужъ!»

— «Чтó ты, чтó ты, сынокъ? жениться на царевнѣ?! да ты потерялъ голову! Развѣ богдыханъ отдастъ свою дочь такому бѣдняку? Женихъ долженъ послать своей невѣстѣ приличный подарокъ. Чтó же ты ей пошлешь? Вѣдь, у насъ ничего нѣтъ!»

— «А у меня, матушка, есть красивыя стеклышки... Я видѣлъ, какое ожерелье у царевны: право же, мои стеклышки куда красивѣе! Уложи ихъ на твое желтое фарфоровое блюдо и поднеси богдыхану!»

Мать его уговариваетъ — и такъ и

этакъ: Аладинъ и слушать не хочетъ. Дѣлать нечего: взяла она блюдо, уложила на него стеклышки, завернула блюдо въ чистую скатерть и понесла во дворецъ.

— «Что тебѣ нужно, старушка?» спросилъ ее богдыханъ.

— «Великій сынъ Неба!» говоритъ она съ поклономъ: «не сердись на меня, если я скажу тебѣ что-нибудь непріятное. Мой сынъ нечаянно увидалъ твою дочь, царевну Будрульбадуру, и полюбилъ ее всѣмъ сердцемъ. Теперь онъ проситъ у тебя ея руки!»

— «А какъ звать твоего сына?» спрашиваетъ богдыханъ.

— «Аладинъ».

— «Аладинъ? Какъ же это я не слыхалъ про такого князя? А какой подарокъ онъ прислалъ невѣстѣ?»

— «Вотъ эти бездѣлушки!» Вдова развернула скатерть и поднесла богдыхану блюдо съ драгоцѣнными камнями. Богдыханъ удивился: всѣ его сокровища вмѣстѣ—стóятъ меньше, чѣмъ каждый камешекъ на блюдѣ.

— «Хорошо!» сказалъ онъ: «мнѣ нравится подарокъ твоего сына. Должно-быть, онъ очень богатый. Пускай же онъ сегодня пріѣдетъ ко мнѣ со своей свитой, познакомиться съ моей дочерью, царевной Будрульбадурой, а потомъ я съ царевной поѣду посмотрѣть дворецъ твоего сына».

Старушка поклонилась и пошла домой, въ большомъ горѣ.

— «Такъ и такъ», говоритъ она сыну: «царь велѣлъ, чтобы ты сегодня же явился къ нему со свитой, а потомъ онъ поѣдетъ смотрѣть твой дворецъ!»

— «Чтó мнѣ дѣлать, матушка? какая у меня свита? гдѣ мой дворецъ? У меня ничего нѣтъ!»

— «Вотъ видишь, сынокъ: я говорила, что нельзя тебѣ жениться на царевнѣ! Какой ужъ ты царевичъ, когда намъ и ѣсть-то нечего!.. Я, вотъ, не знаю, на что сегодня купить хлѣба...»

Старушка стала перебирать въ чуланѣ свои старыя вещи и нашла мѣдную лампу.—«Вотъ, развѣ лампу продать? Только сперва ее надо почистить!..»

Едва она стала тереть лампу, какъ посреди комнаты явился огромный великанъ и спросилъ: — «Что́ угодно? приказывай!»

Аладинъ обрадовался и сказалъ: — «Построй мнѣ къ завтрему красивый дворецъ, какъ-разъ противъ царскаго дворца. Да еще мнѣ нужно красивое платье и княжеская свита!»

Великанъ исчезъ. Мать Аладина горько заплакала: она подумала, что сынъ ея съ ума сошелъ.

Вдругъ на улицѣ послышалась музыка. И сынъ и мать бросились къ окну и видятъ: къ ихъ лачугѣ подходитъ цѣлый полкъ невольниковъ въ красивыхъ одеждахъ, съ музыкой, съ флагами и опахалами. Невольники входятъ въ комнату, одѣваютъ Аладина

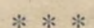
въ княжескую одежду, ведутъ его на дворъ и сажаютъ на бѣлаго коня.

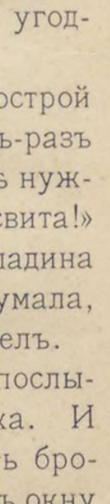
Аладинъ ѣдетъ къ царю, а за нимъ парами идутъ черные и бѣлые невольники и несутъ на бархатныхъ подушкахъ дорогіе подарки для царевны. Подъѣзжаетъ онъ къ дворцу богдыхана, а напротивъ, въ саду, стоитъ другой, новый дворецъ: весь изъ золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Невѣста вышла навстрѣчу къ своему жениху. Въ тотъ же день была ихъ свадьба. Князь Аладинъ съ княгиней Будрульбадурой стали жить въ своемъ золотомъ дворцѣ, и жили очень счастливо. А старушка-мать Аладина такъ обрадовалась счастью своего сына, что скоро умерла.

Аладинъ понялъ, что его лампа—чудесная лампа: теперь ужъ она не валялась со старыми вещами, а стояла у него въ спальнѣ, на столѣ.

злой колдунъ, между тѣмъ, живетъ въ Африкѣ и думаетъ, что Аладинъ въ подземельѣ давно уже умеръ съ голода. Только однажды смотритъ онъ въ свою черную волшебную книгу и читаетъ: «Аладинъ женился на царевнѣ, живетъ въ Пекинѣ въ золотомъ дворцѣ и владѣетъ чудесной лампой».

— «Погоди жъ ты!» сказалъ колдунъ: «я отберу у тебя и лампу, и дворецъ, и царевну!»

Онъ сѣлъ на верблюда и пріѣхалъ въ Пекинъ. Тутъ онъ узналъ, что Аладинъ вмѣстѣ съ богдыханомъ уѣхалъ на три дня на охоту, а царевна Будрульбадура осталась во дворцѣ одна со своими служанками. Колдунъ нарядился купцомъ, наложилъ цѣлую телѣгу новыми красивыми лампами, выѣхалъ на дворцовую площадь и сталъ кричать:

— «Эй, вы, люди умные-разумные! кто хочетъ мѣнять старыя лампы на новыя? Подходите!»

Со всѣхъ сторонъ сбѣжался народъ: каждый несетъ съ собой какую-нибудь старую, негодную лампу, каждому хочется дешево получить новую вещь.

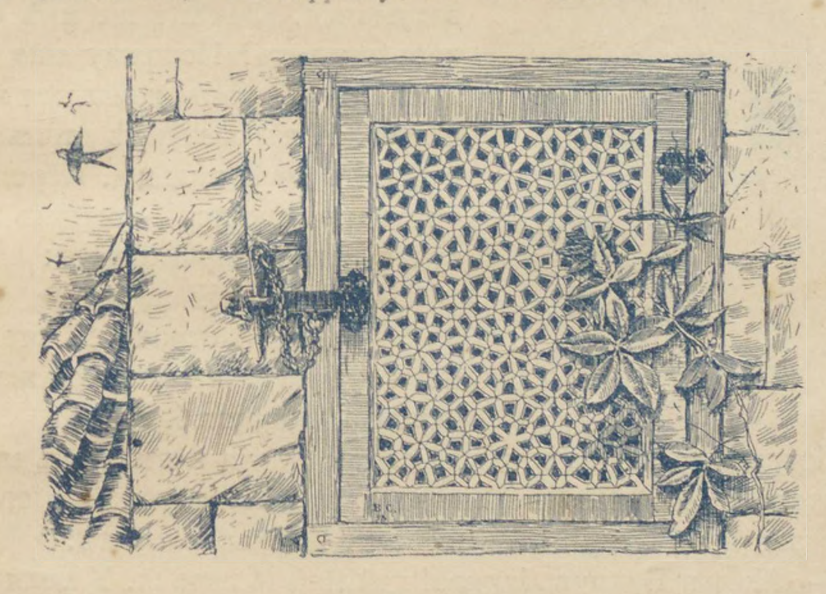
Будрульбадура сидитъ въ своей комнатѣ у окна, видитъ на площади толпу народа, слышитъ шумъ и крики.—«Подите, узнайте, въ чемъ дѣло»! велитъ она своимъ служанкамъ.

Узнали, сказали. «Вотъ какой забавный купецъ!» думаетъ царевна: «зачѣмъ ему нужны старыя лампы?» И говоритъ служанкѣ:—«Въ спальнѣ мужа, на столѣ, я видѣла, стоитъ старая, ржавая лампа. Возьми ее и отнеси этому купцу. Пусть онъ за нее дастъ мнѣ новую,—только выбери, которая по-

лучше!» (Нашъ Аладинъ не догадался сказать женѣ, чтó это за лампа стоитъ у него на столѣ).

Служанка принесла волшебнику чудесную лампу. Онъ обрадовался и отдалъ за нее пять новыхъ, большихъ и красивыхъ лампъ, а самъ поскорѣе вернулся домой.

Тутъ онъ потеръ чудесную лампу. Явился духъ:—«Чтó нужно? приказывай!»—«Перенеси и меня и дворецъ Аладина, весь цѣликомъ,—въ Африку, въ мой садъ!»

Вдругъ поднялась страшная буря и унесла колдуна и дворецъ Аладина, вмѣстѣ съ царевной, въ Африку.

Аладинъ вернулся съ охоты и чтó же онъ видитъ: ни дворца, ни жены, какъ не бывало! Богдыханъ разсердился на зятя.—«Гдѣ твой дворецъ? гдѣ моя дочь, а твоя жена?» закричалъ онъ и приказалъ сейчасъ же посадить Аладина въ тюрьму.—«А если», говоритъ, «ты черезъ 3 дня не вернешь мнѣ мою любимую дочь,—я велю отрубить тебѣ голову!»

Вотъ Аладина посадили въ тюрьму, за желѣзную дверь. Сидитъ онъ и съ горя ломаетъ свои руки. Перстень на его

рукѣ нечаянно повернулся, и передъ Аладиномъ явилась летучая мышь; и говоритъ человѣческимъ голосомъ:—«Что́ тебѣ нужно?»

— «Ахъ!» сказалъ Аладинъ. «Мнѣ жизнь не мила. Принеси мнѣ мертвой воды, чтобъ я могъ сейчасъ же умереть!»

Летучая мышь принесла ему пузырекъ съ мертвой водой. Аладинъ хотѣлъ уже выпить ее, да задумался. «Зачѣмъ же мнѣ сейчасъ умирать? Подожду еще три дня: Можетъ-быть, жена моя вернется». И въ раздумьѣ сталъ перебирать свои пальцы. Перстень опять повернулся,—явилась летучая мышь, спрашиваетъ:

— «Что́ тебѣ нужно?»

— «Вотъ отлично! отнеси меня туда, гдѣ живетъ моя жена, царевна Будрульбадура».

Летучая мышь подхватила его на плечи и въ одинъ мигъ перенесла въ Африку, въ его дворецъ. Жена увидѣла его и обрадовалась и испугалась вмѣстѣ. А онъ говоритъ:

— «Милая Будрульбадура! дай мнѣ напиться. У меня голова кружится: я въ одну минуту пролетѣлъ 20 тысячъ верстъ».

Жена дала ему напиться и разсказала, какъ ее укралъ колдунъ.

— «Гдѣ же онъ самъ?»

— «Улетѣлъ за тридевять земель. Но сейчасъ вернется. Я боюсь, что онъ застанетъ тебя и убьетъ. Лучше уходи отсюда!»

— «А что это у тебя на столѣ?» спрашиваетъ Аладинъ.

— «Это ѣда и питье для колдуна. Какъ только онъ прилетитъ, сейчасъ выпьетъ полную чашу вина».

Аладинъ подошелъ къ столу, прибавилъ въ чашу колдуна мертвой воды и говоритъ:

— «Когда онъ прилетитъ, подай ему эту чашу: онъ выпьетъ вино и сейчасъ умретъ. А я пока спрячусь за ту занавѣсь.»

Только-что Аладинъ спрятался, вошелъ колдунъ. Царевна весело встрѣтила его и подала ему чашу съ виномъ. Колдунъ выпилъ ее сразу, и бездыханный повалился на полъ.

Аладинъ вышелъ изъ-за занавѣси. Въ карманѣ у злодѣя онъ нашелъ свою волшебную лампу. Потеръ ее рукавомъ,— явился великанъ.—«Что́ нужно? приказывай!»

— «Перенеси этотъ дворецъ, и садъ, и все, что́ тутъ есть, въ Пекинъ, на прежнее мѣсто!»

Черезъ минуту царевна увидѣла въ окно дворецъ своего отца.

Съ тѣхъ поръ Аладинъ счастливо жилъ съ своей женой Будрульбадурой въ своемъ золотомъ дворцѣ. Когда старый богдыханъ умеръ, Аладинъ самъ сдѣлался китайскимъ императоромъ. Онъ зажегъ свою старую чудесную лампу и повѣсилъ ее во дворцѣ, въ самой лучшей и самой большой комнатѣ.

Его маленькія дѣти спрашивали:—«Отчего ты не повѣсишь сюда новую, красивую, большую лампу? и отчего эта старая, грязная лампочка горитъ такъ ярко?»

Тогда Аладинъ сажалъ своихъ дѣтей на колѣни и разсказывалъ имъ чудесную исторію про свою волшебную лампу.

Въ одномъ персидскомъ городѣ жилъ-былъ богатый купецъ. У него было два сына, Касимъ и Али-Баба, оба женатые. Послалъ купецъ младшаго сына,—Али-Бабу, по дѣламъ, въ другой городъ, а самъ въ это время заболѣлъ и собрался умирать. И говоритъ старшему сыну, Касиму:— «Оставляю тебѣ мой домъ, мою лавку въ городѣ и все мое добро. Авось, ты не обидишь младшаго брата,—подѣлишься съ нимъ поровну!»

Умеръ купецъ; Касимъ его похоронилъ. Пріѣзжаетъ домой Али-Баба, а Касимъ и говоритъ ему:

— «Ступай вонъ изъ моего дома; отецъ все мнѣ оставилъ!»

Нечего дѣлать,—Али-Баба ушелъ. И вотъ Касимъ сталъ торговать въ лавкѣ и жилъ богато, а братъ его, Али-Баба, сдѣлался почти нищій. У Касима и дѣтей-то не было, у а бѣднаго Али-Бабы былъ сынъ, да еще принялъ онъ къ себѣ на воспитаніе дѣвушку—круглую сиротку. Всего добра у него было только три осла. Али-Баба рубилъ въ лѣсу дрова, привозилъ ихъ на своихъ ослахъ въ городъ и продавалъ на базарѣ. Только тѣмъ онъ и жилъ.

Вотъ однажды рубилъ Али-Баба дрова въ лѣсу, возлѣ горы, и вдругъ слышитъ: гдѣ-то кони скачутъ. Посмотрѣлъ

въ ту сторону: ѣдутъ сюда какіе-то люди, а въ рукахъ у нихъ сверкаютъ копья и сабли. Испугался бѣднякъ. «Вѣдь, это, пожалуй, разбойники!» подумалъ онъ, живо поставилъ ословъ въ кусты, а самъ вскарабкался на большое дерево и спрятался въ густыхъ вѣтвяхъ.

Люди подъѣзжаютъ какъ-разъ къ тому дереву, на которомъ сидитъ Али-Баба. Глядитъ онъ сверху, сквозь вѣтви, а самъ дрожитъ отъ страха. «Ну», думаетъ, «пропала моя головушка!»

Вотъ одинъ разбойникъ подошелъ къ горѣ и сказалъ:

— «Дверцы, дверцы, откройтесь!»

И въ самомъ дѣлѣ: въ горѣ сама-собой открылась дверь. Разбойники сняли съ коней тяжелые мѣшки съ добычей и одинъ за другимъ прошли въ пещеру.—«Разъ, два, три...» сталъ считать Али-Баба. Оказалось ровно сорокъ человѣкъ. Дверь за разбойниками сама-собой затворилась.

«Вотъ чудеса!» думаетъ Али-Баба. «Можетъ-быть, это мнѣ только приснилось?» Онъ протеръ глаза. Посмотрѣлъ внизъ. Лошади стоятъ подъ деревомъ. «Слѣзу-ка я съ дерева да убѣгу, пока разбойники не вернулись. Или лучше—сяду на одного коня и ускачу въ городъ, а тамъ продамъ коня за большія деньги».

Вдругъ изъ пещеры послышалось:

— «Дверцы, дверцы, откройтесь!»

Дверь распахнулась, и всѣ сорокъ разбойниковъ вышли назадъ ужé съ пустыми руками. Сѣли на своихъ коней и ускакали. А гора опять сомкнулась. Али-Баба подождалъ, прислушался. Въ лѣсу стало тихо. Тогда онъ слѣзъ со своего дерева. «А ну-ка, попробую: не откроется ли и мнѣ эта дверь!» И только сказалъ:—«Дверцы, дверцы, откройтесь!»—дверь сейчасъ же и открылась.

Вошелъ Али-Баба въ пещеру и руками развелъ: лежатъ передъ нимъ груды золота, серебра и всякой всячины,

— «Эге!» сказалъ онъ. «Возьму-ка я отсюда нѣсколько мѣшочковъ! Я-то разживусь, и разбойникамъ не будетъ обидно: вонъ, сколько у нихъ всякаго добра!»

И, не долго думавши, онъ принялся таскать мѣшки съ червонцами, одинъ за другимъ,—только приговариваетъ:— «Дверцы, дверцы, откройтесь!»

Вынесъ шесть мѣшковъ, навьючилъ ихъ на своихъ ословъ, прикрылъ сверху хворостомъ, и—поскорѣй домой.

Пріѣхалъ, показалъ женѣ свою находку и разсказалъ все, какъ было. Жена принялась считать деньги. Считала, считала, и со счету сбилась. Али-Баба весело разсмѣялся.—«Не скоро»,

говоритъ, «ихъ пересчитаешь. Лучше пойдемъ въ садъ, выроемъ яму и спрячемъ нашу казну».

— «Нѣтъ», говоритъ жена, «я хочу знать, велико ли наше богатство. Погоди. Я возьму у Касима, твоего брата, мѣрку и смѣряю наши деньги».

— «Только, смотри, не проболтайся тамъ!» сказалъ мужъ.

— «Не бойся, не проболтаюсь!»

И побѣжала. Прибѣжала въ домъ Касима и говоритъ его женѣ:

— «Одолжи намъ, пожалуйста, мѣрку на два, на три часа!»

— «А что́ вамъ мѣрить?» спросила та.

— «Да такъ, кое-что... пшеницу...»

— «Съ удовольствіемъ!» отвѣчала жена Касима: «Подожди немного, сейчасъ я тебѣ принесу!» А сама думаетъ: «Откуда у нихъ столько пшеницы, что мѣрять надо? Ну, да ужъ я перехитрю ее: вымажу дно мѣрки смолой,—что-нибудь да пристанетъ къ нему,—вотъ я и узнаю, какая у нихъ тамъ пшеница».

Такъ она и сдѣлала. Жена Али-Бабы схватила мѣрку и побѣжала домой.

Долго она мѣряла свое золото и намѣряла 40 мѣрокъ. Веселая, отнесла она мѣрку назадъ; а того и не замѣтила, что на днѣ присталъ одинъ червонецъ.

Жена Касима поглядѣла на дно и ахнула. Вернулся вечеромъ Касимъ домой, а жена ему и говоритъ:—«Ты думаешь, что братъ твой—бѣднякъ, а на самомъ-то дѣлѣ онъ гораздо богаче тебя! Ты *считаешь* свои деньги, а онъ ихъ *мѣряетъ* мѣрой!» И она показала мужу червонецъ въ мѣркѣ.

Касимъ идетъ къ своему брату:—«Говори мнѣ сейчасъ, откуда у тебя деньги и какъ ты ихъ добылъ? Говори, а не

то—я донесу на тебя въ судъ, что ты кого-то ограбилъ, и у тебя все отнимутъ!»

Нечего дѣлать,—Али-Баба разсказалъ брату всю правду.

— «Проводи меня туда, къ горѣ!» сказалъ Касимъ.

— «Ладно».

На другой день Касимъ взялъ десять муловъ, набьючилъ ихъ большими сундуками и вмѣстѣ съ Али-Бабой отправился въ лѣсъ.

Вотъ и гора. Али-Баба сказалъ:—«Дверцы, дверцы, откройтесь!» Дверь открылась.

— «Ну, теперь ступай себѣ домой!» сказалъ жадный Касимъ брату; самъ вошелъ въ пещеру, а дверь за нимъ захлопнулась.

Увидѣлъ Касимъ блестящія груды золота и серебра, и чуть съ ума не сошелъ отъ радости. Роется онъ въ сундукахъ и мѣшкахъ, отбираетъ себѣ то, что́ получше,—а у самого глаза разбѣгаются и руки трясутся, и все-то ему кажется мало.

Вотъ взвалилъ онъ себѣ на плечи большой мѣшокъ и хочетъ выйти. А дверь заперта, и позабылъ Касимъ, что́ ему надо сказать, чтобы дверь отворилась. Надо сказать: «Дверцы, дверцы, откройтесь!» а онъ кричитъ: «Дверцы, отворитесь!» «Дверцы, отопритесь!» Дверь не открывается, да и только. Онъ кричитъ еще громче, колотитъ въ дверь ногами и руками, старается выломать ее, плачетъ, рыдаетъ,—все напрасно!

Тутъ пріѣхали разбойники, вошли въ пещеру, поймали

Касима и саблями отрубили ему голову, руки и ноги; бросили его въ пещерѣ, а сами опять ускакали на грабежъ.

Жена Касима сидитъ дома и поджидаетъ своего мужа. Прошелъ день, прошла ночь, а его все нѣтъ. Утромъ бѣжитъ она къ Али-Бабѣ, плачетъ и проситъ его:—«Разыщи моего мужа!»

Али-Баба взялъ своихъ ословъ, поѣхалъ въ лѣсъ, вошелъ въ пещеру и нашелъ разрубленное тѣло Касима. Завернулъ его въ мѣшокъ, взвалилъ на своего осла, положилъ еще нѣсколько мѣшковъ съ золотомъ, сверху прикрылъ все хворостомъ, и вечеромъ вернулся въ городъ.

Навстрѣчу ему идетъ Моргіана,—та сирота, которую онъ принялъ въ свой домъ. «Она ловкая и хитрая дѣвушка», подумалъ Али-Баба: «спрошу у ней совѣта». Подозвалъ ее къ себѣ и говоритъ:—«Бѣда стряслась надъ братомъ: разбойники изрубили его въ куски. Вотъ я везу его мертвое тѣло. Ужасно боюсь, что про это узнаютъ судьи. Скажутъ, что я его убилъ, и тогда—мы всѣ погибли. Не лучше ли зарыть его въ землю?»

Моргіана отвѣчаетъ:—«Нѣтъ, это хуже. Если про это узнаютъ сосѣди, тогда уже навѣрно ты будешь виноватъ. Вези брата въ его домъ. Я все устрою: сосѣди будутъ думать, что онъ умеръ отъ болѣзни».

— «А какъ же мы покажемъ покойника сосѣдямъ: снъ весь разрубленъ на куски!»

— «Погоди: и это я устрою».

Моргіана побѣжала къ женѣ Али-Бабы и уговорила ее, чтобы она пока не плакала. Потомъ побѣжала въ аптеку:

— «Дайте мнѣ лѣкарства: братъ моего хозяина очень сильно простудился».

Аптекарь далъ ей лѣкарства и разсказалъ всѣмъ сосѣдямъ, что Касимъ заболѣлъ.

На утро она опять проситъ аптекаря:—«Дайте поскорѣй самаго сильнаго лѣкарства: моему хозяину совсѣмъ плохо!»

Когда стемнѣло, Моргіана прокралась на другой конецъ города, къ старому башмачнику Ахмету, и сказала ему:—«Хочешь заработать два червонца? Возьми иглу и нитки, и иди за мной. Только я тебѣ завяжу глаза!»

Ахметъ согласился. Моргіана завязала ему глаза и привела его въ домъ Касима. Тутъ она сняла повязку съ глазъ Ахмета и велѣла ему сшить покойника: пришить къ туловищу голову, руки и ноги. Потомъ опять завязала башмачнику глаза, отвела его назадъ, заплатила два червонца и вернулась домой.

Тутъ Моргіана и жена Касима одѣли покойника и стали, по обычаю, громко плакать и кричать. Со всѣхъ сторонъ сбѣжались сосѣди и знакомые, и увидѣли, что Касимъ умеръ. На другой день были похороны.

Жена Касима съ горя заболѣла и сама скоро умерла. Тогда Али-Баба, со своей семьей, переѣхалъ жить въ домъ своего брата, и забылъ и думать о разбойникахъ.

Пріѣхали разбойники въ пещеру и видятъ, что мертваго тѣла нѣтъ. Атаманъ говоритъ:—«Надо, братцы, узнать, кто это у насъ здѣсь былъ! Вѣдь, и денегъ нашихъ много убыло. Видно, этотъ же воръ укралъ. Его надо отыскать».

Выбралъ атаманъ одного, самаго хитраго, разбойника и говоритъ ему:—«Поди въ городъ и прислушайся въ народѣ: можетъ-быть, тамъ говорятъ, что вотъ одного человѣка кто-

то разрубилъ на шесть частей. И узнай, въ какомъ домѣ этотъ покойникъ».

Разбойникъ переодѣлся и раннимъ утромъ пришелъ въ городъ. Улицы были пусты. Идетъ онъ мимо лавки башмачника Ахмета, а тотъ ужъ сидитъ за работой. Разбойникъ подошелъ къ нему:

— «Здравствуй, милый человѣкъ! Что такъ рано за работу принялся? Еще темно! Глаза испортишь!»

— «Э!» говоритъ башмачникъ. «Нашему брату иной разъ и ночью задаютъ работу».

— «Что же это за работа? трудная? а?» спрашиваетъ разбойникъ.

— «Да какъ по-твоему: легко сшить мертвое тѣло? или нѣтъ? А я вотъ сшилъ, да еще какъ ловко-то!»

Разбойникъ навострилъ уши и говоритъ:—«Что-о? Сшилъ мертвое тѣло? Чепуху городишь, старикъ!»

— «А вотъ и не чепуху! Только я тебѣ больше ни слова не скажу. Иди-ка своей доро́гой!»

— «Да я и спрашивать не стану!» говоритъ разбойникъ. «На что мнѣ нужно? Какое мнѣ дѣло? А только вижу я, что ты человѣкъ бѣдный,—жалко мнѣ тебя.»

Тутъ разбойникъ сунулъ старику въ руку червонецъ, а самъ говоритъ:—«Все бываетъ на свѣтѣ... Пожалуй, что и мертвецовъ сшиваютъ. А все-таки мнѣ что-то не вѣрится. Ну, зачѣмъ нужно сшивать мертвеца?»

Бѣдный башмачникъ увидалъ на своей ладони червонецъ и сталъ разговорчивѣе. И отвѣчаетъ:

— «Зачѣмъ нужно сшивать? А какъ же не сшивать, когда у мертвеца отрублена голова, руки и ноги?»

— «Боже мой!» говоритъ разбойникъ. «Съ кѣмъ же это такая бѣда случилась? Кого ты сшивалъ?»

— «Да я и самъ не знаю—кого! Меня вели туда не просто, а завязали мнѣ прежде глаза».

— «Вотъ чудеса-то! Проводи меня къ тому дому: я тебѣ дамъ за это еще пять червонцевъ». (А самъ въ это время нарочно побрякиваетъ въ карманѣ червонцами).

Башмачникъ подумалъ и говоритъ:—«Завяжи мнѣ глаза и веди меня по улицамъ: тогда я, можетъ-быть, и вспомню дорогу».

Разбойникъ завязалъ старику глаза, и они пошли... «Прежде», говоритъ башмачникъ, «меня повели въ эту сторону... потомъ повернули такъ... потомъ сюда...»

Какъ-разъ противъ дома Касима башмачникъ остановился и сказалъ:

— «Стой: дальше меня не водили!»

— «Чей же это домъ?» спросилъ разбойникъ.

— «Вотъ ужъ чего не знаю, такъ не знаю!» сказалъ Ахметъ.

Разбойникъ начертилъ углемъ на двери крестикъ, чтобъ потомъ, можно было сразу найти этотъ домъ, отвелъ Ахмета назадъ, отсчиталъ ему пять золотыхъ и побѣжалъ въ лѣсъ, къ своему атаману.—«Я», говоритъ, «все разузналъ!» Атаманъ и товарищи похвалили его и радовались, что скоро убьютъ своего врага.

Между тѣмъ, Моргіана вышла изъ дому и замѣтила черный крестикъ на своей двери. «Это что́ за значокъ?» подумала она. «Пошутилъ ли это кто-нибудь? или это недобрая хитрость? Лучше, на всякій случай, поостерегусь!» Она взяла уголь и на всѣхъ сосѣднихъ домахъ начертила такіе же крестики.

Ночью разбойникъ привелъ въ городъ своихъ товари-

щей.—«Вотъ», говоритъ, «эта улица. Сейчасъ я покажу вамъ тотъ домъ: мы проберемся въ него, убьемъ тамъ всѣхъ людей и возьмемъ наши деньги».

Ищутъ разбойники, на какомъ домѣ сдѣлана замѣтка, и видятъ, что черные крестики нарисованы на многихъ домахъ. Разсердились они на своего товарища, подумали, что онъ нарочно обманулъ ихъ, и больно его побили.

На другой день атаманъ самъ отправился къ Ахмету, разговорился съ нимъ и далъ ему десять червонцевъ. Башмачникъ попросилъ завязать себѣ глаза и привелъ его къ дому Касима. Атаманъ долго ходилъ мимо этого дома, хорошенько за-

помнилъ его, потомъ купилъ двадцать муловъ, навьючилъ на нихъ сóрокъ большихъ кубановъ, въ одинъ кубанъ до-верху налилъ конопляннаго масла, и вернулся со своей покупкой въ лѣсъ. Тутъ онъ сказалъ товарищамъ:

— «Слушайте, ребята! Васъ тридцать девять человѣкъ. Берите свое оружіе и садитесь въ пустые кубаны. А тамъ я скажу вамъ, чтó надо дѣлать».

Разбойники взяли сабли и кинжалы и засѣли въ кубаны. Атаманъ закрылъ кубаны, обмазалъ, ихъ сверху конопляннымъ масломъ, переодѣлся купцомъ и погналъ муловъ съ тяжелой ношей въ городъ.

Солнце зашло. Сидитъ Али-Баба у воротъ своего дома и смотритъ на прохожихъ. Видитъ: идетъ по улицѣ человѣкъ,—

съ виду похожъ на купца,—а за нимъ со́рокъ муловъ, тащутъ на спинахъ большіе кубаны.

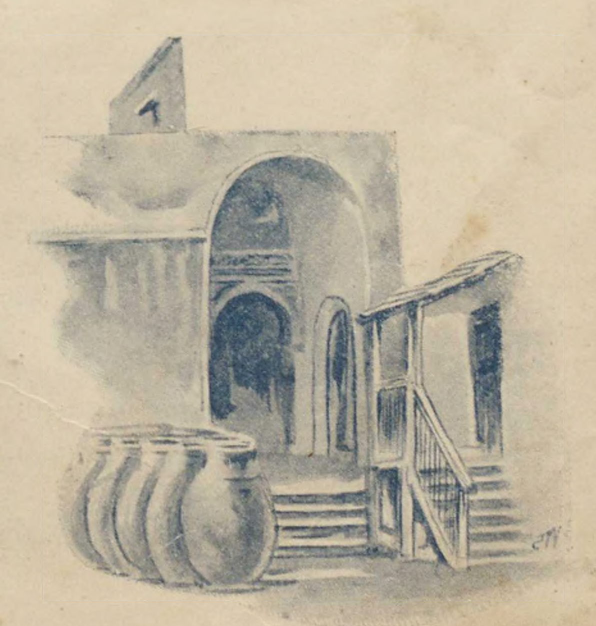
Вотъ онъ подходитъ къ Али-Бабѣ и говоритъ:—«Господинъ! я продавецъ конопляннаго масла, пришелъ сюда издалека, хочу завтра продать свой товаръ на базарѣ. Но въ городѣ у меня нѣтъ знакомыхъ, и я не знаю, у кого мнѣ переночевать. Позволь мнѣ поставить муловъ у тебя на дворѣ, а мнѣ самому переночевать гдѣ-нибудь около нихъ, въ конюшнѣ».

Али-Баба не узналъ атамана и сказалъ ему радушно:

— «Милости прошу ко мнѣ въ домъ! Моргіана! приготовь гостю ужинъ повкуснѣе».

— «Нѣтъ», сказалъ атаманъ: «я очень усталъ и ужинать не хочу!»

Онъ ввелъ своихъ муловъ во дворъ, развьючилъ ихъ и шепнулъ разбойникамъ:—«Сидите смирно. Ночью я стану бросать изъ окна камешки: тогда вылѣзайте и дѣлайте, что я прикажу!»

Моргіана пошла въ кухню готовить своему хозяину ужинъ. Хочетъ зажечь лампу, а въ лампѣ нѣтъ масла. Схватилась за кувшинъ, и тамъ масла ни капли нѣтъ,—все вышло. А купить его теперь уже негдѣ: всѣ лавки заперты! «Что дѣлать?» думаетъ она. «Возьму-ка я немного масла изъ кубановъ нашего гостя».

Она взяла кувшинъ, вышла на дворъ и хочетъ

открыть одинъ кубанъ, а разбойникъ сидитъ внутри и думаетъ, что это идетъ его атаманъ.—«Что, пора уже?» спрашиваетъ онъ тихо.

Моргіана страшно перепугалась, однако скоро опомнилась и говоритъ шопотомъ:—«Нѣтъ еще, погоди!»

Подошла къ другому кубану:—«Пора?» спрашиваетъ другой разбойникъ подъ крышкой.—«Нѣтъ еще!» отвѣчаетъ Моргіана и идетъ дальше.

— «Ахъ, атаманъ, поскорѣе!»—«Мочи нѣтъ больше сидѣть!»—«Ой, какъ затекли ноги!» ворчатъ разбойники. Такъ она обошла всѣ кубаны. Наконецъ, въ послѣднемъ кубанѣ было масло.

Она принесла изъ кухни большой котелъ, налила его масломъ и поставила на огонь. Скоро масло закипѣло. Тогда она взяла да и налила горячаго масла въ каждый кубанъ. Всѣ разбойники обварились; тутъ имъ и конецъ былъ.

Тѣмъ временемъ атаманъ лежитъ въ своей комнатѣ на постели и ждетъ, когда всѣ въ домѣ улягутся спать. Вотъ, наконецъ, все утихло. Онъ всталъ, подошелъ къ окну и сталъ бросать на дворъ камешки. Что за диво? Ни одинъ разбойникъ даже и не ворохнется. «Заснули они, что ли?»

Атаманъ прокрался во дворъ, открылъ кубаны и увидалъ, что всѣ его товарищи мертвы. Въ ужасѣ бросился онъ къ забору, перелѣзъ на улицу и побѣжалъ изъ города въ лѣсъ,— только давай Богъ ноги!

На утро Али-Баба узналъ, какъ Моргіана спасла и его и всю семью отъ вѣрной смерти, и щедро ее наградилъ. Мерт-

выхъ разбойниковъ тайкомъ закопали въ саду, и никто изъ сосѣдей не узналъ о томъ, что случилось.

Между тѣмъ, атаманъ рѣшилъ отомстить Али-Бабѣ во что бы то ни стало. Въ лавкѣ Касима теперь торговалъ сынъ Али-Бабы. Рядомъ съ этой лавкой атаманъ завелъ себѣ лавку и назвался индѣйскимъ купцомъ. Сынъ Али-Бабы скоро съ нимъ подружился и говоритъ отцу:—«Ахъ, какой у меня славный сосѣдъ! Надо бы его пригласить къ намъ на ужинъ!»

— «Ну, что жъ, пригласи!» отвѣчаетъ Али-Баба.

Вотъ, и пришелъ разбойникъ въ гости, а подъ кафтаномъ у себя спряталъ кинжалъ. Моргіана пришла въ комнаты накрывать на столъ, посмотрѣла на гостя и думаетъ: «Гдѣ это я его видала? А! да, вѣдь, это продавецъ масла, атаманъ разбойниковъ! Должно-быть, онъ хочетъ ночью убить моего хозяина! Погоди же: я тебя перехитрю!»

После ужина Али-Баба съ сыномъ и гостемъ сидѣли на диванѣ, пили вино и курили табакъ. Моргіана красиво нарядилась, взяла въ руки бубенъ и острый кинжалъ и вышла передъ ними плясать. Али-Баба весело закричалъ:

— «Вотъ, спасибо, Моргіана! въ самомъ дѣлѣ, повесели-ка нашего гостя пляской!»

Разбойнику было ужасно досадно, что ему мѣшаютъ. Однако,—дѣлать нечего,—онъ улыбнулся, кивнулъ головой и сталъ смотрѣть.

Моргіана начала плясать: она кружилась, изгибалась въ разныя стороны, подпрыгивала

кверху, бѣгала съ мѣста на мѣсто и все время размахивала острымъ кинжаломъ. Вдругъ она подскочила къ гостю и сразу его заколола.

— «Несчастная! Что ты сдѣлала?» вскрикнулъ Али-Баба: «ты погубила меня и всю мою семью!»

— «Нѣтъ! я спасла тебя!» сказала Моргіана: «неужели ты не видишь, что это атаманъ разбойниковъ? Вотъ, посмотри: у него на груди былъ спрятанъ кинжалъ: онъ хотѣлъ убить тебя ночью!»

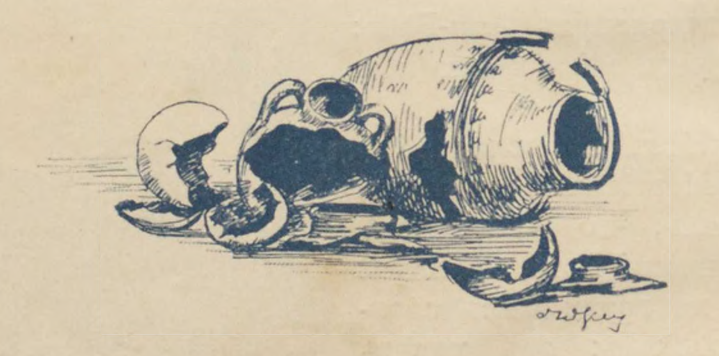
Она сорвала съ разбойника поддѣльную бороду, и тогда Али-Баба узналъ атамана.

— «Моргіана!» сказалъ онъ: «ты въ третій разъ спасла мнѣ жизнь! До сихъ поръ ты была

у меня служанкой; теперь поди замужъ за моего сына: я думаю, онъ не найдетъ себѣ жены умнѣе тебя!»

Сынъ Али-Бабы съ радостью согласился жениться на Моргіанѣ. Черезъ нѣсколько дней отпраздновали пышную свадьбу.

Теперь ужъ Али-Баба смѣло отправился въ лѣсъ къ горѣ, вошелъ въ пещеру, вывезъ оттуда всѣ сокровища и сдѣлался самымъ богатымъ человѣкомъ во всей Персіи.

Въ городѣ Багдадѣ жилъ великій царь Гарунъ-аль-Рашидъ. Разъ онъ позвалъ своего старшаго министра и сказалъ ему:—«Пойдемъ гулять по городу».

И они пошли.

Попадается имъ навстрѣчу старый рыбакъ: идетъ съ рѣки, несетъ сѣть за плечами и пустую корзину въ рукахъ.

Царь сказалъ рыбаку:—«Вернись съ нами къ рѣкѣ. Закинь сѣть на мое счастье. Я тебѣ заплачу сто рублей».

— «Хорошо!» сказалъ тотъ; закинулъ сѣть и вытащилъ изъ воды тяжелый ящикъ.

Царь далъ рыбаку сто рублей, а ящикъ велѣлъ нести во дворецъ. Тутъ ящикъ расколотили: въ немъ—корзина, зашитая въ красное сукно. Открыли корзину и нашли въ ней убитую женщину. Царь разсердился и сказалъ старшему министру:

— «Такъ-то ты заботишься о моихъ подданныхъ? Вотъ тебѣ три дня сроку: если ты за это время не найдешь убійцу, я повѣшу тебя!»

Бѣдный министръ искалъ убійцу всѣ три дня и не нашелъ. На четвертый день поставили висѣлицу, привели къ ней министра и уже накинули ему петлю на шею.

Вдругъ сквозь толпу пробирается молодой человѣкъ и кричитъ:

— «Меня повѣсьте, меня! Это я убилъ женщину и бросилъ ее въ рѣку. Клянусь бородой пророка Магомета!»

Царь говоритъ:—«Разскажи, какъ было дѣло!»

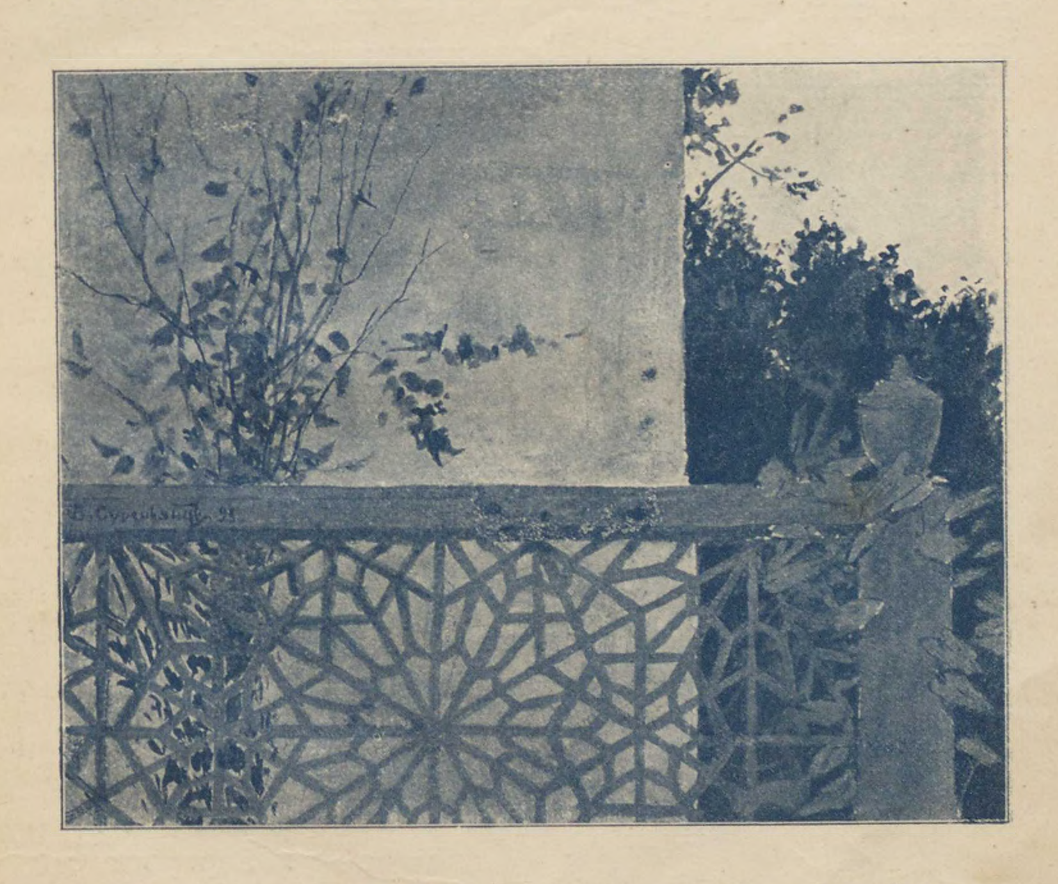
И молодой человѣкъ началъ разсказывать:

— Эта женщина—моя жена. Мѣсяцъ тому назадъ она заболѣла. Я ухаживалъ за ней и лѣчилъ ее, какъ умѣлъ. Ничего не помогало. Наконецъ, она сказала:—«Мнѣ хочется поѣсть яблочка. Достань хоть одно. Мнѣ кажется, я выздоровѣю, какъ поѣмъ яблочка». Я пошелъ въ городъ купить яблокъ.

Сунулся въ одну лавку. «Есть у васъ яблоки?» «Нѣту». Я въ другую. «Мнѣ», говорю, «нужно десятокъ яблокъ». «Нѣтъ у насъ яблокъ». Я обошелъ весь базаръ. Прошу торговцевъ: «Продайте мнѣ хоть одно яблоко. Я вамъ дамъ за него рубль». Ни у кого нѣтъ яблокъ. Такъ я и вернулся домой ни съ чѣмъ. На другой день опять пошелъ искать яблокъ. Вотъ одинъ разносчикъ мнѣ и говоритъ: «Яблокъ теперь во всемъ городѣ нѣтъ. Ихъ можно найти только въ царскомъ саду». Я пошелъ, государь, къ твоему садовнику и прошу его: «Сдѣлай милость! продай мнѣ яблокъ! Я тебѣ за каждое дамъ по рублю». Садовникъ далъ мнѣ три яблока. Я заплатилъ деньги и побѣжалъ домой обрадовать жену. «Вотъ, я досталъ тебѣ три отличныя яблочка. Кушай на здоровье». А жена

говоритъ: «Нѣтъ, вчера мнѣ хотѣлось яблочка, а теперь уже не хочется». «Ну, можетъ-быть, завтра опять захочется», сказалъ я; положилъ яблоки на тарелку и поставилъ около нея на столъ. На другой день пошелъ я въ кофейню и сѣлъ со знакомыми покурить и напиться кофею. Смотрю: входитъ

незнакомый арапъ, высокаго роста, и въ рукѣ у него яблоко.— «Эй, любезный», спрашиваю я, «скажи, пожалуйста, откуда ты взялъ это яблоко?» А онъ отвѣчаетъ:—«Мнѣ дала его моя сестра. Она теперь лежитъ больная. Я навѣстилъ ее сегодня. Она угостила меня вкуснымъ завтракомъ и дала мнѣ это яблоко». «Откуда же твоя сестра взяла яблоко?»—«У нея

было цѣлыхъ три яблока. Ихъ раздобылъ гдѣ-то ея мужъ». Я побѣжалъ домой къ женѣ. Смотрю,—на тарелкѣ лежатъ только два яблока. «А гдѣ же третье яблоко?» спрашиваю. Жена посмотрѣла на тарелку и сказала равнодушно:—«Право, не знаю, куда оно дѣвалось!» Тутъ я вышелъ изъ себя отъ гнѣва и закричалъ:—«Говори мнѣ всю правду! У тебя есть братъ, черный человѣкъ? Онъ былъ сегодня у тебя? Ты угощала его завтракомъ и отдала ему яблоко? Я бѣгалъ за этимъ яблокомъ три дня по всему городу, съ большимъ трудомъ ихъ добылъ, а ты раздаешь людямъ, которыхъ я не знаю!» — «Нѣтъ», сказала она: «у меня нѣтъ никакого брата, и никакого чернаго человѣка я сегодня не видѣла». — «А!» закричалъ я: «ты смѣешь мнѣ въ глаза лгать!» Схватилъ саблю и убилъ жену на-смерть. Потомъ положилъ ее въ корзину, обшилъ корзину краснымъ сукномъ, заколотилъ въ ящикъ и стащилъ ночью въ рѣку. Вернулся я домой. А маленькій сынишка мой сидитъ на крыльцѣ и горько плачетъ. — «О чемъ ты?» спрашиваю я. А онъ говоритъ:—«Нынче утромъ

я взялъ у мамы со стола одно яблочко и сталъ имъ играть на улицѣ. Пришелъ высокій черный человѣкъ, выхватилъ у меня изъ рукъ яблочко и пошелъ. Я побѣжалъ за нимъ и кричу: «Отдай, отдай! это яблочко моей больной мамы, у нея всего три такихъ яблочка и есть. Мой папа нарочно за ними ходилъ, долго искалъ ихъ и дорого за нихъ заплатилъ!» Черный человѣкъ не послушалъ меня, не отдалъ яблочка и ушелъ!» Я схватился за голову: «Что я надѣлалъ? Зачѣмъ повѣрилъ арапу? Зачѣмъ я убилъ мою жену ни за что, ни про что?». Цѣлую недѣлю я горевалъ. Сегодня я услыхалъ отъ людей, что ты, государь, нашелъ ящикъ съ тѣломъ моей жены и хочешь казнить за это своего министра. Отпусти его на волю. Я одинъ во всемъ виноватъ. Казни меня!...

— «Нѣтъ», сказалъ царь. «Виноватъ тотъ арапъ, который сказалъ тебѣ неправду. И мой министръ долженъ найти его въ три дня. А если не найдетъ,—быть ему на висѣлицѣ!»

Несчастный министръ говоритъ:

— «Великій царь! Какъ я найду виновнаго? Развѣ мало въ нашемъ городѣ араповъ?»

Но царь не сталъ слушать и пошелъ во дворецъ.

Министръ всѣ три дня сидѣлъ дома и горевалъ. На четвертый день приходитъ къ нему офицеръ и говоритъ:

— «Иди на казнь».

Министръ сталъ прощаться съ женой и дѣтьми. Принесли къ нему и младшую дочку. Онъ обнялъ ее и ощупалъ у нея въ карманѣ что-то твердое и круглое.

— «Что у тебя тамъ, дитя мое?» спросилъ онъ.

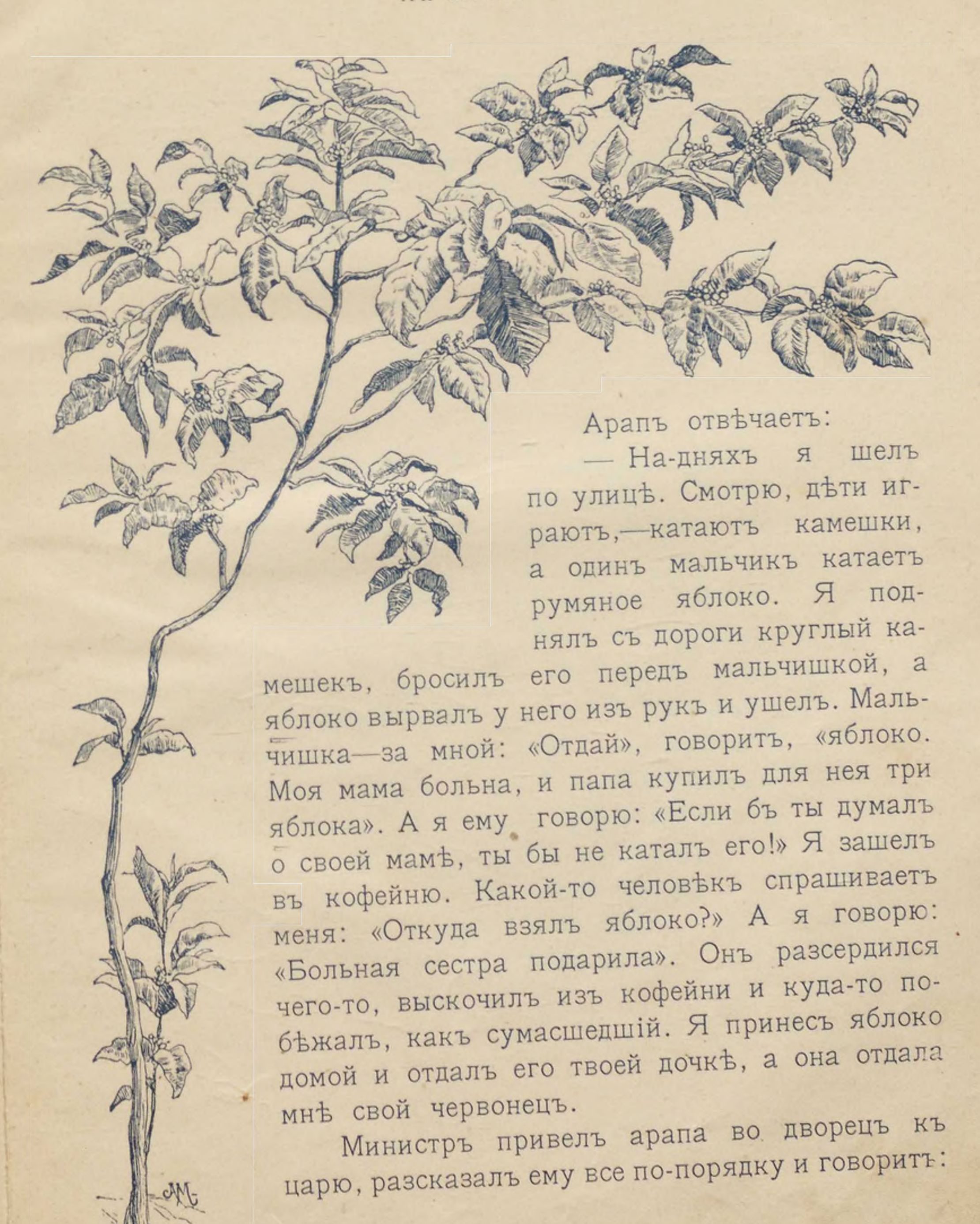
— «Яблочко, батюшка», отвѣчаетъ дѣвочка.

— «Откуда же ты его взяла?»

— Ты подарилъ мнѣ, батюшка, червонецъ. Я играла съ нимъ около нашего дома. Проходитъ мимо нашъ слуга, арапъ Риханъ, и держитъ въ рукѣ яблочко, спѣлое такое, румяное. Мнѣ понравилось яблочко. Я и говорю ему: «Дай мнѣ яблочко». А онъ говоритъ: «Я тебѣ отдамъ яблочко, а ты мнѣ отдай свой червонецъ». Вотъ мы и помѣнялись.

— «Слава Богу! теперь я спасенъ!» сказалъ министръ. Послалъ за Рихиномъ и спрашиваетъ его:

— «Негодный! гдѣ ты взялъ это яблоко?»

Арапъ отвѣчаетъ:

— На-дняхъ я шелъ по улицѣ. Смотрю, дѣти играютъ,—катаютъ камешки, а одинъ мальчикъ катаетъ румяное яблоко. Я поднялъ съ дороги круглый камешекъ, бросилъ его передъ мальчишкой, а яблоко вырвалъ у него изъ рукъ и ушелъ. Мальчишка—за мной: «Отдай», говоритъ, «яблоко. Моя мама больна, и папа купилъ для нея три яблока». А я ему говорю: «Если бъ ты думалъ о своей мамѣ, ты бы не каталъ его!» Я зашелъ въ кофейню. Какой-то человѣкъ спрашиваетъ меня: «Откуда взялъ яблоко?» А я говорю: «Больная сестра подарила». Онъ разсердился чего-то, выскочилъ изъ кофейни и куда-то побѣжалъ, какъ сумасшедшій. Я принесъ яблоко домой и отдалъ его твоей дочкѣ, а она отдала мнѣ свой червонецъ.

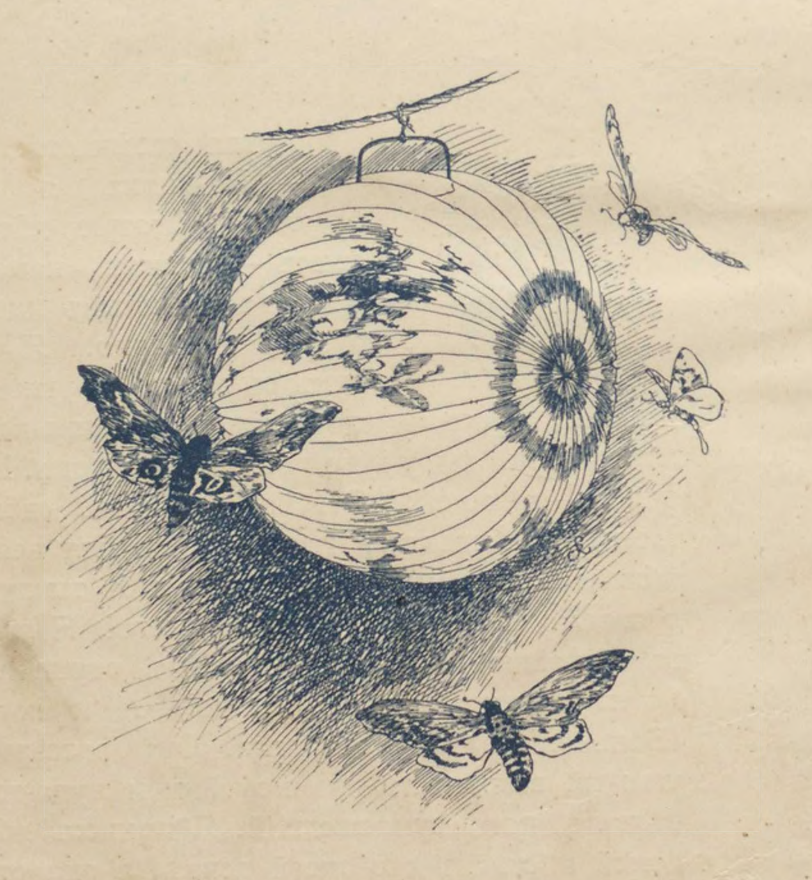
Министръ привелъ арапа во дворецъ къ царю, разсказалъ ему все по-порядку и говоритъ:

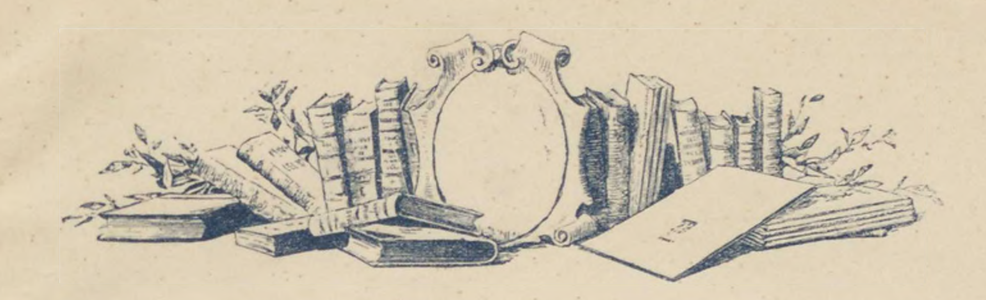
— «Прости его».

Царь подумалъ и спросилъ Рихана:—«Зачѣмъ ты въ кофейнѣ сказалъ неправду, что яблоко дала тебѣ сестра?»

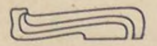
Тотъ отвѣчаетъ:—«Я пошутилъ!»

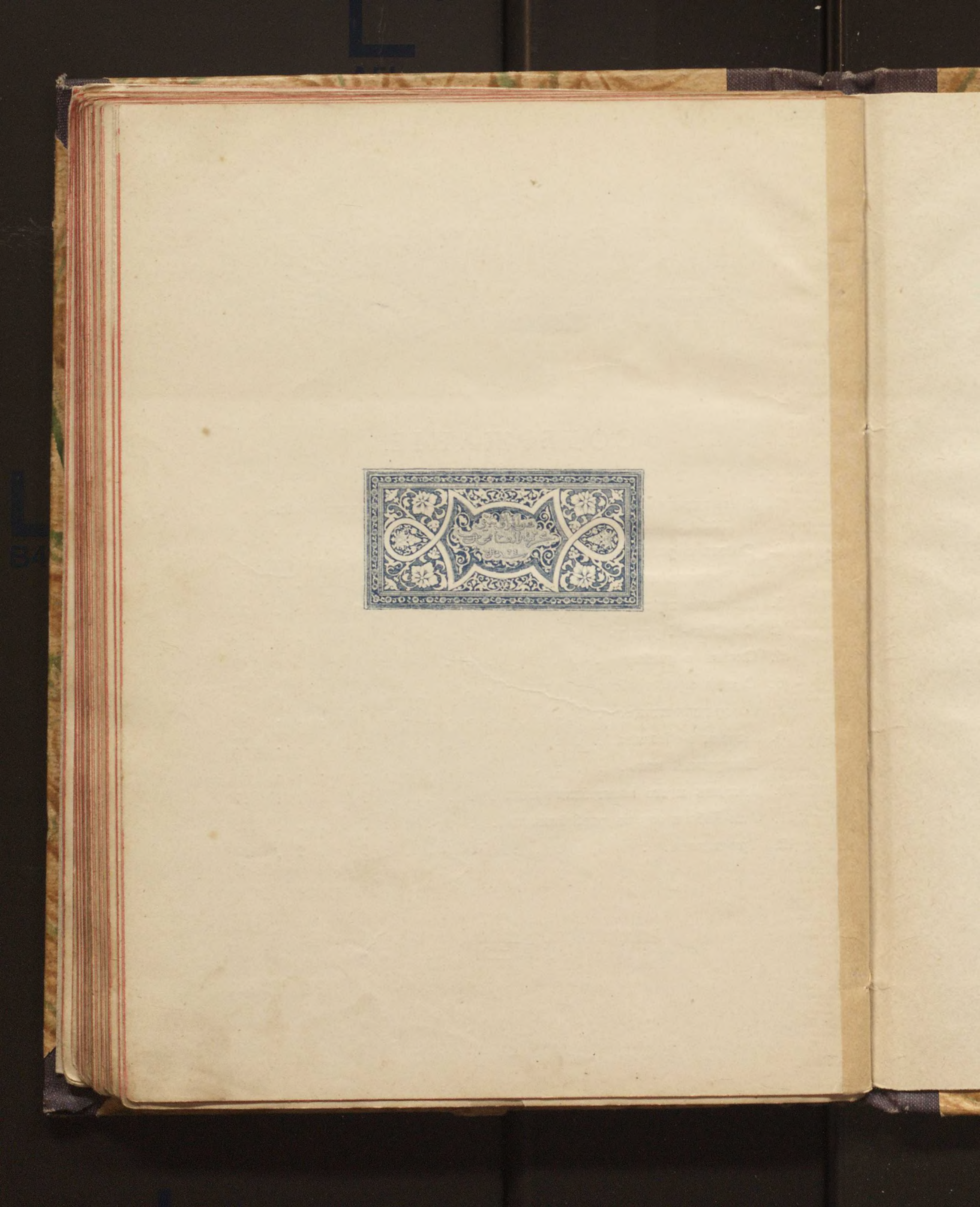
— «Никогда больше не смѣй такъ шутить!» сказалъ царь. «Ступай!»

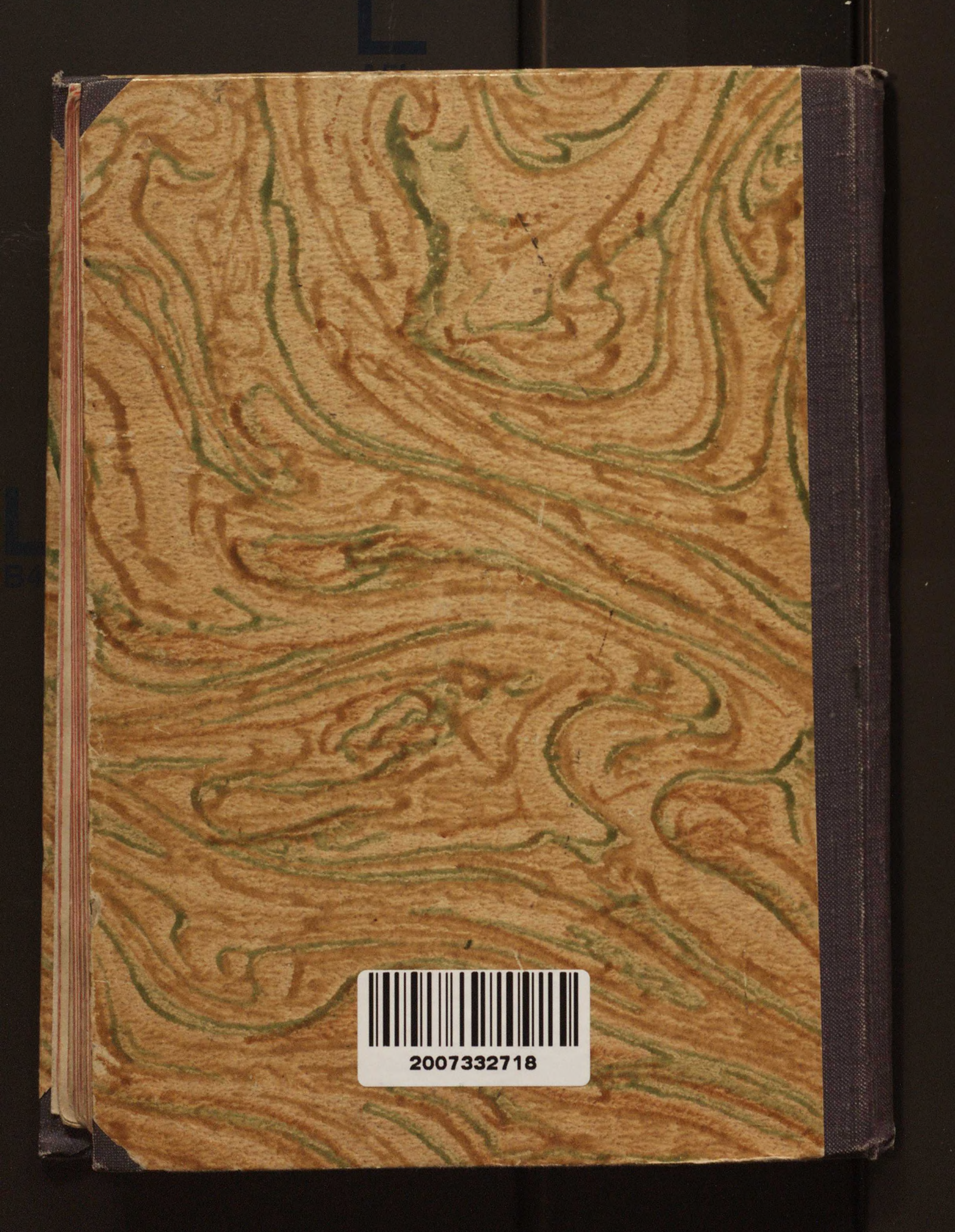

СОДЕРЖАНІЕ.

2007332718